

ISSN 2542-2375

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**2020
№ 1(13)**

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

SCIENTIFIC JOURNAL

**No. 1(13)
2020**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2020
№ 1
(13)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент, Республика Молдова
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2020
№ 1
(13)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПМ № ФС77-68612

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
S. M. Nazariia, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Republic of Moldova
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected.

Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

- В.А. Верременко*
«Казенная прислуга» (денщики) в семьях российских офицеров
во второй половине XIX – начале XX в. 7
- О.А. Семёнова*
Кто такой садовник в России на рубеже XIX–XX вв.? 23
- Н.А. Мицюк, Л.Л. Степченко*
Повседневная жизнь врачей и фармацевтов-евреев
в Смоленской губернии в 1870–1910-е гг.
(по материалам формулярных, служебных и кондуитных списков) 34

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- О.А. Лиценбергер, А.С. Мусагалиева*
«Навечно, без права возврата их к прежним местам жительства...»:
повседневная жизнь российских немцев-спецпоселенцев
в 1941–1955 гг. (на примере колхоза Кызыл-Когам Казахской ССР) 52
- Л.Н. Семёнова*
Местная печать о проблеме строительства новых школ
в районных городах на этапе завершения перехода
ко всеобщему среднему образованию
(по материалам газеты «Гатчинская правда» 1974–1976 гг.) 69

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

- Е.Н. Крылова*
Некоторые аспекты правового регулирования
рекламной деятельности на примере столичной
печатной рекламы начала XX в. 81
- В. Дённингхаус*
Аграрная революция «сверху» и немцы Поволжья
(1906–1914 гг.) 91

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- И.В. Синова, К.В. Проскурина*
Мемуары как исторический источник о национальных
особенностях и роли кухни в дипломатии 114

СОЦИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Е.А. Цуканов</i>	
Метаморфозы властных полномочий медиа: история вопроса.....	124
<i>Н.В. Досина</i>	
Социальное согласие: интерпретация в исследованиях повседневности.....	133
Сведения об авторах.....	144

Contents

EVERYDAY LIFE OF INDIVIDUAL SOCIAL GROUPS

- V.A. Veremenko*
“Government servants” (batmen) in the families of Russian officers
in the second half of the XIX – early XX centuries 7
- O.A. Semenova*
Who is the gardener in Russia at the turn of the XIX–XX century? 23
- N.A. Mitsyuk, L.L. Stepchenkov*
The everyday life of Jewish doctors and pharmacists in the Smolensk
province in the 1870–1910s. (based on materials from formulary,
service, and conduit lists) 34

REGIONAL ASPECTS OF HISTORY OF EVERYDAY LIFE

- O.A. Licenberger, A.S. Musagaliyeva*
"Forever, without the right to return them to their former places of
residence...": the daily life of Russian Germans-settlers in 1941–1955
(on the example of the collective farm Kyzyl-Kogam of the Kazakh SSR) ... 52
- L.N. Semenova*
Local press about the problem of building new schools in regional
towns at the final stage of transition to the general secondary education
(based on the materials of the “Gatchinskaya Pravda”
newspaper 1974–1976) 69

POWER AND SOCIETY

- E.N. Krylova*
Some aspects of legal regulation of advertising on the example
of metropolitan print advertising in the early XX century 81
- V. Dönninghaus*
Agrarian revolution “from above” and the Volga Germans (1906–1914) 91

SOURCE STUDY OF HISTORY OF EVERYDAY LIFE

- I.V. Sinova, K.V. Proskurina*
Memoirs as a historical source about the national features
and the role of cuisine in diplomacy 114

SOCIOLOGY OF EVERYDAY LIFE

- E. Tsukanov*
Media power metamorphosis: history of the problem 124
- N.V. Dosina*
Social Consent: Interpretation in the Study of Everyday Life 133
- About Authors 146

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

УДК 94(47+57)»18/19»:355.343.73

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

В.А. Веременко

«Казенная прислуга» (денщики) в семьях российских офицеров во второй половине XIX – начале XX в.*

В статье на основе широкого круга источников анализируется статус и положение в семьях российских офицеров казенной прислуги (денщиков). Обращается внимание, что несмотря на значительный процент солдат, служивших денщиками (постоянными вестовыми), социальное положение данной группы военнослужащих царской армии до сих пор не становилось предметом специального изучения.

В исследовании характеризуется эволюция наименования нижних чинов, служивших царю и Отечеству в услужении у офицеров. Определяются требования, которые предъявлялись к данному контингенту, формы получаемого ими довольствия, степень вовлеченности в жизнь офицерской семьи. Делается вывод, что произошедшее в 1909 г. сокращение числа денщиков, несмотря на наличие денежной компенсации, стало серьезной материальной проблемой для офицеров. С другой стороны, к началу XX века, гигантский процент денщиков в армии не соответствовал ни задачам, стоявшим перед вооруженными силами страны, ни возросшему уровню самосознания солдат, крайне недовольных использованием «защитников Отечества» в качестве бесплатных слуг.

Ключевые слова: российская армия, денщик, казенная прислуга, постоянный вестовой, офицеры, семейства, служба, довольствие, наемная прислуга.

V.A. Veremenko

“Government servants” (batmen) in the families of Russian officers in the second half of the XIX – early XX centuries

Based on a wide range of sources, the article analyzes the status and place of government servants (batmen) in the Russian officers' families. Attention is drawn to the fact that despite the significant percentage of soldiers serving as batmen (constant messengers), the social status of this group of military personnel of the tsarist army has not yet become the subject of special research.

The study describes the evolution of entitlement of the lower ranks, who served to the tsar and the Motherland, employed by the officers. The requirements present-

© Веременко В.А., 2020

© Veremenko V.A., 2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

ed to this contingent, the forms of the allowance they receive, the degree of involvement in the life of the officer's family are determined. It is concluded that the reduction of the number of batmen that occurred in 1909, despite the monetary compensation, became a serious material problem for the officers. On the other hand, by the beginning of the XX century, a gigantic percentage of batmen in the army did not consort either with the tasks facing the country's armed forces or with the increased level of self-awareness of soldiers, extremely dissatisfied with the use of "defenders of the Motherland" as free servants.

Key words: Russian army, batman, government servants, constant messenger, officers, families, service, allowance, hired servants.

Одной из наиболее разрабатываемых тем в современной отечественной историографии является статус и положение военнослужащих Российской империи в последние десятилетия ее существования. Авторы обращают внимание на социальное и материальное положение офицеров и нижних чинов военного и морского ведомств, условия службы в разных регионах и родах войск, изучают уровень подготовки выпускников профильных учебных заведений и степень обученности рядового состава [см. напр. 1–6]. И только одна категория военнослужащих так и не нашла отражение в работах историков. Речь идет о денщиках (постоянных вестовых / казенной прислуге) – солдатах, служба царю и Отечеству которых заключалась в прислуживании офицерам и их семействам. А ведь речь идет о десятках тысяч человек, примерно 7–8 % состава всего воинского контингента, ведь подобный слуга (а до 1909 г. и не один), полагался практически всем офицерам. Так, например, в 1904 г. в Барнаульском резервном батальоне из 576 нижних чинов в «казенной прислуге» находилось 48 чел. (8,3 % личного состава) [2].

Если историки либо вообще «забывают» о денщиках, либо упоминают о них лишь в качестве «одной из форм офицерского довольствия» [5], то несколько больше «повезло» постоянным вестовым в работах литературоведов, рассматривавших особенности творчества В.И. Даля и Вс. Гаршина [7–8]. Но и в этих исследованиях анализу подвергается не специфика социального положения денщиков, а их образ в соответствующих литературных произведениях.

Целью данной статьи является характеристика статуса денщика и определение его роли в офицерской семье пореформенной России.

На протяжении исследуемого периода наименование нижних чинов, отбывавших военную службу, прислуживая офицерам и их семействам многократно изменялось. В приказе по Военному ведомству от 27-го июля 1856 года за № 165, устанавливавшим количество рядовых, прикомандированных к генералам, штаб- и оберофицерам и классным чиновникам, речь шла о денщиках [9, 1856. № 165, с. 6]. В 1870-е гг. внедрялось наименование «постоянный

вестовой», к которому, по привычке, добавлялось традиционное – денщик. Недаром в одном из рассказов для солдат, с названием – «Всем денщикам – денщик», повествование начиналось с особого пояснения: «... «денщики» заменены «постоянными вестовыми», но последних очень долго в общежитие продолжали называть денщиками» [10, с. 136].

В 1881 г. по приказу по Военному ведомству № 243, денщики «вовсе» исключались из штатов и на их место назначалась «впредь к Генералам, Штаб и Обер-офицерам и классным чиновникам» «казенная прислуга», также как и ранее денщики, формировавшаяся из «общего числа рядовых сих войск» [11, № 243, с. 2–3]. Но и с «полным исключением» из штатов денщиков, это наименование продолжало активно использоваться, правда все больше «неофициально» или в качестве пояснения. Так, например, пособие для нижних чинов, обязанных прислуживать офицерам, издания 1878 г. называлось «Денщик или Постоянный вестовой: (Его обязанности)» [12], а в подобной же инструкции, но вышедшей в 1901 г., речь шла о «постоянном вестовом (денщике)» [13].

С 1909 г. наименование «казенная прислуга» снова заменялось наименованием «денщик», при этом вводилось специальное «Положение о денщиках», которое объединило и структурировало все ранее принятые нормы, определявшие статус и условия прохождения службы тех рядовых, которые находились в услужении у офицеров и их семейств [14–15].

Вне зависимости от того как назывались соответствующие нижние чины – денщики, постоянные вестовые или казенная прислуга, условия их службы были схожи и мало эволюционировали в течение исследуемого периода.

Обеспечение казенной прислугой являлось одной из форм обязательного довольствия всех офицеров и классных чинов военного ведомства [16]. Отличались только размер и форма этого довольствия. В 1856 г. было определено число денщиков, которое зависело от чина офицера и от его семейного положения. Генералам полагалось 3 денщика, штаб-офицерам – 2, обер-офицерам – один. Женатые офицеры получали еще одного, дополнительного. Таким образом, разброс в числе казенной прислуги мог быть очень значительным [9, 1856, № 165, с. 6].

В течение всего исследуемого периода шел процесс постепенной замены казенной прислуги (или ее части для тех, кто имел право на несколько денщиков) в форме «натуральных отпусков от казны» на деньги. Первоначально отдельные военные чиновники, преподаватели военно-учебных заведений, а затем и офицеры некоторых специализированных подразделений, переводились на денежные дотации, на которые они уже сами должны были нанимать

себе штатскую прислугу вместо прикрепленных к ним нижних чинов. Так, в середине 70-х гг. XIX в. подобная практика была введена в отношении чинов управлений отделов Сибирского войска [17, № 21]. В конце столетия деньги на наем прислуги стали получать офицеры отдельных казачьих войск и военнослужащие – слушатели курсов восточных языков [18, с. 102].

Окончательно задача по сокращению числа занятых в услужении нижних чинов была решена в 1908 г. С 1 января следующего, 1909 г. денщики полагались только «всем генералам, штаб и обер-офицерам строевых частей войск и их управлений», а также служащим «в частях и управлениях, постоянно расположенных в крепостях», причем, «каждому лицу по одному человеку». Взамен нижних чинов, отчислявшихся «в строй», «генералам и штаб-офицерам всех вышепоименованных частей и управлений производится отпуск денег на наем прислуги: первым на 2, а вторым – на 1 человека, считая по 10 рублей в месяц на каждого». Только денежные дотации на прислугу получали и те чины военного ведомства, которым денщики по новым правилам вообще не полагались [14].

Условия определения рядового в денщики, предполагали, во многом, противоречивые требования. Новобранцы могли быть назначены в постоянные вестовые после первого лагерного сбора [15, ст. 9]. В ходе этого сбора выявлялись солдатские качества рядового: чем лучше он был подготовлен, чем больше соответствовал требованиям, предъявляемым к нижним чинам, тем меньше у него было шансов продолжить службу в качестве казенной прислуги. Обычную историю получения молодым офицером нижнего чина в услужение, рисует в своих военных очерках В.А. Тихонов: «Выберите себе денщика, – любезно предложил мне ротный командир на другой день после моего прибытия в отряд. – Только, я вас предупреждаю, – сейчас же оговорился он, – что хорошего солдата я вам не дам: хорошие мне и в строю нужны» [19, с. 59].

С другой стороны, денщики должны были быть «здоровыми, безупречной нравственности, толковыми» [15, ст. 8], к тому же «честными, хорошего поведения и непьющими». В общем такими, которым можно было «вверить не только целый дом офицера, но даже его малых детей» [13, с. 21–22]. Ведь та «специфическая деятельность человека, которой занимается денщик, – это поддержание Хозяйства во всех его проявлениях, причем хозяйства дворянина, человека с особыми потребностями» [7, с. 109].

Поэтому чем более высокого чина достигал офицер, тем более внимательно он подходил к подбору своих денщиков. В то же время заниматься воспитанием этих нижних чинов высокопоставленные офицеры не собирались. Не справлявшаяся со своими обязанностями казенная прислуга отправлялась назад в строй, а на ее место

приходил другой рядовой, пока не находился тот денщик, который полностью удовлетворял своего «барина» [2].

То, что от денщика требовались, прежде всего, качества хорошего работника и преданного слуги, а не солдата, нередко подкреплялось его «нестроевой» внешностью. Недаром в художественной литературе офицерская казенная прислуга, как правило, описывалась крайне непрезентабельно. Таков, например, денщик Софронов у В.В. Брусянина – «невысокий человек, с узкими плечами и неуклюжим туловищем на коротких, кривых ногах» [20, с. 13]. А хрестоматийной Никита Иванов, служивший в рассказе Вс. Гаршина у прапорщика Стебелькова «"постоянным вестовым", то есть попросту денщиком», очень некрасивый и несоразмерно сложенный, вообще напоминал окружающим обезьяну [21].

Отказаться от службы в качестве казенной прислуги рядовой возможности не имел. В пособии, предназначенном для обучения нижних чинов, так пояснялась причина безальтернативности подобного служения: «Многие из вас поступив на военную службу ..., назначаетесь к офицерам в постоянные вестовые или как иначе называют в денщики. Это назначение делается по закону. Это такая же служба как в строю; как ты не имеешь права отказаться учиться строю, также не смеешь не хотеть быть слугою у офицера. Служа офицеру или кому другому и принося ему пользу, ты тем самым все равно служишь и приносишь пользу Государю Императору и отечеству, потому что офицер для своей исправности на службе не может обходиться без слуги. Ему надо и пищу иметь, и вычищенное платье, соблюдать в квартире чистоту и порядок; нужен офицеру человек для посылок, сторож для его квартиры и наконец нужен человек, который бы ухаживал за ним, в случае, если офицер заболит... Всякий должен помнить, что никакой честный труд не позорен... Везде служба засчитывается одинаково, потерять ты ничего не можешь» [13, с. 21].

До начала 1880-х гг. нижний чин мог служить постоянным вестовым до конца своей службы [Тихонов, с. 80]. Однако в дальнейшем было принято решение возвращать казенную прислугу назад в строй за год до выхода в запас [18, с. 102]. В течение же самой службы денщик мог неоднократно менять ее место, переходя из одной части в другую вместе со своим «барином» [18, с. 102; 15, ст. 15]. Продолжал нижний чин прислуживать и офицеру, находящемуся в отпуске, правда «Положение о денщиках» запрещало брать его с собой за границу [15, ст. 16–17].

Обязанности денщика в отношении офицера и его семейства были практически не ограничены, и крайне не конкретизированы, предполагая в соответствии с «Положением», необходимость «прислуживать офицеру и его семейству, охранять все их имущества и

исполнять все возложенные на него поручения» [15, ст. 12]. Пособие, для самих нижних чинов, тоже особо не вдавалось в подробности: «Вообще, на вестовом лежит много обязанностей, и все они по своей обширности и сложности бывают разные, смотря по тому, где он служит – у одинокого офицера или у семейного» [13, с. 21].

«Лица, пользующиеся денщиком», в свою очередь, должны были «следить за его здоровьем, поведением и не допускать жестокого с ним обращения». Главное ограничение их прав заключалось в том, что «отдавать денщика для услуг другим лицам безусловно» воспрещалось [15, ст. 19].

В том случае, когда у офицера не было наемной прислуги, денщик (денщики, если их было несколько), выполнял обязанности за всех слуг. Очень близким к правде, кажется описание представления новобрачным офицером своего денщика супруге, на следующий день после свадьбы, в одном из водевилей: «Иван: наша горничная, лакей, кухарка» [22, с. 4]. Если наемная прислуга все-таки была, то на денщика перекладывалось все то, что она не выполняла: «Софронов... жил у Снигирева больше двух лет, и за все это время я убедился, что он всегда был занят. По утрам он чистил платья барина и барыни, убирал в комнатах, бегал в лавочку и в булочную, помогал на кухне Василисе, толстой кухарке, подавал господам завтрак и обед. Вечером также находилось не мало дела... раза два я слышал, как он бранил работу, называя свою жизнь каторжной и задаваясь вопросом, скоро ли кончится служба и он вернется домой» [20, с. 13].

Служба у холостого офицера была значительно легче, чем у женатого. Казенная прислуга у семейного офицера помимо «барина», получала еще и «барыню», которой также надо было подчиняться и выполнять все ее поручения. В пособии нижним чинам это обстоятельство особо подчеркивалось: «В уставе сказано, что вестовой должен прислуживать офицеру и его семейству. Следовательно, требования барыни почтения к себе вполне законно, и ты всегда должен об этом помнить». Нижним чинам объяснялось, что «живя в барском доме всегда под присмотром хозяйки» денщик сам приучится хозяйничать, сделается «более пообтертым человеком, более развитым», не будет «таким темным каким был ... до поступления на службу» [13, с. 24].

Но, далеко не все молодые жены офицеров были подготовлены к своим новым обязанностям [см. 23], поэтому вполне возможной была прямо противоположная ситуация, когда именно денщик должен был помогать «барыне» в освоении «тонкой и многоохватывающей науки – хозяйства» [24, с. 10–14].

Современники любили пошутить на эту тему. Так, в уже упомянутом водевиле И.С. Турбина, приводится следующий диалог офицера Новика со своей молодой женой – Верой.

«Новик. – Иван ... послан ... за обедом... Вот ты узнаешь, какие мы отличные обеды получаем из ресторана г-жи Кукушкиной... просто прелесть!

Вера. – Воображаю!

Новик. – Только это первый и последний раз, а с завтрашнего дня извольте варить, жарить, печь и вообще хозяйничать, но только под непосредственным присмотром и руководством Ивана.

Вера (прыгая). – Вот будет весело! значит, теперь я уже все, все, что хочу, буду делать?

Новик. – Все, все, что ты хочешь! (целует ее).

Вера. – Непременно завтра сделаю ватрушки... (задумывается). Володечка, а Иван умеет делать ватрушки?» [22, с. 4–5].

Еще более усложнялись обязанности денщика в тех семьях, где были дети. Пособие для нижних чинов особо подчеркивало, что служба у семейного офицера предполагает и умение «нянчить его детей» [Ильенко, с. 24]. Барыни легко перекладывали заботу о детях на казенную прислугу, переживая, если возникала необходимость заняться ими самостоятельно. Горечь и недовольство сложившейся ситуацией чувствуется в записках М.П. Игнатъевой: «третий день сию без денщика, Петр сидит под арестом, а я дома с детьми» [25, л. 12].

А в воспоминаниях дочери и жены офицера О.М. Меницкой-Зоммар казенная прислуга ее отца и мужа становится постоянным участником самых разных событий, связанных с заботой о детях. Денщик ее отца – солдат Алексей, отнес саму маленькую Оленьку на руках домой, когда она потерялась [26, с. 115]. Один из денщиков ее мужа, бегал за акушеркой, а затем вместе с отцом, родившегося мертвым ребенка, сопровождал «его в гробике» в последний путь [26, с. 132]. Другой денщик – Василий, постоянно нянчил сына меуаристки – Юру: «За обедом Юра сидел за детской четырехместной партой, и Василий кормил его с ложечки говоря мне: "Барыня дайте Юрочке котлетку", и Юра повторял: "Балыня, дай Юле котетку"» [26, с. 136].

Организация же «трудового воспитания» в многодетной семье адмирала Российского Императорского флота А.И. Никонова заключалась в том, что дети «помогали денщикам в разных домашних работах» [27, с. 223].

Привычные картины «выращивания» офицерских детей казенной прислугой постоянно встречались и в художественной литературе. Так, в рассказе А. Соколовой «Денщик», представлена типичная история: денщик Жуков заботливо ухаживает за малень-

кой больной девочкой Лилей – носит ее на руках от дачи до моря и обратно, рассказывает ей сказки, собирает для нее цветы, поет песни и убаюкивает перед сном. Мама же девочки совсем не занимается ребенком, ей некогда – у нее светская жизнь [28]. Что характерно, в рассказе, имевшем очевидную морализаторскую цель обратить внимание женщин привилегированных сословий на необходимость заниматься собственными детьми, отец-офицер вообще ни разу не упоминается...

Подобные сюжеты были вполне привычными и никого не удивляли, наоборот, офицерам казалось странным, что может быть по-другому. Например, граф Алексей Игнатьев, оказавшись во Франции, был поражен характером отношения французского коллеги к его денщику: «Быт офицера устроен иначе. Денщик Фелин, детей в колясочке не возит и обязан только ухаживать за конем и чистить сапоги офицера...после русской армии все это казалось странным, даже непонятным» [29, с. 312–314]. Только в начале XX в. в России стали появляться первые публицистические тексты, в которых современники обращали внимание на возмутительность того, что прививников низводят до статуса лакеев, кухарок и нянек [30].

Положение денщика по кругу обязанностей, целиком соответствовавшее статусу прислуги [см. 31, с. 10; 32, с. 322–323; 33], все же принципиально от него отличалось. Прежде всего, казенная прислуга была бесплатной. Как отмечалось в пособии для нижних чинов: «Вестовому, как казенной прислуге, офицер не обязан платить или чем бы то не было вознаграждать за услугу. Но конечно, за свое усердие и исправность во всем вестовой может быть награждаем, если только офицер признает это нужным. Награды в данном случае зависят от личного его усмотрения» [13, с. 24].

Практически все обеспечение денщика также осуществлялось казной. «Назначаемым в прислугу людям» сохранялось «все то денежное, провиантское, приварочное и вещевое довольствие, какое получают в частях все прочие строевые рядовые». При этом многократное повторение в различных «пояснениях» и «разъяснениях» того положения, что «офицеры ... правом на деньщачье провиантское довольствие ни в каком случае не пользуются» очевидно подтверждало, что подобные случаи происходили неоднократно [11, № 243, с. 2–3; 18, с. 102].

Наиболее предпочтительным для законодателя считался вариант, когда «провиантское довольствие» вестовой получал в казарме, с общей ротной кухни [21]. Но, такой способ был совершенно невозможен в случаях нахождения денщика вместе со своим офицером в командировках, отпуске, на обучении, наконец, если денщик жил при семействе офицера, находящемся вдали от части. В подобных ситуациях денщик, «не довольствующийся с разрешения

лица, при котором состоит, из котла, деньги за довольствие» получал «на руки, но, во всяком случае» должен был «иметь горячую пищу» [15, ст. 14].

Денщикам в обязательном порядке полагалось носить установленную для нижних чинов форму, соблюдая «все правила обмундирования относительно мундира, галстука, шинели и т. д.», включая и ношение погон [15, ст. 13; 13, с. 24; 18, с. 102]. Использование же «денщиками неформенной одежды какого бы то ни было образца (лакейской, кучерской и др.) безусловно» воспрещалось, причем ответственность за несоблюдение формы одежды, очевидно вызванное стремлением офицеров переодев вестового, продемонстрировать свою обеспеченность, падала «на лицо, при котором денщик состоит» [34, с. 1026].

Помимо формы, казенная прислуга снабжалась определенными постельными принадлежностями и некоторыми бытовыми мелочами. Так, что к концу службы денщик уже мог похвастаться отдельным «своим имуществом», список которого приведен в водевиле П.И. Григорьева «Денщик армейского офицера»: «...паек получаю, куртку и полушубок имею, подушка кожаная тоже, тюфячок изрядный набит весь оленьей шерстью ... так же чайник есть хороший...» [35, с. 178].

Единственная форма довольствия нижних чинов, которой были лишены денщики, это квартирная. Им полагалось находиться «при офицерских чинах», проживая в квартире своего «барина» [36, с. 47]. Жилищные условия денщиков определялись чином, семейным положением и материальными возможностями того офицера, при котором они состояли. Вестовые холостых обер-офицеров, живших в единственной комнате, как правило, подобно гаршинскому Никите Иванову, находили себе место «на шинельке, у печки» [21]. Штаб-офицеры, снимавшие для себя двух-трех комнатную квартиру, селили казенную прислугу на кухне. Наконец, старшие штаб-офицеры и генералы могли выделить своим многочисленным денщикам и отдельное помещение [37, с. 152–153]. Аналогичным образом в дворянско-интеллигентских кругах организовывалось и проживание наемной домашней прислуги, также, в большинстве случаев не имевшей своего собственного угла и ложившейся спать по месту службы – на полотях в кухне, а то и на полу в коридоре или рядом с детской кроваткой [38–39].

Самое главное отличие между наемной и казенной прислугой заключалось в том, что денщик не мог покинуть своего «барина» добровольно. То есть в то время, когда найти постоянную прислугу было крайне сложно и средний срок службы горничной или кухарки в одной семье не превышал года [33], офицер мог рассчитывать на 3–4-летнюю исправную работу денщика. «Исправность» же этой ра-

боты должна была быть гарантирована постоянной угрозой военного суда, маячившей перед нижним чином в случае любого неповиновения.

Длительное совместное пребывание семей офицеров и солдат часто способствовало формированию между ними семейно-патриархальных отношений. Денщик начинал чувствовать себя частью семейства, которому служил, объединял себя с ним. Во многих текстах, как дневниках и воспоминаниях, так и в художественных произведениях, приводятся многократно используемые денщиками слова «мы», «наши» и т. д., которыми вестовые объединяли себя с хозяевами: «мы-де с барином собираемся жениться» [40, с. 247] или «у нашей Олечки сегодня жар» [25, л. 3].

Нечто похожее в отношениях существовало между дворянами и их дворней и исчезло, к глубокому сожалению хозяев, с отменой крепостного права [см. подр. 41]. Недаром так недовольны были офицеры необходимостью заменить казенную прислугу на наемную. И это при том, что только для столиц оплата найма примерно соответствовала установленным в «Положении о денщиках» 10 р. за чел. (горничную можно было нанять за 8 р., опытную кухарку – за 12 р., «одна прислуга» стоила – 10 р.), в провинции же цены были ниже. Другой вопрос, что мужская домашняя прислуга брала за свои услуги не менее 15 р., да и та старательность и безотказность, которую демонстрировала казенная прислуга, практически не встречалась у опытной наемной, а ничего не умевшая крестьянская девочка, при все своем желании услужить господам, требовала от хозяйки слишком много сил на ее обучение и контроль [33; 39].

Нередко офицеры так привыкали к своим денщикам, что пытались оставить их у себя уже после выхода вестовых в отставку. Интересно, что и в отношении теперь уже вольнонаемных слуг, офицеры подчас сохраняли привычку полностью распоряжаться их жизнью, не задумываясь о возможностях этих людей. Так, Варвара Духовская воспоминала как ее «муж выписал из Петербурга своего бывшего денщика Станислава», который «не зная ни одного иностранного слова, сумел проехать из Петербурга в Париж, в третьем классе, в поездах, где приходилось бесконечное число раз пересаживаться» [42, с. 118].

Статус денщика даже более чем обычной наемной прислуге, сохранял и поддерживал дореформенные традиции, что вполне устраивало офицеров, другое дело – солдаты...

Необходимость служить стране, будучи слугой офицера, невозможность отказаться от положения крепостного при барине, все более вызывали отторжение нижних чинов, по мере того, как рос образовательный уровень новобранцев, а в армию приходило новое поколение, утратившее многие патриархальные представления. Не-

удивительно поэтому, что в период первой русской революции, принявшие в ней участие воинские части из самых разных регионов страны – Петербургские, Сибирские, Закаспийские и т. д., в обязательном порядке включали в список своих требований вопрос о денщиках. И заявляли о необходимости воспрещения «офицерам пользоваться нижними чинами для домашних услуг», и «отобрания от офицеров всей казенной прислуги, как-то: денщиков, вестовых и т. п., так как такая роль не соответствует званию солдата – защитника отечества» [43, с. 23, 265, 316].

Таким образом, предоставление казенной прислуги являлось одним из важнейших способов социальной поддержки офицерских семейств. В условиях сложной экономической ситуации, в которой оказались многие дворянско-интеллигентские семьи в пореформенный период и постоянных проблем с поисками «хорошей» прислуги, офицеры гарантированно получали одного, а в большинстве случаев, нескольких, бесплатных, старательных и неприхотливых слуг, которых даже не надо было кормить и одевать. Служивший годы в одной семье, сросшийся с ее проблемами и заботами вестовой, виделся «островком стабильности» на фоне вереницы бесконечно менявшейся «пьяной, наглой и ленивой» наемной прислуги. Если в крепостную эпоху главным связующим звеном между народом и дворянством, знакомившим привилегированные слои с русскими традициями и вносившим в отечественную элиту «русский дух», были крестьянские няньки, то в пореформенный период в офицерской среде эту нишу во многом заняли денщики.

Ограничение числа денщиков больно ударило по офицерам. Получаемые последними в обмен на казенную прислугу деньги близко не могли соответствовать тому вкладу, который вносил в их дом, беспрекословно выполнявший бесконечные хозяйские поручения денщик. С другой стороны, десятки тысяч солдат, пробывших практически всю действительную службу в денщиках, становились серьезным балластом для самой армии, да и как «нестроевой» резерв на случай возможной войны. Немаловажно и то, что чем более отдаленным во времени становилось крепостное право, тем сложнее было объяснить молодым солдатам, почему они должны отдавать свой долг царю и Отечеству, будучи офицерскими кухарками, горничными и няньками...

Список литературы

1. Аверкин Н.Ю. Комплектование матросского состава Российского императорского флота // Вестн. Воронеж. гос. аграрного ун-та. – 2011. – № 4 (31). – С. 276–279.
2. Дубинен В.О., Печёнкина А.А. Особенности военной службы в Западной Сибири в период 1865–1906 гг. // Науч. журн. КубГАУ. – 2017. – № 125. – С. 712–723. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/01/pdf/48.pdf>

3. Козлов В.А. Система высшего образования офицеров в Российской империи // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Проблемы высшего образования. – 2019. – № 3. – С. 98–101.
4. Никифоров А.Л. Особенности повседневной жизни российского офицера накануне Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 153–157.
5. Чинаев А.А. Культура быта офицерского состава русской армии в 1874–1914 гг. // Вестн. воен. ун-та. – 2008. – № 4 (16). – С. 132–138.
6. Яковлева Л.В. Система воспитания будущих офицеров в военно-учебных заведениях Российской империи // Инновации в образовании. – 2010. – № 10. – С. 129–137.
7. Даренский В.Ю. Образ «универсального человека» в рассказе В.И. Даля «Денщик (физиологический очерк)» // Вестн. славянской культуры. – 2017. – Т. 45. – С. 106–117.
8. Юсяев А.С. Синтез художественных и публицистических элементов в военной прозе В.М. Гаршина // Грехнёвские чтения: литературные произведения в системе контекстов / отв. ред. И.С. Юхнова. – 2017. – С. 135–139.
9. Приказы по Военному ведомству 1855–1879 гг. – СПб.: Воен. мин-во, 1879. 1066 с.
10. Герасимов П. Всем денщикам – денщик // Чтение для солдат. – Вып. 2. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1896. – С. 136–178.
11. Приказы по Военному ведомству. – СПб.: Воен. мин-во, 1881. – № 243–364. – 526 с.
12. Денщик, или Постоянный вестовой: (Его обязанности) – СПб.: Маг. кн. и учеб. пособий специально воен. содерж., ценз, 1878. – 7 с.
13. Ильенко И.К. Воинское чинопочитание и постоянный вестовой (денщик). – Калуга: тип. Архангельской, 1901. – 32 с. (уч. книга для нижних чинов).
14. Приказы по Военному ведомству. – СПб.: Военное министерство, 1908. – № 126.
15. Положение о денщиках / Приложение. Приказы по Военному ведомству. – СПб.: Воен. мин-во, 1908. – № 126.
16. Свод Военных Постановлений 1869 г. Кн. XIX. Довольствие войск. – СПб.: Воен. мин-во, 1894. – 330 с.
17. Алфавитный указатель приказов по военному ведомству за 1874 год. СПб.: Воен. мин-во, 1875. – 23 с.
18. Дробязгин А.В. Для скорых справок указатель приказов по Военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 35 лет. – Юрьев: Тип. Шнакенбурга, 1903. – 477 с.
19. Тихонов В.А. Денщик / Тихонов В.А. Военные и путевые очерки и рассказы. – СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1892. – С. 59–88.
20. Брусянин В.В. Денщик Софронов (из воспоминаний детства). – СПб.: Н. Морев, 1908. 40 с.
21. Гаршин В.М. Денщик и офицер. – URL: https://rusneb.ru/catalog/010000_000060_ART-8a40662a-c1c2-4055-839d-dab81ae23a2d
22. Турбин И.С. Денщик подвел. – М.: Изд. С. Разсохина, 1899. – 19 с.
23. Веремеенко В.А. Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX – начала XX вв. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. – № 4. – С. 62–75.
24. Нельсина А. Молодая хозяйка. Руководство к практ. постановке и ведению дома. – СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913. – 443 с.

25. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1832. Д. 767.
26. «... Я вышла замуж за любимого...» мемуары О.М. Меницкой-Зоммар (01.03.1874–31.01.1967); ком. и вступ. ст. В.А. Вереме́нко, В.В. Каминский // История повседневности. – 2017. – № 1. – С. 109–151.
27. Федоров Е.Е. Сергей Андреевич Никонов и его воспоминания // История и ист. память. – 2011. – № 3. – С. 222–262.
28. Соколова А. Денщик. Рассказ // Нива. – 1901. – № 36. – С. 578–581.
29. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. – М.: Гослитиздат, 1959. – 588 с.
30. Пельмен (Завьялов А.) Среди военных (Дневник). – СПб.: Вперед, 1907. – 32 с.
31. Наставление для управления домашнею прислугою, с верными указаниями для отопления и освещения комнат. – СПб.: М.О. Вольфа, 1858. – 113 с.
32. Правила светской жизни и этикета. Хороший тон: сборник советов на всякий случай домашней и общественной жизни. – СПб.: Тип. В.А. Тихонова, 1889. – 413 с.
33. Вереме́нко В.А. «Безвластная власть»: статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. (на англ. и рус. яз.) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. – 2019. – № 2. – С. 320–355.
34. Справочник: Полный и подроб. алф. указ. приказов по воен. ведомству, циркуляров, предписаний и отзывов Глав. штаба и прочих глав. управлений и приказов, приказаний и циркуляров по всем воен. окр. за 52 г., с 1859 по 1911 г.: Настол. кн. для штабов, канцелярий, управлений, учреждений и заведений: в 2 кн. / сост. К. Патин. – СПб.: В. Березовский, 1911. – 1256 с.
35. Григорьев П.И. Денщик армейского офицера / Григорьев П.И. Театр. – СПб.: изд. М.О. Вольф, 1872. – С. 166–184.
36. Рудченко И.Я. Сборник узаконений и распоряжений о воинской квартирной повинности. Положение о преобразовании воинской квартирной повинности, со всеми доп. и разъяснениями, по 1-е авг. 1880 г.; Устав о зем. повинностях, по продолжениям 1876 и 1879 гг. – Киев, 1880. – 420 с.
37. Малинко В.И., Голосов В.П. Справочная книжка для офицеров. – М.: Тип.-лит. рус. тов. печ.-изд. дела, 1902. – 898 с.
38. Вереме́нко В.А. «В чужом углу» – организация проживания городской женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начала XX в. // XXIII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. А.А. Беляева. – Т. 1. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. – С. 151–155.
39. Veremenko Valentina A. Urban Kitchen as a Social Space in the Noble-Intellectual Environment of Russia in the second part of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. – 2019. – Vol. 53. – Is. 3: 1187–1200.
40. Даль В.И. Избранные произведения. – М.: Правда, 1983. – 448 с.
41. Вереме́нко В.А. На острие домашнего пространства: хозяева и прислуга в дворянских семьях России (XIX – начало XX в.) // Российская история XIX–XX веков: Государство и общество. События и люди: сб. ст. – СПб.: Лики России, 2013. – С. 58–77.
42. Шатохина С.Б. Русские путешественницы в Европе в середине XIX – начале XX в. // Вестн. БГУ. – 2019. – № 2 (40). – С. 115–121.
43. Армия в первой революции. 1905. Материалы и документы / Комис. ЦИК СССР по орг. празднования 20-летия революции 1905 г. и Истпарт ЦК ВКП (б); под общ. ред. М.Н. Покровского. – М.; Л.: Госиздательство, 1927. – 391 с.

References

1. Averkin N.Yu. *Komplektovanie matrosskogo sostava Rossiiskogo imperatorskogo flota* [Recruitment of the sailors' staff of Russian Imperial Fleet] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the Voronezh State Agrarian University]. – 2011. – № 4 (31). – P. 276–279.
2. Dubinen V.O., Pechenkina A.A. *Osobennosti voennoi sluzhby v Zapadnoi Sibiri v period 1865–1906 gg.* [Features of military service in Western Siberia in the period of 1865–1906] // *Nauchnyi zhurnal KubGAU* [Scientific journal of KubSAU]. – 2017. – № 125. – P. 712–723. (<http://ej.kubagro.ru/2017/01/pdf/48.pdf>)
3. Kozlov V.A. *Sistema vysshego obrazovaniya ofitserov v Rossiiskoi imperii* [The system of higher education of the officers in Russian Empire] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education]. – 2019. – № 3. – P. 98–101.
4. Nikiforov A.L. *Osobennosti povsednevnoi zhizni rossiiskogo ofitsera nakanune Pervoi mirovoi voiny* [Features of the everyday life of a Russian officer on the eve of the First World War] // *Voina i povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii XVII–XX vv. (k stoletiyu nachala Pervoi mirovoi voiny): mater. mezhdunar. nauch. konf.* [War and everyday life of Russian population of the XVII – XX centuries (to the centenary of the First World War beginning): Materials of International scientific conference]. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2014. – P. 153–157.
5. Chinaev A.A. *Kul'tura byta ofitserovskogo sostava russkoi armii v 1874–1914 gg.* [The daily life culture of the officers of Russian army in 1874–1914] // *Vestnik voennogo universiteta* [Bulletin of the Military university]. – 2008. – № 4 (16). – P. 132–138.
6. Yakovleva L.V. *Sistema vospitaniya budushchikh ofitserov v voenno-uchebnykh zavedeniyakh Rossiiskoi imperii* [System of education of future officers in the military schools of Russian Empire] // *Innovatsii v obrazovanii* [Innovations in education]. – 2010. – № 10. – P. 129–137.
7. Darenskiy V.Yu. *Obraz «universal'nogo cheloveka» v rasskaze V.I. Dalya «Denshchik (fiziologicheskii ocherk)»* [The image of the "universal man" in V.I. Dahl story "Batman (physiological sketch)"] // *Vestnik slavyanskoi kul'tury* [Bulletin of Slavic culture]. – 2017. – Vol. 45. – P. 106–117.
8. Yusyayev A.S. *Sintez khudozhestvennykh i publitsisticheskikh elementov v voennoi proze V.M. Garshina* [The synthesis of artistic and journalistic elements in V.M. Garshin military prose] / *Grekhnyovskie chteniya: Literaturnye proizvedeniya v sisteme kontekstov* [Grekhnyovsky readings: Literary works in a system of contexts] / otv. red. I.S. Yukhnova. – 2017. – P. 135–139.
9. *Prikazy po Voennomu vedomstvu 1855–1879 gg.* [Orders for the War Ministry 1855–1879]. – SPb.: Voennoe ministerstvo, 1879. – 1066 p.
10. Gerasimov P. *Vsem denshchikam – denshchik* [A batman to all batmen] // *Chtenie dlya soldat* [Reading for soldiers]. Iss. 2. – SPb.: tip. P.P. Soikina, 1896. – P. 136–178.
11. *Prikazy po Voennomu vedomstvu* [Orders for the War Ministry]. – SPb.: Voennoe ministerstvo, 1881. №№ 243–364. – 526 p.
12. *Denshchik, ili Postoyannyi vestovoi: (Ego obyazannosti)* [Batman, or Constant messenger: (His duties)]. – SPb.: Mag. kn. i ucheb. posobii spetsial'no voen. soderzh., tsenz, 1878. – 7 p.
13. *Il'enko I.K. Voinskoe chinopochitanie i postoyannyi vestovoi (denshchik)* [Military honoring and constant messenger (batman)]. – Kaluga: tip. Arkhangel'skoi, 1901. – 32 p. (uch. kniga dlya nizhnikh chinov).
14. *Prikazy po Voennomu vedomstvu* [Orders for the War Ministry]. – SPb.: Voennoe ministerstvo, 1908. – № 126.

15. *Polozhenie o denshchikakh* [Statute on the batmen] / Prilozhenie. Prikazy po Voennomu vedomstvu [Appendix. Orders for the War Ministry]. – SPb.: Voennoe ministerstvo, 1908. – № 126.
16. *Svod Voennykh Postanovlenii 1869 g. Kn. XIX. Dovol'stvie voisk* [The Code of Military Regulations of 1869. Book XIX. Allowance of the troops]. – SPb.: Voennoe ministerstvo, 1894. – 330 p.
17. *Alfavitnyi ukazatel' prikazov po voennomu vedomstvu za 1874 god* [The alphabetical index of orders for the War Ministry for 1874]. SPb.: Voennoe ministerstvo, 1875. – 23 p.
18. *Droblyazgin A.V. Dlya skorykh spravok ukazatel' prikazov po Voennomu vedomstvu i tsirkulyarov Glavnogo shtaba za 35 let* [For quick reference, an index of orders for the War Ministry and circulars of the General Staff for 35 years]. – Yur'ev: tip. Shnakenburga, 1903. – 477 p.
19. *Tikhonov V.A. Denshchik* [Batman] / *Tikhonov V.A. Voennye i putevye ocherki i rasskazy* [Military and travel essays and stories]. – SPb.: tip. N.A. Lebedeva, 1892. – P. 59–88.
20. *Brusyanin V.V. Denshchik Sofronov (iz vospominanii detstva)* [Batman Sofronov (from childhood memories)]. – SPb.: N. Morev, 1908. – 40 p.
21. *Garshin V.M. Denshchik i Ofitser* [Batman and Officer] // https://rusneb.ru/catalog/010000_000060_ART-8a40662a-c1c2-4055-839d-dab81ae23a2d
22. *Turbin I.S. Denshchik podvel* [Batman failed]. – M.: izd. S. Razuokhina, 1899. – 19 p.
23. *Veremenko V.A. Podgotovka dvoryanok k khozyaistvennoi deyatelnosti v sem'e v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.* [Preparing noblewomen for household activities in the family in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Pushkin Leningrad State University]. – 2014. – № 4. – P. 62–75.
24. *Nel'sina A. Molodaya khozyaika. Rukovodstvo k prakt. postanovke i vedeniyu doma* [Young mistress. Guide to practical staging and house management]. – SPb.: tip. t-va A.S. Suvorina "Novoe vremya", 1913. – 443 p.
25. *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB)* [Manuscripts department of the Russian National Library (RNLB)]. F. 1832. D. 767.
26. «... Ya vyshla zamuzh za lyubimogo...» *memuary O.M. Menitskoi-Zommar (01.03.1874–31.01.1967); kom. i vstup. St. V.A. Veremenko, V.V. Kaminskii* ["... I married my beloved..." O.M. Menitskaya-Zommar memoirs (03.01.1874–31.01.1967); comments and the entry article V.A. Veremenko, V.V. Kaminsky] // *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. – 2017. – № 1. – P. 109–151.
27. *Fedorov E.E. Sergei Andreevich Nikonov i ego vospominaniya* [Sergey Andreevich Nikonov and his memories] // *Istoriya i istoricheskaya pamyat'* [History and historical memory]. – 2011. – № 3. – P. 222–262.
28. *Sokolova A. Denshchik. Rasskaz* [Batman. Story] // *Niva* [Niva]. – 1901. – № 36. – P. 578–581.
29. *Ignat'ev A.A. Pyat'desyat let v stroyu* [Fifty years in service]. – M.: Goslitizdat, 1959. – 588 p.
30. *Pel'men (Zav'yalov A.) Sredi voennykh (Dnevnik)* [Among the military (Diary)]. – SPb.: Vpered, 1907. – 32 p.
31. *Nastavlenie dlya upravleniya domashneyu prislugoyu, s vernymi ukazaniyami dlya otopleniya i osveshcheniya komnat* [Manual for managing domestic servants, with the right instructions for rooms heating and lighting]. – SPb.: M.O. Vol'fa, 1858. – 113 p.

32. *Pravila svetskoj zhizni i etiketa. Khoroshii ton. Sbornik sovetov na vsyakii sluchai domashnei i obshchestvennoj zhizni* [Rules of social life and etiquette. Good tone. A collection of advices on different cases of home and social life]. – SPb.: tip. V.A. Tikhonova, 1889. – 413 p.

33. Veremenko V.A. «Bezvlastnaya vlast'»: status zhenskoi domashnei prislugi v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (na angl. i rus. yaz.) ["Powerless Power": the status of female domestic servants in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries (in English and Russian)] // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Russian history]. – 2019. – № 2. – P. 320–355.

34. *Spravochnik: Polnyi i podrob. alf. ukaz. prikazov po voen. vedomstvu, tsirkulyarov, predpisanii i otzyvov Glav. shtaba i prochikh glav. upravlenii i prikazov, prikazanii i tsirkulyarov po vsem voen. okr. za 52 g., s 1859 po 1911 g.: Nastol. kn. dlya shtabov, kantselyarii, upravlenii, uchrezhdenii i zavedenii: V 2 kn.* [Reference: Complete and detailed alphabetical index of orders for the War Ministry, circulars, orders and reviews of the General Staff and other main departments and orders, orders and circulars for all military units for 52 years, from 1859 to 1911: Handbook for headquarters, chancelleries, administrations, institutions and organizations: In 2 books] / Sost. K. Patin. – SPb.: V. Berezovskii, 1911. – 1256 p.

35. Grigor'ev P.I. *Denshchik armeiskogo ofitsera* [Batman of an army officer] / Grigor'ev P.I. *Teatr* [Theater]. – SPb.: izd. M.O. Vol'f, 1872. – P. 166–184.

36. Rudchenko I.Ya. *Sbornik uzakonenii i rasporyazhenii o voinskoj kvartirnoj povinnosti. Polozhenie o preobrazovanii voinskoj kvartirnoj povinnosti, so vseimi dop. i raz'yasneniyami, po 1-e avg. 1880 g.; Ustav o zem. povinnostyakh, po prodolzheniyam 1876 i 1879 gg.* [Collection of legalizations and orders on military apartment service. Regulation on the transformation of military apartment service, with all additions and clarifications, on August, 1, 1880; Charter on land duties, for the continuation of 1876 and 1879]. – Kiev, 1880. – 420 p.

37. Malinko V.I., Golosov V.P. *Spravochnaya knizhka dlya ofitserov* [Reference book for the officers]. – M.: tip.-lit. rus. tov. pech.-izd. dela, 1902. – 898 p.

38. Veremenko V.A. «V chuzhom uglu» – organizatsiya prozhivaniya gorodskoi zhenskoi domashnei prislugi v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachala XX v. ["In a stranger's corner" – organization of residence of urban female domestic servants in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] // *XXIII Tsarskosel'skie chteniya. Mater. mezhdunar. nauch. konf.* [XXIII Tsarskoye Selo readings. Materials of International scientific conference] / Otv. red. A.A. Belyaeva. Vol. 1. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2019. – P. 151–155.

39. Veremenko Valentina A. Urban Kitchen as a Social Space in the Noble-Intellectual Environment of Russia in the second part of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1187–1200.

40. Dal' V.I. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. – M.: Pravda, 1983. – 448 p.

41. Veremenko V.A. *Na ostrie domashnego prostranstva: khozyaeva i prisluga v dvoryanskikh sem'yakh Rossii (XIX – nachalo XX v.)* [At the cutting edge of home space: masters and servants in the noble families of Russia (XIX – early XX centuries)] // *Rossiiskaya istoriya XIX–XX vekov: Gosudarstvo i obshchestvo. Sobytiya i lyudi. Sb. Statei* [Russian history of the XIX–XX centuries: State and society. Events and people. Collection of articles]. – SPb.: Liki Rossii, 2013. – P. 58–77.

42. Shatokhina S.B. *Russkie puteshestvennitsy v Evrope v seredine XIX – nachale XX v.* [Russian travelers in Europe in the middle of the XIX – beginning of the XX century] // *Vestnik BGU* [Bulletin of BSU]. – 2019. – № 2 (40). – P. 115–121.

43. *Armiya v pervoi revolyutsii. 1905. Materialy i dokumenty* [The army in the first revolution. 1905. Materials and documents] / Komis. TsIK SSSR po org. prazdnovaniya 20-letiya revolyutsii 1905 g. i Istpart TsK VKP (b), pod obshch. red. M.N. Pokrovskogo. – M.; L.: Gosizdatel'stvo, 1927. – 391 p.

О.А. Семёнова

Кто такой садовник в России на рубеже XIX–XX вв.?*

В статье исследуется работа садовника в пореформенной России. Даются ответы на вопросы: кто мог быть садовником, что входило в его обязанности, на каких условиях работали, какую заработную плату получали, как «жилось» прислуге, где учили быть «садовником». На основании широкого круга источников, автор приходит к выводу, что условно их можно разделить на категории непосредственно «садовник» и «огородник». Садовник – это не обязательно профессионал, т.е. окончивший специальное учебное заведение. Но условия работы и заработная плата непосредственно зависели от категории, опытности, образования и вида работы. Услугами садовника могли пользоваться постоянно (год), сезонно (лето), либо приглашали для выполнения конкретной работы.

Ключевые слова: садовник, мужская прислуга, профессиональные учебные заведения, садоводство (плодоводство) и огородничество.

О.А. Semenova

Who is the gardener in Russia at the turn of the XIX–XX century?

The article examines the work of a gardener in post-reform Russia. Answers are given to the questions: who could be a gardener, what was included in his duties, on what conditions they worked, what wages they received, how the servants "lived", where they were taught to be a "gardener". On the base of wide range of sources, the author concludes that they can be divided into categories directly "gardener" and "gardener". A gardener is not necessarily a professional, i.e. a graduate of a special educational institution. But working conditions and wages directly depended on the category, experience, education, and type of work. The services of a gardener could use the time (year), seasonal (summer) or were invited for the provision of specific services.

Key words: gardener, male servants, professional educational institutions, gardening.

Исследование по теме «Прислуга», в частности категория «садовники», основано на междисциплинарном подходе и комплексе методологических принципов широкого спектра социальных наук: от социальной истории и истории повседневности до антропологиче-

© Семёнова О.А., 2020

© Semenova O.A., 2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

ски-ориентированных исследований. Историографической опорой данной темы были работы, посвященные прислуге в широком смысле слова (В.А. Верременко, Е.В. Бурлуцкая (Банникова), Л.А. Самарина) [2–4], дачному отдыху / дачам и дачникам (З.А. Михеева, Г.С. Вараксин, Т.А. Нефодина) [5; 6], сельскохозяйственному образованию в России (Ю.В. Чудновец, П.Н. Алешин) [7–9]. На основании этого поставлена цель проанализировать «образ» садовника в России XIX–XX вв.

В России к середине XIX в. популярным занятием стало садоводство [7]. Специалистов по уходу за садом и огородом можно было разделить на две категории. К первой из них относились лица, ухаживающие за деревьями, кустами и цветами в садах и оранжереях и вообще заведующие садами, и «потому носящие в этом случае совершенно правильное название "садовников"» [10, с. 107]. Садовники этой категории преимущественно жили в Санкт-Петербурге, Царском селе, Павловске, Гатчине, Петергофе, Кронштадте, Нарве, Финляндии, Риге, Ревеле. Меньше в Москве, Нижнем Новгороде, Казани и Рыбинске [10, с. 109].

Вторую категорию составляли лица, заведующие у хозяев огородами, разводящие только огородные овощи, и не имевшие знаний об «уходе за деревьями и цветами»). Основной их обязанностью было разведение овощей, т.е. «наблюдение за разсадкой семян, выходом из земли и дальнейшим их ростом. Они должны были знать и отличать семена, в какое время, какие овощи нужно садить; как, для какого рода из них подготавливать почву – сколько нужно в парник или на грядку класть удобрения и какого, и какой толщины слоем земли покрывать его» [10, с. 107].

Также садовников можно разделить на практиков-самоучек и профессионалов. Самыми обыкновенными являлись местные крестьяне, не редко приходившие из деревни и объездившие себя садовниками, хотя многие из них «даже плохие садовые рабочие» [11, с. 609]. Подобные «садовники практики» или «садовники самоучки» вели частновладельческие садоводства в губерниях. Услуги их оплачивались дешево, и сами они были неприхотливы, что «в глазах крупных садовладельцев является главным их достоинством» [11, с. 610]. Но, следить за садом по последнему слову техники они, конечно же, не могли.

Жалованье садовников в частных владениях могло колебаться от 75 р. до 480 р. в год. К примеру, в Саратовской губернии, «у Г. Трирогова в Оряше... садовник получает 100 р.; у Г. Самарина по 120 р. к этому присоединяется еще не редко "содержание натурой". Г-жа Лисенко в Саратове и некоторые другие платят по 180 р. в год с содержанием; Г-жа Калачева к этой сумме прибавляет еще 10 % с выручки от продажи садовых произведений. В садовом же

заведении Корбутовского два садовника получают по 600 р. и 480 р. в год» [11, с. 611]. Помощники при садовниках, как правило, зарабатывали по 15 р. в месяц. Наемных садовников приглашали только на лето и отпускали на зиму. Их заработная плата равнялась 15 р. в месяц и 3 пудам провизии. Еще дешевле обходились нанимаемые «мальчики». Жалованье трем мальчикам в год, при полном содержании, могло обходиться в 25–45 р. Мальчики нанимались в помощь садовнику или для услуг по саду, когда сам владелец вел свое хозяйство [11, с. 610].

Во избежание найма садовника на лето, некоторые садовладельцы ограничивались лишь приглашением садовника для выполнения конкретных работ, например обрезки деревьев. Самоучки не всегда оказывали услугу должным образом – «нанятый садовник очищал сучья от плодовых веточек, под тем предлогом, что это «дикая почка», хвалясь при этом, что он де обрезывает "по способу французского садовода – Гоше"» [11, с. 610].

Заработная плата садовников в учреждениях была крайне низкой и в штате они были на сезон. Садовник Александровского училища получал 10 р. в месяц, за эти деньги помимо сада он еще курировал подвал и погреб, а также исполнял обязанности истопника духовых печей [12, с. 600].

Со стороны владельцев поступали жалобы на отсутствие хороших садовников. Порой и сами крестьяне жаловались, что мало у них людей опытных в садовом деле. Высказывались идеи, что нужно больше создавать садовых школ, хотя бы «по одной для каждого уезда» [11, с. 611].

Чтобы стать профессиональным садовником, нужно было обучиться в специализированном учебном заведении. В середине XIX в. в России основными были Школа садоводства в Москве, Пензенское училище садоводства, Никитское училище садоводства и виноделия, Уманское училище садоводства, Московская земледельческая школа, земледельческое училище в Харькове [13, с. 439]. Сюда принимали мальчиков всех сословий. Критериями отбора были возраст, в среднем с 13 до 17 лет, начальная грамотность, крепкое здоровье [14, с. 46–54]. По окончании обучения молодые люди получали аттестаты по специальности «садового мастера и подмастерья», или «практического садовода», или «управителя и садовода».

К концу XIX – началу XX в. мест, где можно было освоить эту профессию, было значительно больше: училище садоводства в Воронеже, Бессарабии, Варваринское училище плодоводства, виноградарства и виноделия в Туапсе, Орловское училище садоводства и огородничества имени И.И. Мацнева, Полтавское училище садоводства, Одесское училище садоводства и огородничества, Самаркандское училище садоводства, виноградарства и виноделия,

Михайловское училище садоводства в г. Жиздре Калужской губернии. В книге «Очерки современного состояния плодоводства...», изданной в 1914 г., рассказывалось о 10 школах первого разряда, шести школах второго разряда, 35 практических школах (Вилленская практическая школа садовых рабочих, Запольская школа садоводства имени Е. и Ф. Овсянниковых в Лужском уезде С.-Петербургской губернии, Симбирская практическая школа садовых рабочих имени Ю.Н. Языкова в г. Симбирске и т. д.), восьми постоянных курсах (Мужские Александровские курсы огородничества и садоводства в Лужском уезде СПб губернии, Женские практические курсы по садоводству и городничеству при Епифанской женской прогимназии и т. д.). Создавались профильные исправительные приюты с обучением садоводству и огородничеству в Саратове, Симбирске, Смоленске, Твери, Полтаве, Дергачах близ Харькова, Калуге, Симферополе и Туле; детские сельско-хозяйственные приюты с обучением садоводству и огородничеству в Ельце Орловской губернии, Вильне, Могилевской губернии, Курске, Сураже Черниговской губернии [15, с. 91–102]. Специалистов готовили Ботанические сады и питомники в Одессе, Астрахани, Симферополе, Киеве, Константинограде, Орле, Ольске [16, с. 443–444].

Для народных учителей организовывали временные курсы по садоводству и огородничеству. Впервые эти курсы действовали при некоторых учреждениях департамента земледелия и сельской промышленности. Они были рассчитаны на 1–1,5 месяца и посвящались ознакомлению слушателей с плодоводством и огородничеством. Обучение было бесплатным, а тем, кто «делал успехи» раздавали в виде наград наборы печатных руководств и садовых инструментов (в 1912 г. было роздано 110 таких наборов). В 1908 г. курсы устраивались в 16 пунктах империи, в 1909 г. – 22. В 1910 г. было устроено в 16 губерниях 23 курса при участии 71 лектора и 722 слушателей. Ещё устраивались публичные курсы, чтение и беседы по садоводству и огородничеству для взрослого населения [15, с. 103].

Для поддержки опытных садоводов существовали экономические земледельческие общества (Московское общество с/х, Главное московское общество садоводства, Российское общество любителей садоводства, Общество с/х в Твери и Санкт-Петербурге, общество в Киеве, Саратове) [17], выпускались газеты «Вестник Российского общества садоводства в Санкт-Петербурге», «Земледельческая газета», «Земледелие», «Садоводство и Огородничество», «Народное богатство», организовывались вспомогательные кассы для садовников и их семейств [18–21].

Например, Российское общество садоводства в Санкт-Петербурге занималось усовершенствованием способов разведе-

ния садовых и полезных растений, производством опытовых растений, поиском и распространением растений русской флоры, развитием «вкуса к изящному расположению и украшению садов» и содействовали получению высшего образования [22, с. 307]. Общества способствовали открытию библиотек; издавали и публиковали книги по всем отраслям садоводства, годовые отчеты, свои достижения; устраивали выставки растений, плодов, овощей; выдавали премии, знакомили с произведениями огородничества и садоводства; для помощи нуждающимся садовникам и их вдовам и сиротам учреждали особый капитал из добровольных пожертвований и из выставочных денег [22, с. 308].

Вспомогательные кассы преследовали следующие цели: а) делать вспомоществования всем нуждающимся садовникам и их семьям; б) выдавать пенсии семьям тех садовников, которые были участниками вспомогательной кассы в) выдавать ежемесячные или единовременные пособия нуждающимся из участников вспомогательной кассы [23, с. 1]. Участниками кассы могли стать только лица, удовлетворяющие таким условиям, как быть «садовником, т. е. изучившие садоводство в каком-либо казенном или известном частном садовом заведении», или же владельцем «торговых садовых и семянных заведений», или, наконец, состоящем «на службе при казенных или известных частных садах в качестве садовников; ... членами общества садоводства...» [23, с. 3]. Общество взаимной помощи садовников Одесского градоначальства и Одесского уезда отдельно выделяло, что они имеют «целью содействовать улучшению материальных и нравственных условий жизни своих членов» [24, с. 1, 4]. Кроме того некоторые кассы безвозмездно содействовали своим членам в поиске рабочих мест; доставлению им врачебной помощи и лекарств бесплатно или по удешевленной цене; заботились о призрении и воспитании детей умерших членов; выдавали пособия на погребение умерших членов и оказывали материальную помощь оставшимся после умерших членов семьям; призревали престарелых, увечных и неспособных к труду членов общества; открывали для своих членов и их семейств больницы, амбулатории, приюты, общежития, дешевые квартиры, школы, детские сады, летние колонии, библиотеки, читальни; учреждали для детей и сирот членов общества стипендии в различных учебных заведениях; устраивали лекции и чтения [25; 24].

Возвращаясь к «образу» садовника можно сказать, что в основном в этой профессии работали люди в возрасте: «...в столовую вошел деревенский старик, совершенно лысый и с длинной седой бородой. – Поэтому и цена мне хорошая, что стар. – Разве теперь есть, из молодых-то, садовники настоящие? Нет теперь садовников, нет. Битые мы садовники, ломанные, а нынешний садов-

ник какой? Нынешний садовник фарсун. Он на словах, что хочешь можешь, а на деле у него ничего нет» [26, с. 85]. Все они более менее были специалистами своего дела, так как успех их работы зависел от практики – «Иван... (это был главный садовник из бывших крепостных моего отца, замечательно сведущий в своем деле)» [27], «Садовник Александр был очень любознательным самоучкой» [28]. В иерархии прислуги после хозяина они «главное лицо», как бы управляющий на своей территории [10, с. 108]. В больших имениях у садовника были помощники, рабочие и садовые ученики [11, с. 609]. Это прислуга, о которой нельзя сказать, что эта прислуга в полном понимании, в домах на них «смотрят не как на наемного, на слугу, а как на родного...» [29, с. 48]. В свободное от работы время они могли читать, учиться и обучать других.

В рассказе «Старый садовник», где главный герой садовник около 60 лет, верующий, хорошо и опрятно выглядящий, описывается «прелесть» этой работы: «У меня радость за радостью идет от самой зимы до поздней осени!.. как снег сойдет и черная, душистая земля откроется – и начнешь ее вскапывать лопатой и любишь ее.., грядки вытягиваются такими стройными, ровными рядами, что любо смотреть, и сердце при виде их прыгает и радуется. А там поуправишься с огородом, зацветут яблони и вишни, но и тут радость и наслаждение... за деревьями садовник смотри, как за детьми...» [29, с. 31].

В отличие от других представителей прислуги они не были заложниками «рабского труда», об этом свидетельствует и то, что в революционных событиях 1905 г. и 1917 г. почти не встретишь информации об объединениях садовников. В воспоминаниях американского журналиста Дж. Рида есть наблюдение за садовником Александровского сада, которое отображает безразличие к происходящим событиям и любовь к своему труду. «Март 1917 г. (Петроград). Садовник в Александровском саду был занят своей одинокой работой – коренастый мужчина лет пятидесяти. Старательно и молчаливо он убирал опавшие прошлогодние листья и мусор с дорожек и клумб, а также сметал свежий снег. Он не проявлял ни малейшего интереса к суматохе, которая кипела вокруг него, и оставался глух к завываниям клаксонов, к крикам, песням и выстрелам. Он даже не поднимал глаз на красные флаги. Я наблюдал за ним, желая увидеть, заметит ли он наконец беготню людей рядом с ним, блеск штыков в кузовах машин. Но, занятый своей работой, он продолжал ее с упорством крота. ...Цветы в Александровском саду растут по обочинам дорожек, и садовник ухаживает за ними. На нем был чистый передник, и в руках он держал лопату. Занятый своим делом, он смотрел на зевак и солдат так, словно они были стадом овец». Этот же мужчина только уже осенью 1917 г. – «Садовник нетороп-

ливо шел по дорожке, таща на плече лестничку, а в руках – садовые ножницы. То и дело он останавливался, чтобы срезать сухие ветви по краям дорожки. Он заметно похудел – точнее, почти усох, одежда висела на нем, как парус на мачте в безветренный день... Глядя на него, я не мог отказаться от мысли, что ни землетрясение, ни наводнение не помешают ему выйти на работу» [20].

Таким образом, во-первых, садовниками могли стать как самоучки, так и закончившие профильное заведение. Зачастую к самоучкам относились бывшие крепостные, у которых была практика элементарного ведения сада и огорода. У опытных профессиональных садовников в подчинении могли быть помощники, рабочие и мальчишки.

Во-вторых, садовников условно разделяли на две категории: первая – непосредственно «садовник», вторая – «огородник», человек имеющий знания только по уходу за огородом.

В-третьих, заработная плата варьировалась от 180 р. до 600 р. в год. Это зависело от категории, опытности, образования и вида работы. Найм садовника был постоянный (годовой), сезонный (лето), либо на оказание конкретной услуги.

В-четвертых, если рассматривать садовника в качестве прислуги, надо отметить, что, по сути, он был хозяином на своей территории. Даже в 1905 г и 1917 г. нельзя сказать, что они активно боролись за свои экономические права и с произволом работодателя.

Наконец, о том, что данный вид труда был востребован, говорит увеличение мест, где можно было освоить эту профессию. Вдобавок, садовники имели свои объединения, сообщества и вспомогательные кассы.

Список литературы

1. Веремко В. А. Гендерная характеристика домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в.: к постановке проблемы // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: материалы V Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭР РАН (4–7 окт. 2012 г.). – Тверь-М., 2012. – Т. 1. – С. 264–267.
2. Веремко В. А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. – № 1. – С. – 181–191.
3. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. «...Прислуга, крайне здесь избалованная, живёт по-своему». Домашние работницы в провинции пореформенной эпохи // Вестн. Оренб. гос. пед. ун-та. – 2018. – № 4. – С. 77–86.
4. Самарина Л.А. Российская прислуга второй половины XIX века в современной историографии // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14. – № 6. С. 105–113.
5. Михеева З.А. Предпосылки развития загородной недвижимости в Санкт-Петербурге и Ленинградской области // Вестн. СПбГУ. Сер. 7. – 2010. – Вып. 4. – С. 121–126.
6. Вараксин Г.С., Нефодина Т.А. История становления и развития дачного хозяйства в России // Вестн. КРАСГАУ. – 2011. – № 9 (60). – С. 80–82.

7. Чудновец Ю.В. Организация курсов садоводства и огородничества в Таврической губернии XIX в. // Науч. Вестн. Крыма. – 2017. – № 6 (11). – С. 1–6.
8. Чудновец Ю.В. Роль общественной и частной инициативы в становлении сельскохозяйственного образования Таврической губернии XIX – нач. XX в. // Учен. зап. Электрон. науч. журн. Курск. гос. ун-та. – 2018. – № 4 (48).
9. Алешин П.Н. Исторический анализ развития начального сельскохозяйственного образования и агрономической помощи в России XIX – начала XX в. // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2008. – № 86. – С. 62–67.
10. Безобразов В.П. Народное хозяйство России. Московская (центральная) промышленная область. – СПб.: Деп. торг. и мануфактур, 1882–1889. Т. 3. – 459 с.
11. Пашкевич В.В. Плодоводство в России. Материалы и исследования. Вып. X. Плодоводство в Саратовской губернии. – СПб.: Тип. А.А. Улыбина п/ф. «П.Г. Пожаров», 1908. – 669 с.
12. Журналы Рязанского Губернского Земского Собрания шестнадцатого очередного созыва, декабрь 1880 года. – Рязань: Тип. наследников З.П. Позняковой, 1881. – 779 с.
13. Калужские епархиальные ведомости. 1872. 1 – 24. – URL: https://rusneb.ru/catalog/002789_000099_33/viewer/ (дата обращения: 11.03.2020).
14. Николаев А.И. Сборник правил и подробнейших программ для поступления во все учебные заведения в 1871–1872 г. – СПб.: Тип. Н.С. Львова, 1872. – 164 с.
15. Очерк современного состояния плодоводства, огородничества и виноградарства с виноделием в России и правительственных мероприятий к их развитию. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1914. – 138 с.
16. Императорский С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования (1713-1913). Ч. 2. / сост. А.А. Фишер-фон-Вальдгейм. – СПб.: б.и., 1913. – 321 с.
17. Андреевский И.Е. Полицейское право. – Т. 1–2. – СПб.: б.и., 1874. – 727 с.
18. Вестн. Рос. общества садоводства в Санкт-Петербурге.
19. Земледельческая газета.
20. Земледелие, Садоводство и Огородничество.
21. Народное богатство.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1825–1881. Т. 38 (1863). – Ч. 2. – № 40415. – URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/show_page.php?page=307&root=2/38/2/ (дата обращения 26.03.2020).
23. Правила вспомогательной кассы для садовников и их семейств, учрежденной при Российском обществе садоводства в Санкт-Петербурге. – 1864. Б.и., – 76 с.
24. Устав Общества Взаимной Помощи Садовников Одесского Градоначальства и Одесского Уезда. – Одесса: Тип. Я.М. Сагала, 1907. – 16 с.
25. Устав Варшавской Ссудо-Сберегательной Кассы Земледельцев и Садовников. – Варшава: Druk A.T. Jezierskiego, 1905. – 55 с.
26. Пазухин А.М. Шутки пера Рассказы, сценки и очерки. Садовник. – М.: тип. Вильде, 1904. – 320 с.
27. Олсуфьев Ю.Д. Из прошлого моей семьи. Воспоминания А.В. Левицкой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. С. 285–286. URL: https://runivers.ru/new_htmlreader/?book=5613&chapter=84407 (дата обращения: 11.03.2020).

28. Записки последнего кирасира / публ. и вступ. ст. А.В. Шахова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. С. 547–636. Из содерж.: Мейер Ю.К. Записки белого кирасира. – URL: https://runivers.ru/new_htmlreader/?book=5610&chapter=84303 (дата обращения: 11.03.2020).

29. Чистяков М.Б. Блеск и тьма. Старый садовник. – СПб., М.: Т-во М.О. Вольф, 1911. – 353 с.

30. Петибридж Р. Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побежденных. 1905–1918. – М.: Центрполиграф, 2006. – URL: https://statehistory.ru/books/Rodzher--Petibridzh_Russkaya-revolyutsiya-glazami-sovremennikov--Мемуары-pobediteley-i-pobezhdennykh--1905-1918/7 (дата обращения: 26.03.2020).

References

1. Veremenko V. A. *Gendernaya charakteristika domashnej prislugi v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: k postanovke problemy* [Gender characteristics of domestic workers in Russia in the second half of the XIX – early XX century: towards the problem statement] // *ZHenshchiny i muzhchiny v kontekste istoricheskikh pere-men: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. RAIZHI i IER RAN* [Women and men in the context of historical changes: proceedings of the fifth international conference. scientific Conf. RAIZHI and IER RAN] (4–7 okt. 2012 g.). – Tver'- Moscow, 2012. – Т. 1. – P. 264–267.

2. Veremenko V.A. *Domashnyaya prisluga v dvoryanskih sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Domestic servants in Russian noble families in the second half of the XIX – early XX century] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad state University named after A.S. Pushkin]. – 2013. – № 1. – P. 181–191.

3. Burluckaya (Bannikova) E.V. «...Prisluga, krajne zdes' izbalovannaya, zhivyot po-svoemu». *Domashnie rabotnicy v provincii poreformennoj epohi* ["...The servants, extremely spoiled here, live in their own way." Domestic workers in the province of the post-reform era] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg state pedagogical University]. – 2018. – № 4. – P. 77–86.

4. Samarina L.A. *Rossiyskaya prisluga vtoroj poloviny XIX veka v sovremennoj istoriografii* [Russian servants of the second half of the XIX century in modern historiography] // *Gumanitarnyj vector* [Humanitarian vector]. – 2019. – Т. 14. – № 6. – P. 105–113.

5. Miheeva Z.A. *Predposylki razvitiya zagorodnoj nedvizhimosti v Sankt-Peterburge i Leningradskoj oblasti* [Prerequisites for the development of suburban real estate in Saint Petersburg and the Leningrad region] // *Vestnik SPbGU. Ser. 7.* – 2010. – Вып. 4. – P. 121–126.

6. Varaksin G.S., Nefodina T.A. *Istoriya stanovleniya i razvitiya dachnogo ho-zyajstva v Rossii* [The history of formation and development of the country economy in Russia] // *Vestnik KRASGAU.* – 2011. – № 9 (60). – P. 80–82.

7. CHudnovec YU.V. *Organizaciya kursov sadovodstva i ogorodnichestva v Tavricheskoj gubernii XIX v.* [Organization of gardening and gardening courses in the Tauride province of the XIX century] // *Nauchnyj Vestnik Kryma* [Scientific Bulletin Of The Crimea]. – 2017. – № 6 (11). – P. 1–6.

8. CHudnovec YU.V. *Rol' obshchestvennoj i chastnoj iniciativy v stanovlenii sel'skohozyajstvennogo obrazovaniya Tavricheskoj gubernii XIX – nach. XX v.* [The role of public and private initiative in the formation of agricultural education in the

Tauride province of the XIX-beginning. XX century] // *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk state University]. – 2018. – № 4 (48).

9. Aleshin P.N. *Istoricheskiy analiz razvitiya nachal'nogo sel'skohozyajstvennogo obrazovaniya i agronomicheskoy pomoshchi v Rossii XIX – nachala XX v.* [Historical analysis of the development of primary agricultural education and agronomic assistance in Russia of the XIX – early XX century] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Proceedings of the Herzen Russian state pedagogical University]. – 2008. – № 86. – P. 62–67.

10. Bezobrazov V.P. *Narodnoe hozyajstvo Rossii. Moskovskaya (central'naya) promyshlennaya oblast'* [National economy of Russia. Moscow (Central) industrial region]. – St. Petersburg: Dep. torg. i manufaktur, 1882–1889. 3 t. – 459 p.

11. Pashkevich V.V. *Plodovodstvo v Rossii. Materialy i issledovaniya. Vyp. H. Plodovodstvo v Saratovskoj gubernii* [Fruit growing in Russia. Materials and research. Vol. X. fruit Growing in the Saratov province]. – St. Petersburg: tip. A.A. Ulybina p/f. "P.G. Pozharov", 1908. – 669 p.

12. *ZHurnaly Ryazanskogo Gubernskogo Zemskogo Sobraniya shestnadcatogo ocherednogo sozyva, dekabr' 1880 goda* [Journals of the Ryazan Provincial Zemstvo Assembly of the sixteenth regular convocation, December 1880]. – Ryazan': Tipografiya naslednikov Z.P. Poznyakovej, 1881. – 779 p.

13. *Kaluzhskie eparhial'nye vedomosti* [Kaluga diocesan Gazette]. 1872. 1 – 24. – URL: https://rusneb.ru/catalog/002789_000099_33/viewer/ (data obrashcheniya 11.03.2020).

14. Nikolaev A.I. *Sbornik pravil i podrobnejshih programm dlya postupleniya vo vse uchebnye zavedeniya v 1871–1872 g.* [Collection of rules and detailed programs for admission to all educational institutions in 1871–1872]. – St. Petersburg: tip. N.S. L'vova, 1872. 164 p.

15. *Ocherk sovremennogo sostoyaniya plodovodstva, ogorodnichestva i vinogradarstva s vinodeliem v Rossii i pravitel'stvennyh meropriyatij k ih razvitiyu* [An outline of the current state of fruit growing, horticulture and viticulture with wine in Russia and government measures for their development]. – St. Petersburg: tip. V.F. Kirshbauma, 1914. – 138 p.

16. *Imperatorskij S.-Peterburgskij botanicheskij sad za 200 let ego sushchestvovaniya (1713-1913)* [Imperial St. Petersburg Botanical garden for 200 years of its existence (1713-1913)] CH. 2. / sost. A.A. Fisher-fon-Val'dgejm. – St. Petersburg: b.i., 1913. – 321 p.

17. Andreevskij I.E. *Policejskoe pravo* [Police law]. – T. 1–2. – St. Petersburg: b.i., 1874. – 727 p.

18. *Vestnik Rossijskogo obshchestva sadovodstva v Sankt-Peterburge* [Bulletin of The Russian horticultural society in Saint Petersburg].

19. *Zemledel'cheskaya gazeta* [Agricultural newspaper].

20. *Zemledelie, Sadovodstvo i Ogorodnichestvo* [Agriculture, horticulture and Horticulture].

21. *Narodnoe bogatstvo* [National wealth].

22. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 1825–1881. T. 38 (1863). CH. 2. № 40415. – URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/show_page.php?page=307&root=2/38/2/ (data obrashcheniya: 26.03.2020).

23. *Pravila vspomogatel'noj kassy dlya sadovnikov i ih semejstv, uchrezhdennoj pri Rossijskom obshchestve sadovodstva v Sankt-Peterburge* [Rules of the auxiliary cash register for gardeners and their families, established at the Russian society of horticulture in – Saint Petersburg]. B.i., 1864. 76 p.

24. *Ustav Obshchestva Vzaimnoj Pomoshchi Sadovnikov Odesskago Gradonachal'stva i Odesskago Uezda* [Charter of the society for Mutual Assistance of Gardeners of Odessa city And Odessa County]. – Odessa: Tip. YA.M. Sagala, 1907. – 16 p.

25. *Ustav Varshavskoj Ssudo-Sberegatel'noj Kassy Zemledel'cev i Sadovnikov* [Charter of the Warsaw Loan and Savings Bank of Farmers and Gardeners]. – Varshava: Druk A.T. Jezierskiego, 1905. 55 p.

26. Pazuhin A.M. SHutki pera Rasskazy, scenki i ocherki. Sadovnik [Jokes of the pen Stories, sketches and essays. Gardener]. – Moscow: tip. Vil'de, 1904. 320 p.

27. Olsuf'ev YU.D. Iz proshlogo moej sem'i. Vospominaniya A.V. Levickoj [From my family's past. Memories Of A.V. Levitskaya] // *Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv.* [Russian Archive: the history of the Fatherland in certificates and documents of the XVIII-XX centuries]: Al'manah. – Moscow: Studiya TRITE: Ros. Arhiv, 1999. P. 285–286. – URL: https://runivers.ru/new_htmlreader/?book=5613&chapter=84407 (data obrashcheniya 11.03.2020).

28. *Zapiski poslednego kirasira* [Notes of the last cuirassier] / Publ. [i vstup. st.] A.V. SHahova // *Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII –XX vv.* [Russian Archive: the history of the Fatherland in certificates and documents of the XVIII-XX centuries]: Al'manah. – Moscow: Studiya TRITE: Ros. Arhiv, 1995. P. 547–636. Iz sodерж.: Mejer YU. K. Zapiski belogo kirasira. – URL: https://runivers.ru/new_htmlreader/?book=5610&chapter=84303 (data obrashcheniya 11.03.2020)

29. CHistyakov M.B. *Blesk i t'ma. Staryj sadovnik* [The glare and the darkness. Old gardener]. – St. Petersburg, Moscow: t-vo M.O. Vol'f, 1911. – 353 p.

30. Petibridzh R. *Russkaya revolyuciya glazami sovremennikov. Memuary pobeditelej i pobezhdennyh. 1905–1918* [The Russian revolution through the eyes of contemporaries. Memoirs of winners and losers. 1905–1918]. – Moscow: Centropoligraf, 2006. URL: https://statehistory.ru/books/Rodzher--Petibridzh_Russkaya-revoljutsiya-glazami-sovremennikov--Memuary-pobediteley-i-pobezhdennykh--1905-1918/7 (data obrashcheniya: 26.03.2020).

Н.А. Мицюк, Л.Л. Степченков

**Повседневная жизнь врачей и фармацевтов-евреев
в Смоленской губернии в 1870–1910-е гг.
(по материалам формулярных,
служебных и кондуитных списков)***

На основании анализа фондов Государственного архива Смоленской области представлен источниковедческий потенциал формулярных, служебных, кондуитных списков при изучении повседневной жизни евреев в Российской империи. После принятия закона 1879 г., разрешавшего определенным группам еврейского населения проживать вне черты оседлости, Смоленская губерния стала одним из первых регионов внутренней миграции евреев. К началу XX в. в крупных городах губернии образовались еврейские общины. Одна из профессиональных сфер, которую заняли евреи – медицинская (врачи, повивальные бабки), а также фармацевтическая область (фармацевты, аптекарские помощники, аптекарские ученики). Кондуитные списки содержат важную информацию, позволяющую установить дату рождения, полученное образование, места службы, определить направления передвижения евреев. Врачи-евреи способствовали развитию частной медицины в Смоленской губернии. Обнаруженный архивный материал позволяет выступить одним из источников, репрезентирующим повседневную жизнь еврейского населения в Российской империи, дополняя повседневную жизнь российских городов. Сохранившиеся источники имеют значительную ценность для потенциальных генеалогических исследований.

Ключевые слова: история евреев, история повседневности XIX в., служебные списки, история медицины, история аптечного дела.

N.A. Mitsyuk, L.L. Stepchenkov

**The everyday life of Jewish doctors and pharmacists
in the Smolensk province in the 1870–1910s.
(based on materials from formulary, service, and conduit lists)**

The authors of the article analyze the source study potential of the formal, official, conduit lists when studying the everyday life of Jews in the Russian Empire. The focus is on the funds of the State Archive of the Smolensk Region. After the adoption of the law of 1879, which allowed certain groups of the Jewish population to

© Мицюк Н.А., Степченков Л.Л., 2020

© Mitsyuk N.A., Stepchenkov L.L., 2020

* При поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект 17-31-01020-ОГН «Взаимодействие государства и провинциального общества в формировании национальной модели медико-социальной работы в России в XIX – начале XX в.».

live outside Jewish Pale of Settlement, Smolensk province became the first region of internal migration of Jews. By the beginning of the 20th century Jewish communities were formed in large cities of the province. One of the professional areas occupied by Jews was the medical field (doctors, midwives), as well as the pharmaceutical field (pharmacists, pharmacist assistants, pharmacist students). Condit lists contain important information that allows to set the date of birth, education, places of service, and determine the direction of movement of Jews. Jewish doctors contributed to the development of private medicine in the Smolensk province. The discovered archival material can be performed as one of the sources representing the daily life of the Jewish population in the Russian Empire, complementing the daily life of Russian cities. Surviving sources are of significant value for potential genealogical research.

Key words: history of Jews, Jewish study, history of everyday life of the XIX century, service lists, history of medicine, history of pharmacy.

Jewish study динамично развивающееся направление в современной исторической науке. Во многих европейских, американских вузах открыты программы по изучению истории евреев в различные исторические периоды и в различных регионах. Всё больше организаций (Всеобщий еврейский союз, Российский еврейский конгресс, центр «Сэфер», Центр Чейза по изучению иудаики на русском языке при Еврейском университете Иерусалима, Институт славяноведения РАН и др.), научных журналов нацелены на содействие исследования в области иудаики. Их главная задача – восстановить историческую, социальную и культурную памяти. В российских гуманитарных науках наметилась устойчивая тенденция повышения внимания академического сообщества к истории евреев, проживавших в России в различные исторические периоды.

Интерес исследователей обращен в том числе к истории евреев в Российской империи, в особенности к периоду пореформенной России. Именно в 1860–1870-х гг. происходили существенные изменения в социально-политическом и экономическом положении российского еврейства, связанные со становлением их самосознания, активным проникновением в различные сферы жизни: культурные, политические, экономические [1]. Данные процессы во многом были вызваны либеральными реформами Александра II, которые существенно изменили законодательство в отношении проживания евреев, их рода деятельности и, как следствие, отразились на их повседневной жизни.

Современная историографическая ситуация такова, что наибольший интерес в изучении имперского периода жизни российского еврейства вызывает история еврейских общин, организаций, их социально-политическая деятельность и юридическое положение [2–5]. История повседневной жизни евреев представлена куда более меньшим числом работ [6–8]. Вклад евреев меценатов, предпринимателей, врачей и др. профессиональных категорий в

развитие конкретных регионов российской империи, в экономические, культурные сферы не всегда отмечается. История российского еврейства зачастую рассматривается обособленно от других национальных групп. Такой историографический подход, заложенный еще в начале XX в., согласно которому история российских евреев изучалась как часть всеобщей истории еврейства [9], создает сложности на пути восстановления исторической справедливости, нивелирует роль евреев в повседневной жизни российских регионов.

Изучение частной жизни евреев в контексте российских городов XIX – начала XX в. заставляет нас привлекать новые исторические источники [10]. В фокусе данного исследования оказались составленные на медицинских служащих формулярные, служебные и кондуитные списки, сохранившиеся в Государственном архиве Смоленской области. Среди многочисленных формуляров, разбросанных по различным фондам архива – фонда Смоленского губернского правления (Ф. 2), фонда канцелярии Смоленского губернатора (Ф. 1), частично фонда врачебной управы (Ф. 754), было обнаружено немало послужных списков на лиц еврейского происхождения. Основной род их деятельности – медицинская (врачи, повивальные бабки) и фармацевтическая (фармацевты, аптекарские помощники, аптекарские ученики) сферы. Цель пилотного исследования: определить источниковедческий потенциал, полноту и сохранность документов в репрезентации повседневной жизни евреев Смоленской губернии, находившейся за пределами черты оседлости.

Либеральные реформы и черта оседлости

Смоленская губерния находилась за чертой оседлости, но тесно с ней граничила (Витебская, Могилевская, Черниговская губернии). Через Велижский уезд (ныне район Смоленской области, а в XIX в. уезд Витебской губернии) проходила черта оседлости. По российскому законодательству возможность евреев покинуть черту оседлости и передвигаться в другие регионы страны было существенно ограничено [11]. Ситуация кардинально изменилась после либеральных реформ Александра II в 1860–1870-е гг. Первоначально правом пересекать и проживать вне черты оседлости обладали исключительно купцы 1-й гильдии. Затем были расширены категории еврейского населения, обладавшие данной «привилегией». К числу таковых были отнесены врачи, имевшие ученую степень. С 1879 г. это право стало распространяться на всех выпускников высших учебных заведений, а также аптекарских помощников, дантистов, фельдшеров, повивальных бабок. Это правило касалось и членов их семей. Подобное нововведение привело к тому, что евреи стремительно стали осваивать данные области профессиональной деятельности, которые позволяли им получать свободу относительно места проживания и осваивать «заманчивые» места вне черты оседлости. Смоленская губерния находилась в непосредственной

близости от черты оседлости, что, по мнению историков, делало ее привлекательной для миграции. Прибывавшие в Смоленскую губернию евреи были в относительной близости от родных мест, что позволяло им не порывать с привычным окружением [12, с. 22]. Она стала одной из первых, куда устремились потоки евреев из западных губерний Российской империи. Вследствие этого к концу XIX в. в Смоленской губернии сформировалась многочисленная еврейская община [13]. Американский историк М. Хики, анализируя демографию еврейского населения Смоленской губернии, приводит следующие цифры (табл. 1):

Таблица 1

*Демография еврейского населения
в Смоленской губернии (1857–1914 гг.)*

Год	Число зарегистрированных евреев в Смоленской губернии
1857	229
1880	3579
1885	4859
1890	5709
1897	11144
1905	12382
1910	15467
1913	17920

Источник: Хики М. Демография еврейского населения Смоленской губернии, 1870-е – 1914 г. // Евреи пограничья: Смоленщина. М.: Пробел-2000, 2018. С. 132–135.

Смоленск стал самым еврейским городом Европейской части России вне черты оседлости [14, с. 131]. К 1905 г. по официальным данным в Смоленской губернии проживало 12345 евреев [15, с. 63], по неофициальным источникам их проживало значительно больше. К 1914 г. евреи составляли 10 % жителей Смоленска [16]. Министерство внутренних дел стало регулярно запрашивать сведения о евреях, имевших высшее образование, занимавшихся врачебным и аптекарским делом [17]. Резко возросшее число евреев среди жителей Смоленской губернии оказывало существенное влияние на повседневную жизнь города и губернии.

*Служебные, кондуитные списки аптекарей (фармацевтов),
аптекарских помощников /помощниц и учеников /учениц*

Одной из сфер профессиональной деятельности евреев стала медицина – врачебная деятельность и аптечное дело. Важным источником, репрезентирующим данный процесс, являются служебные и кондуитные списки содержателей аптек, фармацевтов, аптекарских помощников и учеников, сохранившихся в Государ-

ственном архиве Смоленской области. В дореволюционных архивных фондах отсутствуют специальные фонды для формуляров и соответствующих списков о службе. Формулярные списки разбросаны по многочисленным фондам. Они представляли собой делопроизводственные документы. Их основное предназначение состояло в том, чтобы собрать минимальную информацию о потенциальном чиновнике/служащем/работнике. Эта информация являлась основной формой учета чиновников и служащих (в том числе в частной сфере) Российской империи. Составление формулярных списков практиковалось с 1750-х гг. по 1917 г. Они заполнялись на чиновников различных ведомств, а также врачей, учителей. Для других категорий служащих (фармацевтов, держателей аптек, аптекарских помощников, фельдшеров и проч.) составлялись «служилые» и «конduitные» списки. Они содержали практически все те же графы, что и формулярные списки. Утвержденный шаблон формулярных, служилых и conduitных списков включал в себя сбор следующей информации: чин, имя, фамилия, отчество, должность, «лет от роду», вероисповедание, знаки отличия, «получаемое содержание», звание, наличие недвижимости (дом, земля), полученное образование (с подробным указанием времени и места учебы), участие в военных действиях, наличие штрафов, наград, время нахождения в отпуске и отставке, наличие судебных тяжб, семейное положение с указанием имен и дат рождения детей.

В 1870-х гг. для аптекарей и аптекарских учеников были введены conduitные списки. Понятие «conduitный список» (от фр. *conduite* – поведение) было заимствовано из названия особых документов по учету офицеров Российской империи, в которых делались отметки о службе и поведении. Пилотный анализ служилых и conduitных списков Государственного архива Смоленской области с привлечением иных источников (архивных фондов учебных заведений, статистических отчетов, «Памятных книжек Смоленской губернии» за 1855–1915 гг., выпусков «Смоленского вестника» за 1878–1917 гг.) позволили сделать следующие выводы.

Впервые в губернии «вольные» (частные аптеки) были основаны в 1820-е гг. (принадлежали Г. Лукашевичу, Ф. Роланду, С. Краузе, А. Мего) [18]. Правила, регламентирующие различные звания служащих аптек, окончательно были приняты в 1845 г. Вплоть до 1917 г. они закрепляли юридический статус провизоров. Низшей ступенью в иерархии аптекарских служащих была должность аптекарского ученика. С нее начиналась карьера будущего провизора, так как для того, чтобы сдать экзамен на звание аптекарского помощника или фармацевта, необходимо было иметь опыт работы в аптеках. Первоначально аптекарскими помощниками могли быть исключительно мужчины, но с 1888 г это право получили и женщины. Для поступления в аптекарские ученики необходимо было иметь

образование не ниже четырех классов гимназии (прогимназии) и сдать специальные экзамены (прежде всего латынь). Аптекарские ученики, имевшие опыт работы в аптеках, могли сдать экзамен при университетах для получения звания провизора или аптекарского помощника [19]. Для провизоров устанавливалась ученая степень – магистр фармации, которая вводилась вместо прежнего звания аптекаря. Магистерскую степень получали провизоры после сдачи специального экзамена и публичной защиты диссертации в университете.

Анализ численности аптек и аптечных магазинов в Смоленской губернии с 1850 по 1917 гг. показал, что наибольший всплеск в развитии аптечной сети происходил с конца 1870-х гг. За 50 лет (с 1850 по 1900-е гг.) численность аптек в губернии возросла в три раза (табл. 2). В целом это отражало общероссийскую тенденцию развития аптечного дела [20].

Таблица 2

Численность аптек в Смоленской губернии в 1855–1911 гг.

Год	Количество	Год	Количество
1855	9	1887	23
1856	8	1891	21
1857	7	1892	21
1858	7	1893	21
1860	6	1894	22
1861	6	1895	22
1862	5	1896	21
1863	5	1897	21
1864	5	1899	21
1865	5	1900	21
1867	5	1902	21
1870	4	1904	21
1873	13	1907	23
1878	14	1911	30

Источник: Памятные книги Смоленской губернии за 1855–1911 гг.

Причин стремительного роста числа аптек в губернии можно найти различное объяснение. Это было вызвано, с одной стороны, либеральными реформами (земская и городская) 1860-х гг., оживившими экономическую активность провинциального общества. С другой – развитие профессиональной медицины в городах (научные открытия в сфере медицины и фармации, развитие медицинского образования), где традиционная (народная) медицина становилась менее востребованной. Всё это существенно повышало спрос на фармацевтические препараты. Аптека становилась неотъемлемой частью городской инфраструктуры. Не стоит сбрасывать со счетов и

фактор развития предпринимательства в России. Архивные данные, реклама на страницах дореволюционной прессы убедительно свидетельствуют о том, что область фармацевтической деятельности становилась привлекательным бизнесом. Однако эти причины никак не объясняют стремительность изменений, когда число аптек и аптечных магазинов в губернии за 2 года увеличилось в 1,5 раза. Решающим фактором, на наш взгляд, всё же стал указ 1879 г., разрешавший фармацевтам, аптекарям, аптекарским ученикам еврейского происхождения проживать вне черты оседлости. Смоленская губерния, в непосредственной близости с которой проходила черта оседлости, стала первой, куда устремились евреи, проживавшие в соседних западных губерниях (Минской, Витебской, Могилевской).

Анализ содержателей «вольных» аптек (принадлежали частным лицам) показывает, что среди них с начала 1880-х гг. стало появляться всё больше евреев (табл. 3). Следует заметить, что для открытия аптеки необходимо было получить звание провизора или магистра фармации, что было не всегда простым делом, в особенности в университетах, находившихся вне черты оседлости.

Таблица 3

*Содержатели вольных аптек в Смоленской губернии
в 1850–1917 гг.*

№	ФИО	Годы работы аптеки
1	Эрнест Христианович Розенберг	1855–1857
2	Александр Эммануилович Мего	1855–1857
3	Карл Антонович Лейбниц	1855–1856
4	Александр Карлович Мюге	1855–1858
5	Иванов	1855–1856
6	Марка Францевич Краузе	1855–1862
7	Эдуард Викеньтевич Эржумовский	1855
8	Зиновий Карлович Яворский	1855–1867
9	Александр Романович Келнер	1855–1865
10	Пабо	1857–1858
11	Пётр Фёдорович Шумахер	1858–1861, 1873
12	Николай Андреевич Мертенс	1858–1861, 1878–1887
13	Мстислав Селивестрович Табаровский	1861–1862
14	Людвиг Петрович Пуле	1862–1899
15	Степан Осипович Егоров	1863
16	Пётр Иванович Александров	1863–1887
17	Павел Зефридович Миллер	1864–1867
18	Казимир Александрович Колендо	1867
19	Адольф Иванович Рознер	1870–1878
20	Леопольд Романович Нурок	1873–1878
21	Эдуард Карлович Гоффман	1873–1878
22	Егор Карлович Христиан	1873–1878
23	Франц Феликсович Мшанецкий	1873

Продолжение табл. 3

24	Иосиф Иосифович Марциновский	1873–1878
25	Фердинанд Фердинандович Гоффман	1873–1911
26	Александр Карлович Зантфлебен	1873
27	Михаил Романович Станкевич	1873–1887
28	Роберт Христианович Иордан	1873
29	Александр Степанович Гороянц	1878–1882
30	Александр Карлович Эрдтман	1878–1896
31	Фёдор Михайлович Лемберг	1878–1900
32	Юлий Андреевич Гаабе	1878
33	Густав Грунау	1887–1891
34	Олешкевич	1887–1891
35	Фёдор Гончаров	1887
36	Алексей Осипович Дембский	1887
37	Эммануил Тимофеевич Левинсон	1887–1911
38	Николай Грузинский	1887
39	Владислав Флорианович Зацкевич	1887–1892
40	Иван Андреевич Бородин	1887–1907
41	Михаил Абрамович Плям	1887–1902
42	Иван Константинов	1887
43	Феликс Иванович Хросцицкий	1887–1891
44	Эмилий Иванович Лемике	1887
45	Константин Степанович Лозинский	1887
46	Овсей Михайлович Дейч	1880–1911
47	Осип Феликсович Буяльский	1887
48	Манушевич	1887–1895
49	Марк Герасимович Дубицкий	1887–1894
50	Таудешь Садовский	1891
51	Ленкевич	1891–1911
52	Эйзехиль Моисеевич Лунц	1891–1896
53	Иосиф Максимилианович Францкий	1891
54	Михаил Иванович Левидов	1891
55	Константин Викентьевич Делекторский	1891–1892
56	Михаил Дмитриевич Васильев	1891–1899
57	Феликс Наполеонович Реутт	1892–1907
58	Стефан Феофанович Сухоцкий	1892–1897
59	Вильгельм Иванович Дузинкевич	1892–1894
60	Эдуард Адольфович Бучинский	1892
61	Фёдор Васильевич Гончаров	1892–1893, 1911
62	Осип Львович Зунделович	1892–1902
63	Лев Львович Саприновский	1893–1896
64	Григорий Абрамович Неймарк	1893–1899
65	Константин Константинович Знаменский	1893–1900
66	Семён Апполонович Машкевич	1894–1897
67	Отто Оттович Дрейке	1894–1896
68	Игнатий Васильевич Ефремов	1895–1911
69	Владислав-Людвиг Адамов Ксаверьев Михайловский	1895–1904
70	Самуил Эйзехилевич Лунц	1897–1911

Продолжение табл. 3

71	Роберт Яковлевич Розалинский	1897–1911
72	Абрам Меерович Краковский	1897–1911
73	Семён Михайлович Пинусь	1897–1911
74	Мечислав Антонович Гринцевич	1899–1911
75	Семён Тимофеевич Замковов	1899–1904
76	Александр Людвигович Пуле	1900–1911
77	Ноух Залманович Гольдман	1900–1907
78	Шевель Лейбович Братиль	1900
79	Франц Адамович Земацкий	1902–1907
80	Вильгельм Иордан	1902–1911
81	Иван Иванович Корнфельд	1904
82	Янкель Шаевич Белинский	1904–1911
83	Мовша Беркович Зеликин	1904–1911
84	Людвиг Варфаламеевич-Леонович Черневич	1904–1907
85	Яков Вениаминович Поляк	1907–1911
86	Феликс Иванович Хросцицкий	1907–1911
87	Владислав Генрихович Бухартовский	1907–1911
88	Теофил Фнтонович Жеранский	1907
89	Эмиль Иванович Дорман	1911–1917
90	Етта Михелевна Зелинкина	1911–1918
91	Гирш Беркович Брандт	1911–1918
92	Азриель Цалкович Ронин	1911–1917
93	Сара-Либа Леймова Биргер	1911–1917
94	Иван Сергеевич Толозов	1911–1917
95	Вениамин Израилевич Израильсон	1911–1917
96	Михаил Семёнович Зезюлинский	1911–1917
97	Михаил Леопольдович Нурок	1911–1917
98	Николай Иванович Курицин	1911–1917
99	Соломон Давидович Баран	1911– ...
100	Моисей Ильич Гандин	1911– ...
101	Евгения Александровна Рыкова	? –1910-е гг.
102	Александр Карфункель	1869–1879
103	Иосиф Глодов	1860–1880-е гг.
104	Янкель Самуилович Пулиревич	1860–1880-е гг.
105	Мира Евневич Левидор	1860–1900-е гг.
106	Константин Константинович Тушинский	1870–1900-е гг.
107	Герц Левин	1870–1900-е гг.

Источник: Памятные книги за 1855–1915 гг.; ГАСО. Ф. 2. Оп. 77. Д. 636; 642; ГАСО. Ф. 1056. Оп. 1. Д. 1; Смоленский вестник за 1887–1917 гг.

Среди содержателей аптек были лица с высшим званием в своей области – магистр фармации. С 1845 по 1900 гг. в России звание магистра получили всего 300 чел. [21]. В Смоленске удалось обнаружить 2 магистра, среди которых один имел еврейское происхождение (Э.И. Дорман).

В то же время архивные дела, связанные с процессом открытия «вольных» аптек евреями свидетельствуют о многочисленных

сложностях, возникавших на этом пути. Это было связано с противодействием владельцев других «вольных аптек» (не евреев), органов местной или центральной власти [22].

В Государственном архиве Смоленской области сохранилось значительное число служебных и кондуитных списков, составленных на аптекарских помощников и учеников, среди которых было немало лиц еврейского происхождения. Обнаруженные списки имеют генеалогическую ценность, так как позволяют установить важные факты из жизни многочисленных евреев, покидавших черту оседлости. Кроме этого, статистические данные, полученные о числе евреев в губернии, согласно переписям, зачастую не точны, многие евреи избегали переписки [14, с. 131]. В отчетных ведомостях о количестве проживавших евреев нередко у одних и тех же семейств за разные годы пропадают и появляются взрослые дети, указанные документы на право жительства приводятся от разных лет. Все эти несостыковки усложняют исследовательский процесс. К тому же после принятия указа 1879 г. территориальная мобильность евреев существенно повысилась, и они попросту могли не попасть в перепись. Обнаруженные списки позволяют существенно скорректировать статистические данные о проживавших в губернии евреях. До введения указа 1879 г. служилые списки, составленные на евреев, которые в исключительных случаях, получая специальные разрешения, покидали черту оседлости, содержалась специальная графа, в которой свои отметки делали органы полиции. Раздел содержал сведения о поведении человека: *«Из удостоверения Можайского надзирателя видно, что во время проживания г. Каплана в Можайске с 5 декабря 1878 г. он вел себя прилично звания и дело о нем по полиции не производилось»* [23, л. 37].

Согласно документам врачебного управления Смоленской губернии, до указа 1879 г. проживавшим в губернии аптекарским ученикам еврейского происхождения необходимы были специальные разрешения, а также свидетельство о навыках и поведении, выданное содержанием аптеки, при которой состоял ученик. Управляющие аптек могли использовать сложное положение евреев, удерживая их на позиции аптекарских учеников, тем самым пользуясь, фактически, бесплатной рабочей силой. Из делопроизводительной переписки и служилых списков, видим, к примеру, что на известного в Смоленске содержания аптек Э.Д. Гоффмана, немца по происхождению, в 1870-е гг. поступали многочисленные жалобы учеников-евреев. Аптекарские ученики свидетельствовали, что им не выдавались свидетельства о работе в аптеке на соответствующей позиции. Без выписанных свидетельств о практике кандидат не мог поступить на службу в другую аптеку, было затруднено его передвижение, невозможно было подать заявление на сдачу экзамена

на получение аптекарского звания. Показательна жалоба аптекарского ученика Аэрона Раковщикова от 1875 г.: *«Пробыв в аптеке г. Гоффмана более полутора месяца, видя его недобросовестное обхождение с аптекарскими учениками, в том числе и со мной и при том, имея в виду, что из аптеки г. Гоффмана ни один из аптекарских учеников и помощников не отправлялся от него без ссор и неприятностей, как например: аптекарские ученики г. Чалов, г. Блюменталь, г. Сухоцкий и г. Мандельшам, при том же я заметил, что от г. Гоффмана нельзя приобрести изучение фармации, потому что г. Гоффман при составлении лекарств скрывается и не пускает учеников к смотрению при составлении оных»* [24, л. 47]. После принятия новых правил 1879 г. о свободном проживании евреев, имевших высшее образование, звание аптекарей, аптекарских помощников, в юридическом отношении они становились в большей степени защищены.

Анализ кондуитных списков аптекарских учеников и помощников [22–27] показывает, что они редко оставались на одном и том же служебном месте. Часто аптекарские ученики и помощники меняли аптеки, задерживаясь в них не более двух-трех лет. Высокой была их территориальная мобильность. С целью профессионального развития, получения новых навыков, расширения сфер коммуникации, улучшения материального положения провизоры, аптекарские помощники и ученики мигрировали в различные уголки Российской империи. К примеру, Мир Иовнович Левидор, получив образование в Виленском раввинском училище, сдал экзамен на звание аптекарского помощника на медицинском факультете Казанского университета, затем за 2 года прослужил провизором в Уфе, Москве, позже в Смоленске [26]. Исаак Каплан с 1875 по 1880 г. трудился в аптеках Казанской, Московской, Курской, Калужской, Смоленской губерниях [23].

Возрастной состав аптекарских помощников и учеников – молодые люди до 20 лет. Именно они относились к наиболее мобильной части еврейского населения, активно покидавших черту оседлости. Это определяло их семейное положение. Абсолютное большинство из них – неженатые.

Служебные и кондуитные списки аптекарских помощников и учеников свидетельствуют, что зачастую молодые евреи прибывали в Смоленскую губернию из соседних губерний, входящих в черту оседлости. Они устраивались в аптеки, получали необходимый стаж практической работы, рекомендации от содержателей аптек и устремлялись в университетские города для сдачи экзаменов на звание фармацевтов. Смоленская губерния обладала рядом преимуществ для проживания. Жизнь здесь была не так дорога, как в столичных городах. Конкуренция среди аптекарских учеников и помощников менее значительна. При устройстве в Смоленской губернии на соответствующие позиции в аптеки зачастую разрушалась кон-

фессиональная сегрегация. Если в местностях, входящих в черту оседлости, евреи предпочитали трудиться в аптеках, принадлежавших исключительно евреям (это видно из послужного списка лиц), то в Смоленской губернии, судя по кондуитным спискам, они получали необходимую практику у владельцев аптек различной национальной (немцы, поляки, русские) и конфессиональной (православного, лютеранского вероисповедания) принадлежности.

После разрешения в 1888 г. женщинам получать звание аптекарских помощниц и фармацевтов в Смоленской губернии резко возросло число аптекарских учениц. Главным требованием при зачислении в аптекарские ученицы было наличие образования 4-х классов гимназии или прогимназии, а также знание латыни. Для того, чтобы сдать экзамен на звание аптекарской помощницы необходимо было иметь практику в должности аптекарской ученицы. Большинство женщин аптекарских помощниц в губернии, судя по прошениям на сдачу экзаменов в гимназии, – еврейки. Они стали массово сдавать необходимые экзамены в женских гимназиях. Первые объявления о приеме аптекарских учениц в местной прессе появились в 1897 г., в них указывалось: *«Девушки, окончившие полный курс или 5 классов гимназии и желающие посвятить себя фармацевтической деятельности, могут подготовиться теоретически и практически, адрес в редакции»* [28, с. 4]. Многие аптеки Смоленска осуществляли набор аптекарских учениц.

С начала XX в. число женщин еврейского происхождения, желавших сдать экзамены при гимназиях, достигло рекордного числа [29]. По окончании испытаний девушки получали свидетельства (удостоверения). В качестве примера – типичное удостоверение аптекарской ученицы: *«Дано сие удостоверение, окончившей пять классов Ковенской женской гимназии Н.Г. Лошицкой Ковенской губернии Бассе Ривке Левин, иудейского вероисповедания, родившейся 14 мая 1896 г., в том, что она, Левин, согласно прошения, в апреле месяце 1917 г., Педагогическим советом Сычевской гимназии была подвергнута сокращенному испытанию для получения звания аптекарской ученицы и таковое испытание выдержала удовлетворительно»* [30].

Женщины обучались, сдавали экзамены на звание аптекарских учениц, затем трудились по этой специальности, однако самостоятельное занятие ими должности провизоров и аптекарей в губернии практически не встречалось. В 1910-х гг. в должности аптекарской помощницы числилась Ш.Г. Лифшиц в аптеке Смоленского губернского земства, аптекарских учениц – П.Э. Рейзлин, в аптеке Смоленского губернского земства, С.Н. Шапиро, в Никольской аптеки г. Смоленска, Р.Х. Азарх, в вольной аптеки Поляка в г. Смоленске, Г.И. Миркина в Бельском уезде, А.А. Халфина в Гжатском уезде и

др. [25; 31]. Женщины еврейского происхождения, если и становились содержательницами аптек, то, как правило, это было связано с передачей аптеки по наследству после смерти мужа-провизора. В Смоленске, например, из 6 «вольных аптек» единственная принадлежала «жене провизора» Етте Михеевне Зеликиной, которая досталась ей после смерти мужа [32, с. 102].

Формулярные списки врачей

Лицам иудейского происхождения, выпускникам медицинских факультетов высших учебных заведений было разрешено проживать вне черты оседлости в 1861 г. Изучение формулярных списков врачей Смоленской губернии показывает, что среди врачей встречались евреи, но в процентном соотношении в гораздо меньшей степени, чем фармацевтов, аптекарских помощников и учеников. Вероятно, это было связано с большой конкуренцией, а также со сложностью получения звания врача (длительность обучения, высокие затраты на обучение, ограниченный доступ евреев в университеты). В этой связи фармацевтическая сфера выглядела для евреев более привлекательной. Можно было сразу поступить в аптекарские ученики, затем по прошествии небольшого срока сдать экзамен в университете.

Положение врачей-евреев существенным образом не отличалось от не евреев. Они официально состояли на государственной службе, что стало возможным по указу 1879 г. Их оклад был таким же, как и у врачей не евреев. Единственным существенным отличием социального статуса врачей иудейского вероисповедания – крайне редкое получение наград и чинов. Зачастую это было возможно исключительно при перемене вероисповедания. В формулярном списке Рославльского врача Эммануила Рубинштейна в графе вероисповедание указано – православное. В отличие от своих коллег-евреев иудейской веры он дослужился до чина титулярного советника и имел «высочайшие признательности» [33, л. 1–2].

Врачи иудейского происхождения, как правило, получили высшее образование за границей или в западных губерниях России, в местах прохождения черты оседлости (Берлинский, Дерптский, Виленский университеты). Они занимали различные должности – уездных, городских, земских врачей. Формулярные списки демонстрируют, что врачи-евреи вполне могли быть зачислены в штат духовных училищ (к примеру, М.М. Дейч служил при Бельском духовном училище, получая за это оклад) [34], что свидетельствует в пользу отсутствия религиозной сегрегации. Среди врачей-евреев были одни из первых в губернии доктора медицины. К примеру, Л.Ф. Мандельштам – Рославльский уездный врач (с 1867 г.), доктор

медицины, защитивший диссертацию в 1864 г. на степень доктора медицины в Дерптском университете [35].

Врачи-евреи нередко служе в должности врача при городском или земском управлении предпочитали частную практику. Это может быть обусловлено различными причинами, как наличием соответствующих качеств, связанных с предпринимательством, так и с пониманием определенных ограничений по службе (отсутствие наград, чинов, что влияло на их оклад). Накануне Первой мировой войны в Смоленске известность имели частные лечебницы докторов О.Е. Черномордика (лечение внутренних и нервных заболеваний, применялись новейшие медицинские средства – электризация, световые ванны), С.И. Розенфельда (женские болезни), частные приемы докторов К.А. Кагана (кожные и венерические заболевания), С.И. Штейнера (глазные болезни), Г.Л. Зеленина (детские болезни), И.М. Фикельштейна (венерические болезни), Темкиной-Берестинской, Б.М. Ривкина, А.Я. Черняка, С.С. Тилевич-Левитиной, Е.Р. Розенфельда, Б.С. Розенсона и др. («зубные врачи») [36, с. 4].

С появлением возможности женщинам получать высшее медицинское образование среди врачей стали появляться женщины иудейского вероисповедания. Следует заметить, что первой российской женщиной-врачом, получившей научную степень в области медицины (доктор медицины), стала Варвара Александровна Кашеварова-Руднева [37], проживавшая в г. Велиж (Витебская губерния в XIX в., ныне район Смоленской области). Она происходила из бедной еврейской семьи. Среди женщин-врачей нередко были выпускницы известных европейских университетов. К примеру, Иппа Раиса Владимировна окончила Женевские врачебные курсы (с 1888 года работала в Смоленском земстве) [38]. В городах губернии стали появляться повивальные бабки, а затем акушерки еврейского происхождения, которые, как правило, занимались частной практикой [39].

Одним из важных следствий либеральных реформ 1860–1870-х гг. стало расширение прав евреев относительно проживания и рода деятельности. Формулярные, служилые и кондуитные списки, сохранившиеся в Государственном архиве Смоленской области, свидетельствуют, что с начала 1880-х гг. евреи стали активно прибывать в Смоленскую губернию. Несмотря на то, что Смоленская губерния не входила в черту оседлости, к началу XX в. сформировалась весомая еврейская община. Повседневная жизнь евреев была тесно вплетена в жизнь региона. Род деятельности прибывавших евреев во многом был связан с указом 1879 г. Значительное число евреев являлось аптекарями, аптекарскими помощниками и учениками. Им удалось сформировать профессиональное сообщество. Благодаря этому число аптек в губернии существен-

ным образом увеличилось. Они выступали содержателями аптек. Молодое поколение евреев, прибывая из мест, входящих в черту оседлости, занимали позиции аптекарских учеников. С конца XIX в. женщины еврейского происхождения также стали активно проникать в фармацевтическую сферу. Среди врачей губернии становилось всё больше евреев, что также было связано с возможностью лицам, имевшим высшее медицинское образование, проживать вне черты оседлости. Врачи-евреи не имели ограничений по службе, но присутствовала некоторая дискриминация в части получения наград, званий и чинов. Это обуславливало их интерес к частной практике. Врачи-евреи способствовали развитию частной медицины в Смоленской губернии. Обнаруженный архивный материал позволяет выступить одним из источников, репрезентирующим повседневную жизнь еврейского населения в Российской империи, дополняя повседневную жизнь российских городов, позволяя выявить нюансы национальной политики государства. Кроме этого, сохранившиеся источники имеют значительную ценность для потенциальных генеалогических исследований.

Список литературы

1. Ганелин Р.Ш. Проблемы историографии евреев в России: 2-я половина XIX – 1-я половина XX вв. // Евреи в России. Историографические очерки. 2-я половина XIX в. – XX век. – М.-Иерусалим, 1994. – С. 18–246.
2. Кандель Ф. Очерки времен и событий. Из истории российских евреев. Ч. III (1882–1920 гг.). – М.: Слово, 1990. – 335 с.
3. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX–февраль 1917 г.). – Улан-Удэ, 2003. – 422 с.
4. Гительман Ц. Беспокойный век: Евреи России и Советского Союза с 1881 г. до наших дней. – М.: НЛО, 2008. – 391 с.
5. Левитац И. Еврейская община в России (1772–1917). – М.: Книжники, 2013. – 649 с.
6. Гавлин М. Еврейское предпринимательство в Москве в 60–90-е годы XIX в.: (По материалам гильдейского налогообложения) // Вестн. Еврейского ун-та. 1997. – № 3. – С. 11–26.
7. Иванов А. Еврейское студенчество в российской империи начала XX в.: каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. – М.: Новый хронограф, 2007. – 345 с.
8. Ермак Ю. Участие женщин иудеек в работе аптек на территории Гродненской губернии (конец XIX – начало XX в.): материалы XXIII Междунар. ежегод. Конф. по иудаике. – М.: Пробел-2000, 2017. – С. 390–406.
9. Дубнов С.М. Краткая история евреев. – М.: Юрайт, 2019. – 381 с.
10. Меламед Е.И. Архивная иудаика. – СПб.: Изд-во ПИИ, 2002. – 83 с.
11. Петровский-Штерн Й. Судьба средней линии // Неприкосновенный запас. – 2001. – № 4. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz> (дата обращения: 12.01.2020).
12. Левин В. Смоленщина: границы и пограничья // Евреи пограничья: Смоленщина. – М.: Пробел-2000, 2018. – С. 17–31.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 224. Д. 180; 296; 332; 449; 464.

14. Хики М. Демография еврейского населения Смоленской губернии, 1870-е – 1914 г. // Евреи пограничья: Смоленщина. – М.: Пробел-2000, 2018. – С. 131–135.
15. Орловский И. Краткая география Смоленской губернии. – Смоленск: Изд-во Смолен. губернского статист. комитета, 1907. – 179 с.
16. Смоленск в электронной еврейской энциклопедии. – URL: <https://old-smolensk.ru/?p=12740>
17. Государственный архив Смоленской области. Ф. 2. Оп. 86. Д. 509.
18. ГАСО. Ф. 754. Оп. 1. Д. 7.
19. Семенченко В.Ф. История фармации. – М.: ИКЦ «МарТ», 2003. – 640 с.
20. Сало В.М. История фармации в России. – М.: Литтерра, 2007. – 253 с
21. Коротева Н.Н. Становление и развитие фармацевтического образования в России в XVI–XX вв. // Учен. зап. Рос. гос. социального ун-та. – 2010. – № 2. – С. 161–166.
22. ГАСО. Ф. 2. Оп. 74. Д. 593.
23. ГАСО. Ф. 2. Оп. 78. Д. 238.
24. ГАСО. Ф. 2. Оп. 74. Д. 601.
25. ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 2. Д. 1473.
26. ГАСО. Ф. 2. Оп. 77. Д. 636.
27. ГАСО. Ф. 2. Оп. 78. Д. 231.
28. Объявление // Смолен. вестн. – 1897. – № 103.
29. Мицюк Н.А. Женщины российской провинции XIX – начала XX в.: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). – Смоленск: Свиток, 2013. – 416 с.
30. ГАСО. Ф. 453. Оп. 1. Д. 162. Л. 69 а.
31. ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 42. Д. 2513.
32. Памятная книжка Смоленской губернии на 1915 год. – Смоленск: Губерн. тип., 1915.
33. ГАСО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1904.
34. ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 199.
35. ГАСО. Ф. 2. Оп. 66. Д. 464.
36. Реклама // Смоленский вестник. – 1914. – № 159.
37. Дионесов С.М. В.А. Кашеварова-Руднева – первая русская женщина – доктор медицины. – М.: Наука, 1965. – 103 с.
38. Смоленское земство и здравоохранение. – Смоленск: Маджента, 2005. – 279 с.
39. Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л., Остапенко В.М. Зарождение профессионального родовспоможения в Смоленской губернии в XIX в. – начале XX в. // История медицины. – 2017. – № 4. – С. 420–436.

References

1. Ganelin R.Sh. *Problemy istoriografii evreev v Rossii: 2-aja polovina XIX–1-aja polovina XX vv.* [Problems of the historiography of Jews in Russia: 2nd half of the 19th – 1st half of the 20th centuries] // *Evrei v Rossii. Istoriograficheskie ocherki. 2-aja polovina XIX veka – XX vek.* [Jews in Russia. Historiographic essays. 2nd half of the XIX century – XX century]. – Moscow. Ierusalim, 1994. – P. 18–246.
2. Kandel' F. *Ocherki vremen i sobytij. Iz istorii rossijskih evreev.* Ch. III (1882–1920 gg.) [Essays of the times and events. From the history of Russian Jews. Part III (1882–1920)]. – М.: Slovo, 1990. – 335 p.
3. Kal'mina L.V. *Evrejskie obshhiny Vostochnoj Sibiri (seredina XIX–fevral' 1917 g.)* [Ewish communities of Eastern Siberia (mid-XIX–February 1917)]. – Ulan-Udje, 2003. – 422 p.

4. Gitel'man C. *Bespokojnyj vek: Evrei Rossii i Sovetskogo Sojuza s 1881 g. do nashih dnei* [Restless age: the Jews of Russia and the Soviet Union from 1881 to the present day]. – Moscow: NLO, 2008. – 391 p.
5. Levitac I. *Evrejskaja obshhina v Rossii (1772–1917)* [The Jewish community in Russia (1772–1917)]. – Moscow: Knizhniki, 2013. – 649 p.
6. Gavlin M. *Evrejskoe predprinimatel'stvo v Moskve v 60–90-e gody XIX v.: (Po materialam gil'dejskogo nalogooblozhenija)* [Jewish entrepreneurship in Moscow in the 60-90s of the XIX century: (based on the materials of the Guild tax)] // *Vestnik Evrejskogo universiteta* [Bulletin of the Hebrew University]. – 1997. – № 3. – P. 11–26.
7. Ivanov A. *Evrejskoe studenchestvo v rossijskoj imperii nachala XX v.: kakim ono bylo? Opyt sociokul'turnogo portretirovanija* [Jewish students in the Russian Empire of the early twentieth century. Experience of socio-cultural portraiture]. – Moscow: Novyj hronograf, 2007. – 345 p.
8. Ermak Ju. *Uchastie zhenshin iudeek v rabote aptek na territorii Grodnojskoj gubernii (konec XIX – nachalo XX v.)* [Participation of Jewish women in the work of pharmacies in the Grodno province (late XIX – early XX century)] // *Materialy XXIII Mezhdunarodnoj ezhegodnoj konferencii po iudaike*. [Proceedings of the XXIII international annual conference on Judaism]. – Moscow: Probel-2000, 2017. – P. 390–406.
9. Dubnov S.M. *Kratkaja istorija evreev* [A brief history of the Jews]. – Moscow: Jurajt, 2019. – 381 p.
10. Melamed E. I. *Arhivnaja iudaika* [Archival Judaica]. – SPb.: Izd-vo PII, 2002. – 83 p.
11. Petrovskij-Shtern J. *Sud'ba srednej linii* [The fate of the middle line]. *Neprikosnovennyj zapas* [The untouchable reserve]. – 2001. – № 4. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz> (data obrashhenija: 12.01.2020).
12. Levin V. *Smolenshhina: granicy i pogranych'ja* [Smolensk region: borders and borderlands] // *Evrei pogranych'ja: Smolenshhina* [Jews of the frontier: Smolensk region]. – Moscow: Probel-2000, 2018. – P. 17–31.
13. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA)*. F. 1284. Op. 224. D. 180; 296; 332; 449; 464.
14. Hikey M. *Demografija evrejskogo naselenija Smolenskoj gubernii, 1870-e – 1914 g.* [Demography of the Jewish population of the Smolensk province, 1870s – 1914] // *Evrei pogranych'ja: Smolenshhina* [Jews of the frontier: Smolensk region]. – Moscow: Probel-2000, 2018. – P. 131–135.
15. Orlovskij I. *Kratkaja geografija Smolenskoj gubernii* [Brief geography of the Smolensk province]. – Smolensk: Izdatel'stvo Smolenskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta. 1907. – 179 p.
16. *Smolensk v jelektronnoj evrejskoj jenciklopedii*. – URL: <https://old-smolensk.ru/?p=12740>
17. *Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti*. F. 2. Op. 86. D. 509.
18. GASO. F. 754. Op. 1. D. 7.
19. Semenchenko V.F. *Istorija farmacii* [The history of pharmacy]. – Moscow: IKC «MarT». 2003. – 640 p.
20. Salo V.M. *Istorija farmacii v Rossii* [The history of pharmacy in Russia]. – Moscow: Litterra, 2007. – 253 p.
21. Koroteva N.N. *Stanovlenie i razvitie farmacevticheskogo obrazovanija v Rossii v XVI–XX vv.* [The formation and development of pharmaceutical education in Russia in the XVI–XX centuries] // *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta*. [Scientific notes of the Russian state social University]. – 2010. – № 2. – P. 161–166.

22. GASO. F. 2. Op. 74. D. 593.
23. GASO. F. 2. Op. 78. D. 238.
24. GASO. F. 2. Op. 74. D. 601.
25. GASO. F. R-132. Op. 2. D. 1473.
26. GASO. F. 2. Op. 77. D. 636.
27. GASO. F. 2. Op. 78. D. 231.
28. *Objavlenie* [Announcement] // *Smolenskij vestnik* [Smolensk Bulletin]. – 1897. – № 103.
29. Mitsyuk N.A. *Zhenshhiny rossijskoj provincii XIX–nachala XX v.: vospitanie, obrazovanie, sociokul'turnoe prostranstvo i povsednevnaia zhizn' (na materialah Smolenskoj gubernii)* [Women of the Russian province of the 19th – early 20th centuries: upbringing, education, socio-cultural space and everyday life (based on materials from the Smolensk province)]. – Smolensk: Svitok. 2013. – 416 p.
30. GASO. F. 453. Op. 1. D. 162. L. 69a.
31. GASO. F. R-132. Op. 42. D. 2513.
32. *Pamjatnaja knizhka Smolenskoj gubernii na 1915 god* [The memorial book of the Smolensk province for 1915]. – Smolensk: Gubernskaja tipografija, 1915.
33. GASO. F. 2. Op. 2. D. 1904.
34. GASO. F. 47. Op. 1. D. 199.
35. GASO. F. 2. Op. 66. D. 464.
36. *Reklama* [Advertising] // *Smolenskij vestnik* [Smolensk Bulletin]. – 1914. – № 159.
37. Dionesov S.M. V.A. *Kashevarova-Rudneva – pervaja russkaja zhenshhina – doktor mediciny* [Kashevarova-Rudneva – the first Russian woman - a doctor of medicine]. – Moscow: Nauka, 1965. – 103 p.
38. *Smolenskoe zemstvo i zdravoohranenie* [Smolensk zemstvo and health care]. – Smolensk: Madzhenta, 2005. – 279 p.
39. Mitsyuk N.A., Pushkareva N.L., Ostapenko V.M. *Zarozhdenie professional'nogo rodovspomozhenija v Smolenskoj gubernii v XIX v. – nachale XX v.* [The emergence of professional obstetric aid in Smolensk province in the 19th – early 20th century] // *Istorija mediciny* [History of medicine]. – 2017. – № 4. – P. 420–436.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(574)«1941/1955»:325.254.2(=112.2)

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени

О.А. Лиценбергер, А.С. Мусагалиева

«Навечно, без права возврата их к прежним местам жительства...»: повседневная жизнь российских немцев-спецпоселенцев в 1941–1955 гг. (на примере колхоза Кызыл-Когам Казахской ССР)

В статье на основании архивных материалов Казахстана, а также источников личного происхождения, рассматриваются аспекты повседневной жизни немцев-спецпоселенцев после депортации в 1941 г. до снятия режима спецпоселения в 1955 г. на примере одного из колхозов Северо-Казахстанской области. В работе изучаются особенности регламентации повседневности российских немцев, подвергшихся принудительному выселению из Поволжья, и аспекты ограничения их прав как «спецконтингента». Особое внимание уделено условиям расселения и проживания спецпоселенцев, проблеме их обеспечения продовольствием, мобилизации в трудовую армию, а также повседневной трудовой деятельности в колхозе после возвращения из трудовой армии. В качестве источников повседневности авторами изучен большой массив материалов Государственного архива Акмолинской области и Государственного архива г. Кокчетав, в том числе документы администрации на местах спецпоселения: от решений и постановлений комитетов ВКП (б) до протоколов колхозных собраний и ведомостей о начислении трудовых, а также отчетов исполнительных комитетов, фактически выполнявших указания партийных органов, принимавших изначальные решения о хозяйственном и трудовом устройстве переселенцев.

Ключевые слова: Российские немцы, спецпоселение, депортация, трудовая армия, повседневная жизнь.

O.A. Licenberger, A.S. Musagaliyeva

"Forever, without the right to return them to their former places of residence ...": the daily life of Russian Germans-settlers in 1941–1955 (on the example of the collective farm Kyzyl-Kogam of the Kazakh SSR)

The article, based on the archival materials of Kazakhstan and sources of personal origin, analyzes the aspects of everyday life of Germans – special settlers after deportation in 1941 until the removal of a special settlement mode in 1955 on the example of one of collective farms of the North Kazakhstan area. The work

studies the peculiarities of regulation of everyday life of Russian Germans, who were forcibly evicted from the Volga region, and aspects of restricting their rights as "special-contingent". Special attention is paid to the conditions of resettlement and residence of special settlers, the problem of their food supply, their mobilization to the labor market, as well as their daily work in the collective farm after their return from the labor market. As sources of daily life, the authors have studied a large array of materials from the State Archive of Akmola region and the State Archive of Kokchetav, including documents of the administration at the special settlement sites: from decisions and resolutions of the committees of the All-Union Communist Party of Bolsheviks to the protocols of the collective farm meetings and reports on the calculation of days of labor, as well as reports of the executive committees, which actually followed the instructions of the party bodies that made the original decisions on the economic and labor arrangement of settlers.

Key words: Russian Germans, special settlement, deportation, forced labor, daily life.

Изучение «малых жизненных миров» рядовых граждан приобретает все большую актуальность и расширяет предметное поле исторических исследований. История повседневности дает исследователю возможность максимально приблизиться к индивидууму или группе, которую он изучает. В качестве такой группы исследования нами были выбраны немецкие спецпереселенцы, депортированные в Казахстан в 1941 г. и размещенные в дома местных казахских жителей одного из тысяч колхозов Кокчетавского района Северо-Казахстанской области.

На примере колхоза Кызыл-Когам Казотинского сельсовета Кокчетавского района авторами статьи изучается спецпоселение как часть политической истории бывшего СССР, которое предопределило судьбы миллионов граждан советской страны, в том числе депортированных российских немцев. К началу 1942 г. на спецпоселении находилось 1 031 300 немцев, половина из которых была размещена в Казахстане, остальные в Сибири [1, с. 58]. Проживавшие до депортации 1941 г. в АССР немцев Поволжья спецпоселенцы оказались рассеяны по обширным просторам Казахстана.

Из общего количества 125 тыс. немцев, депортированных в Казахстан, в рассматриваемой нами Северо-Казахстанской области было размещено 25 тыс. чел. [2, л. 1–2]. Сразу после прибытия «спецконтингента» в лице российских немцев перед местными органами со всей остротой встали вопросы хозяйственного устройства спецпоселенцев, создания повседневной жилищной, бытовой, социальной инфраструктуры. Реализация этой задачи натолкнулась на целый ряд серьезных проблем: от отсутствия необходимых ресурсов до конфликтов с местным населением, в дома которых были принудительно подселены спецпоселенцы и в общественном созна-

нии которых силами властей формировался образ «врагов-фашистов».

В колхоз Кызыл-Когам было поселено 34 немецкие семьи (всего 140 чел., из них 34 мужчины, 38 женщин и 68 детей). К январю 1942 г. только шесть многодетных семей были расселены в отдельные дома, остальные 28 семей были размещены «в уплотнение» к местным колхозникам-казахам. Постройка домов для спецпереселенцев не была организована в течение длительного времени. За неимением стройматериалов в 1941–1942 гг. сельсовет планировал построить в колхозе для 28 семей всего четыре новых дома [3, л. 73]. Согласно архивным данным, некоторые колхозники проживали в домах абсолютно не пригодных для жилья, где не имелось окон и были сломаны двери [4]. Видя в спецпереселенцах временно поселенных и враждебных существующему строю, колхозное руководство, не имевшее ни финансов, ни необходимых ресурсов, категорически не желало вкладывать средства в их благоустройство.

Следующей острой проблемой после размещения депортированных с первых же дней прибытия стало их обеспечение продовольствием [5]. Согласно дошедшим до нас устным источникам, спецпереселенцы были вынуждены менять минимум привезенных с собой вещей на необходимые продукты или наниматься на работу к местным жителям. Намного позже работающим стали выдавать по 200–400 г хлеба в день. В первые месяцы после депортации немцы практически оказались брошенными на произвол судьбы, и если большая часть их выжила, то в первую очередь, благодаря собственному труду или помощи местных жителей [6]. Органы власти на местах в силу хаотичности и неорганизованности процесса расселения ничего не могли сделать для обеспечения голодающих людей продовольствием.

Архивные документы, на первый взгляд, свидетельствуют о принятии государством необходимых мер для устройства быта спецпереселенцев. Но действительность была совершенно иной. Так, 1 октября 1941 г. заместитель уполномоченного Управления по эвакуации при СНК КазССР М. Яковлев получил письмо от врио управляющего Казконторой Сельхозбанка Кабицкого о возможности кредитования немцев по указанию Сельхозбанка СССР. Согласно сообщению, за принятое в Поволжье от колхозника имущество (дом, надворные постройки, скот) ему должен был выдаваться акт с указанием общей стоимости имущества по оценке, произведенной специальной комиссией. Указанная в акте сумма подлежала возмещению путем предоставления в Казахстане жилья или строительных материалов, с выплатой Сельхозбанком разницы в стоимости между сданным и полученным имуществом. Семьям спецпоселенцев, которые не получили в Казахстане собственные до-

ма, должен был выдаваться кредит на постройку домов или ремонт домов, по линии Сельхозбанка в размере до 2 тыс. р., сроком на 5 лет, под 3 % годовых с погашением полученного кредита начиная со второго года после его получения [7].

В 1942 г. во всех колхозах Кокчетавского района был составлен список немцев-спецпоселенцев с указанием стоимости их имущества, оставленного в Поволжье. Немцы надеялись и верили, что государство примет меры для возвращения стоимости их хозяйств [2]. Однако анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что у многих колхозников отсутствовала необходимая информация о стоимости недвижимости или имущества. Очевидно, часть квитанций были утрачены в дороге или не выдавались изначально.

Несмотря на составленные списки, действительность очень скоро развеяла иллюзии о «благих намерениях» государства. Местные органы власти сами не имели необходимых ресурсов для возмещения стоимости имущества. Решения на местах не выполнялись полностью или просто игнорировались местными властями. Так, в письме Инспектору по хозяйственному устройству эвакуонаселения по Кокчетавскому району от начальника отдела хозяйственного устройства эвакуонаселения указывалось: «Выдача скота переселенцам-немцам, согласно указанию Наркомата мясомолочной промышленности СССР от 23 сентября 1941 г. производится органами "Заготскот" только при условии предъявления именных квитанций о сдаче скота в Заготскот в местах выхода переселенцев. Документы других организаций о сдаче скота, например, квитанции совхозов, акты колхозов, списки сельсоветов и т. д., подтверждающие сдачу скота, не могут служить основанием к возврату скота. Согласно распоряжения Совнаркома КазССР от 6 января 1942 г. выдачу скота немцам-переселенцам по обменным квитанциям впредь до особого распоряжения разрешено производить не свыше одной головы крупного рогатого и двух-трех мелкого на одно хозяйство» [3, л. 295].

С учетом данного постановления большинству немцев не могла быть возмещена стоимость сданного в Поволжье скота. Так, например, по состоянию на апрель 1942 г. ни одна немецкая семья в колхозе не имела корову или теленка. Сопоставление данных депортированных приводит к выводу о том, что многие немцы не имели необходимых именных квитанций. Очевидно, многие депортированные не смогли оформить документы в органах Заготскота надлежащим образом, получив вместо этого акты в колхозах, что не допускалось согласно официальным инструкциям. В отличие от современного периода нормативные акты органов советской администрации не требовали обязательной публикации и не были известны не только гражданам, но и большинству государственных служащих [8].

На протяжении всего периода спецпоселения не менее остро, чем размещение и обеспечение продовольствием стояла проблема трудоустройства спецпоселенцев. В 1942 г. значительная часть немцев-спецпереселенцев была подвергнута «трудовой мобилизации», ставшей попыткой властей решить вопрос трудоустройства депортированных немцев. Формирование из немцев-спецпоселенцев так называемой «трудовой армии» и направление их в места весьма удаленные от их семей на спецпоселении регулировалось Постановлением ГКО СССР № 1123сс от 10 января 1942 г., которое обязывало НКО мобилизовать для работы на лесозаготовках, промышленном и железнодорожном строительстве 120 тыс. немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, в том числе из числа выселенных в Казахскую ССР. Постановлением ГКО № 2383сс от 7 октября 1942 г. мобилизация была распространена на немцев в возрасте от 15 до 16 и от 51 до 55 лет.

В октябре 1942 г. всем председателям сел и аулсоветов и председателям колхозов Кокчетавского района было направлено письмо следующего содержания: «Произвести полный расчет за выполненные трудовые дни в колхозе, всем призванным и подлежащим отправке немцам... При отправке их на работу обеспечить из средств колхоза хлебом из расчета 800 гр. в день и другими продуктами на 10 дней, за наличный расчет. У тех немцев, из числа призванных и подлежащих отправке на работы, у которых остаются без родных дети и они не имеют кому из числа своих родственников или знакомых передать детей на содержание и присмотр, принять детей на полное содержание колхоза» [9]. Постановление ГКО мобилизовывало всех женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет (кроме беременных и имеющих детей в возрасте до 3 лет). Дети, оставшиеся без родителей, должны были передаваться на попечение колхозам. Однако колхозы, оставшиеся в военное время без мужчин и находившиеся под тяжестью непосильных норм сдачи продовольствия, не имели ни ресурсов, ни возможностей опекать детей спецпоселенцев, которые со временем превращались в беспризорников или отправлялись в детские дома. На начало 1946 г. в восьми детских домах Кокчетавской области находилось 1 203 ребенка, у большинства из которых в графе «сведения о родителях» было указано «в трудармии» [10].

Проведение в 1942 г. мобилизации трудоспособного немецкого населения привело к тому, что в колхозе остались лишь старики, инвалиды, женщины, имевшие детей в возрасте до 3-х лет и дети до 16-летнего возраста. Они оказались в тяжелейшем материальном положении, не имели ни своего жилья, на работы, ни помощи от государства. По состоянию на 1 апреля 1942 г. количество трудоспособных немцев, проживавших в колхозе Кызыл-Когам снизилось по сравнению с 1 января 1942 г. почти в два раза: с 53 до 29 чел. [2, л. 7].

К началу 1944 г. в «рабочих колоннах» НКВД числились около 222 000 немцев-«тудармейцев», из них 101 000 «использовались» на стройках и в других подразделениях НКВД, а остальные – на предприятиях и организациях других наркоматов [11]. До конца 1945 – середины 1946 гг. «трудмобилизованные» находились в «специальных зонах», которые являлись структурными подразделениями ГУЛАГа НКВД. Нечеловеческие условия работы и быта приводили к побегам из тудармии и возвращениям к семьям в места спецпоселений. 27 ноября 1942 г. Председатель исполкома Кокчетавского облсовета В. Грузинцев направил письмо всем председателям исполкомов райсоветов: «За последнее время участились случаи самовольного возвращения мобилизованных граждан на работу в промышленность обратно в колхозы и села. Мер как с Вашей стороны, так и сельсоветов к быстрейшему возвращению обратно на работу, а также привлечению к уголовной ответственности, согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР не принимается, тем самым Вы дезорганизуете работу предприятий, срываете выполнение заказов для фронта, ослабляете дисциплину среди мобилизованных рабочих. Предлагаю следующее: проверить в районе всех возвратившихся и направить обратно к месту работы, злостных предать суду как за самовольный уход. Обязать председателей сельаулсоветов самовольно возвратившихся мобилизованных граждан немедленно возвращать обратно и усилить контроль сельсовету за этими гражданами, не допуская их пребывания дома» [12]. Однако многие спецпереселенцы являлись квалифицированными слесарями, токарями, машинистами, их знания и умения были крайне необходимы колхозам. 1 августа 1944 г. Председателю Кокчетавского райсовета Черноокову поступила телеграмма от секретаря облисполкома Акашева: «Предлагаем... выявленных дезертиров передавать органам прокуратуры для привлечения к ответственности. Запретить прием на работу учреждениям и предприятиям, председателям колхозов привлекая к строгой ответственности виновных» [13].

Случаи побегов тудармейцев и возвращения их в села Кокчетавского района упоминаются в рассказах современников, по словам которых из-за нехватки рабочих рук в колхозах их председатели намеренно шли на укрывательство беглых трудоспособных мужчин или оказывали помощь по их скорейшей мобилизации. Так произошло и в с. Кызыл-Когам, когда будущий бригадир колхоза Филипп Лиценбергер, единственный в селе кузнец и столяр, смог остаться с семьей в сентябре 1943 г. и не был возвращен обратно в ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой благодаря личной помощи председателя колхоза – казаха по национальности. Дети бежавшего из тудармии упоминали, что он купил свою свободу за обещание председателю стать бригадиром колхоза и полностью перенять на себя работу в колхозной кузнице [14].

Однако единичные случаи возвращения трудармейцев к своим семьям не могли исправить сложную ситуацию в спецпоселениях. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР № 35 «О правовом положении спецпоселенцев» от 8 января 1945 г. предписывало: «Все трудоспособные спецпереселенцы обязаны заниматься общественно-полезным трудом. В этих целях местные Советы депутатов трудящихся по согласованию с органами НКВД организуют трудовое устройство спецпереселенцев в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках, хозяйственно-кооперативных организациях и учреждениях». По состоянию на 1 апреля 1945 г. на территории Казахской ССР находилось 846 065 чел. немцев-спецпоселенцев [1].

В марте 1946 г. Совнарком СССР дал указание наркоматам, где функционировали трудармейские подразделения, расформировать рабочие отряды и колонны из мобилизованных советских немцев, что, по сути, означало конец «Трудовой армии». После расформирования трудармии в 1947 г., выжившим немцам разрешалось вернуться в места депортации, где находились их семьи. Все бывшие трудармейцы получали статус спецпоселенцев. Однако, финансирование неотложных нужд немцев-спецпоселенцев по-прежнему не осуществлялось, фактически и после возвращения из трудармии они были брошены на произвол судьбы [15]. По оценкам современных исследователей, власти Казахстана не предпринимали никаких специальных мер по отношению к немцам, находившимся на спецпоселении [16].

Положение спецпоселенцев и их семей усугублялось их тяжелым экономическим состоянием. Так, например, еще 29 апреля 1945 г. начальник УНКВД по Кокчетавской области С. Ситдыков отправил спецсообщение Председателю Кокчетавского облисполкома Е. Ергебекову о сложном материальном положении спецпереселенцев, расселенных на территории Кокчетавского района. Согласно спецсообщению, спецпереселенцы немцы использовали для употребления в пищу трупы павших лошадей. Начальник УНКВД указывал, что правления этих колхозов не уделяют должного внимания спецпереселенцам, не оказывают им никакой помощи: «в шести колхозах насчитывается 56 человек сильно истощенных и больных дистрофией, раздетых спецпереселенцев, которым требуется немедленная помощь» [17].

Ситуация не менялась и после возвращения трудармейцев к своим семьям. 6 февраля 1947 г. тот же Ситдыков направил Председателю Кокчетавского областного исполнительного комитета очередное спецсообщение о фактах продзатруднений среди немцев-спецпоселенцев. «В дополнение к ранее направленным спецзапискам сообщаю, что в колхозах, где ощущаются острые продовольственные затруднения, выявлены опухшие от голода

спецпереселенцы. В Арык-Балыкском, Кокчетавском и Рузаевском районах имеются случаи опухания. Еще раз прошу Вашего распоряжения о немедленном восстановлении двадцати тонн зерна, использованного не по назначению из фонда, отпущенного государством для остро нуждающихся спецпереселенцев, что предоставит возможность разрешить создавшееся затруднение» [18, л. 17]. Следующие спецсообщение «О фактах заболеваний дистрофией и смертности на почве продовольственного затруднения среди спецпереселенцев, расселенных на территории Кокчетавского района» было подготовлено 25 февраля того же года заместителем председателя Кокчетавского облисполкома Алиевым, который писал председателю райсовета: «Как видно из поступающих сигналов, продовольственные затруднения среди части населения, особенно среди спецпереселенцев к настоящему времени серьезно обострились» [18, л. 19]. Данные документы с грифом «для внутреннего пользования» подтверждают тот факт, что одной из первоочередных являлась проблема продовольственного обеспечения спецпереселенцев продуктами питания, а местные органы власти вопросами обеспечения спецпоселенцев продовольствием практически не занимались.

Так, 17 декабря 1949 г. начальник УМВД по Кокчетавской области Битеряков в спецзаписке на имя секретаря Кокчетавского обкома КП (б)К Урашеву указывал: «Проверкой состояния материального и продовольственного положения выселенцев-спецпоселенцев, а также местного населения расселенных на территории Красноармейского и Кокчетавского районов установлено, что в последнее время создалось критическое положение с продовольственным обеспечением. На территории Кокчетавского района на сегодняшний день насчитывается 157 семей или 735 чел., буквально не имеющих продуктов питания, а также средств для приобретения таковых. В основном остро нуждающиеся проживают в следующих колхозах Кокчетавского района: Кызыл-Когам, Новая жизнь, им. Буденного, Карла-Куль и др. Колхозы, указанных районов, не имеют в наличии продуктов питания для оказания продовольственной помощи и средств для приобретения продуктов. В силу указанных обстоятельств, среди населения вышеперечисленных районов, усилились высказывания отрицательных настроений, при этом отдельные спецпоселенцы заявляют: «чтобы не умереть и спасти себя от голода надо искать выход, хотя бы в местах заключения, где нас будут кормить» [19]. УМВД по Кокчетавской области просил Обком принять срочные меры по оказанию продовольственной помощи остро нуждающимся, выделив продовольственные или денежные ссуды.

Тяжелые условия жизни привели к тому, что уровень смертности немцев в эти годы почти в два раза превышал уровень рождае-

мости. Согласно опубликованным данным, только в Казахстане с апреля 1944 г. по июль 1949 г. умерло около 8 % от всех проживавших там немцев (19,5 тыс. чел.): с 1 января 1942 г. по 1 октября 1948 г. родилось 25,8 тыс., а умерло 45,3 тыс. немцев. Основной причиной высокого уровня смертности стали тяжёлые материальные и жилищные условия, голод, а также эпидемия тифа в 1944 г. Данные цифры коррелируются с данными по колхозу Кызыл-Когам, где к 1949 г. из 53 прибывших сюда трудоспособных немцев в живых осталось только 23 чел. Несколько мужчин колхоза погибли в трудармии.

Протоколы собрания колхоза Кызыл-Когам также свидетельствует о целом ряде продовольственных трудностей, с которыми пришлось столкнуться колхозу. Так, в 1948 г. от 7 колхозных куриц не было получено ни одного яйца; молоко, положенные каждому колхознику, не додали, значительная часть скота погибла зимой от отсутствия корма, план по сенокосению не был выполнен из-за нехватки сенокосильных машин и сельхозтехники, возмущение колхозников, согласно протоколу собрания вызвал тот факт, что сноха заведующего фермы продала колхозное масло на базаре в г. Кокчетаве, не выдав его колхозникам [20, л. 61].

Анализ протоколов общих собраний колхоза (написанных на казахском языке) позволяет сделать вывод, что немцы-спецпереселенцы регулярно принимали участие в колхозных собраниях, однако, они не входили в правление колхоза, не участвовали в прениях, не проявляли высокой активности и практически не выступали с предложениями. Согласно протоколам собраний, немцы крайне редко публично высказывали свое недовольство. Например, на одном из колхозных собраний вопрос о том, что в полевых работах участвуют только женщины-немки, а казахские женщины не работают вообще, поднял колхозник-казах, а не немец [20, л. 60]. Основной причиной низкой активности спецпоселенцев являлся не только их специальный статус, но и тот факт, что все собрания проводились на казахском языке и вся документация велась также на казахском. Лишь в 1949 г. колхозам области было рекомендовано перевести делопроизводство на русский язык, что, однако, сразу не произошло.

Как и по всей стране, заработная плата членам колхоза Кызыл-Когам не начислялась. Вплоть до 1966 г. формой учёта количества и качества труда советских колхозников являлся трудодень. После выполнения обязательств перед государством доход каждого колхозника поступал в распоряжение всего коллективного хозяйства, после чего отдельный колхозник получал долю общего дохода соответственно выработанным им трудодням. Приведенные далее данные являются результатом обработки архивных данных

ежемесячных и годовых отчетов колхоза Кызыл-Когам. Несомненно, в отчетах колхозов допускались неточности и искажения отдельных показателей, в связи с чем, данные годовых отчетов не могут рассматриваться как абсолютно точные. Однако они дают представление о трудовом участии колхозников в общественном производстве и распределении доходов. В 1946 г. доходы членов колхоза Кызыл-Когам за трудодень составляли 380 граммов пшеницы. В то время колхоз Кызыл-Когам относился к числу тех тысяч коллективных хозяйств в СССР, которые не распределяли по трудодням ни денежные средства, ни картофель, ни иную продукцию. В 1948 г. ситуация изменилась и кроме пшеницы колхозники получили оплату в денежном и ином выражении: 410 г пшеницы, 21 копейку и 4 г шерсти в день [20, л. 61]. Из всех советских областей и республик в этот период распределение выдачи на один трудодень деньгами составляло от 7 к. в европейской части России до 10 р. в Туркменской и Таджикской ССР, где выращивались ценные технические культуры – хлопчатник, чай, виноград. Казахская ССР не отличалась высокими доходами колхозников, и десятки тысяч колхозов, как и Кызыл-Когам выделяли колхозникам минимум зерна и денег за трудодни, а также производили минимальные отчисления на пополнение недельного фонда колхозов.

Постановление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах» от 19 апреля 1948 г. рекомендовало колхозам распределять доходы по бригадам и по звеньям, так, с тем чтобы увеличить оплату передовых бригад. По итогам 1950 г. в колхозе имелось три бригады, имевших абсолютно разные показатели производительности труда. Так, бригада Ф.Я. Лиценбергера в марте 1950 г. показала наивысшие результаты – 54 трудодня, бригадира К.А. Книса – 46 трудодней, «Степная бригада», в которой работало 14 немцев-колхозников, в основном женщины (Н. и М. Герт, С. Книс, П. и Ф. Лиценбергер, Ф. и С. Окс, С. Пац, И. и П. Шнайдер, Н. Шлегель, Э. и С. Шиопер, Л. Шпатер) – 36 трудодней. Исходя из архивных данных, часть трудоспособных колхозников не вырабатывала установленного минимума трудодней. Проведенный нами опрос современников тех событий, совпадающий с архивными данными, показал, что среди колхозников, показавших наименьшие результаты, преобладали женщины, имевшие малолетних детей. В целом, число трудоспособных колхозников-мужчин, не выработавших установленного минимума трудодней, было в несколько раз меньше, чем женщин. Райком Кокчетавского района в письме председателю колхоза Кызыл-Когам указывал: «На основании указания Облсельхозуправления от 26 января 1950 г. в целях реализации приказа Министерства сельского хозяйства КазССР от 2 ноября 1949 г. и от

29 декабря 1949 г. для налаживания планирования производства, упорядочения организаций, улучшения оплаты труда в колхозах, в целях полного участия в труде трудоспособных колхозников, в колхозном производстве Кокчетавский Райсельхозотдел обязывает Вас лично в 1950 г. открыть в своем колхозе детские учреждения с охватом детей школьного возраста, из них детяслей – 1, с охватом 10 детей, с таким расчетом чтобы все трудоспособные женщины участвовали в производстве и выработали установленный обязательный минимум трудодней» [21].

Простые арифметические расчеты доказывают, что получаемой в денежном выражении выплаты за трудодни не хватало на элементарные продукты питания. Например, совместный доход семьи Филиппа и Елизаветы Лиценбергер, имевшей троих детей, в 1950 г., в денежном выражении составил 672 р. 77 к., что являлось эквивалентом 70 десятков яиц или 75 килограммов сахара в год. Данной суммы годового дохода не хватило бы даже на покупку одного женского пальто (стоимость которого составляла около 700 р.), но хватило бы на четыре пары обуви (средней стоимостью около 150 р. за пару) или на покупку 40 кг говядины в год. Для сравнения доходы колхозников в целом по стране по данным на 1950 г. составляли 268 трудодней. Некоторые исследователи отмечают, что «заработок спецпоселенцев в трудоднях был в три раза ниже коренного населения» [6].

Согласно дошедшим до нас устным источникам, спецпереселенцы могли получать меньше других, однако сравнительный анализ официальных документов не позволяет сделать такого общего вывода по всем спецпоселенцам. Согласно статистическим данным, в среднем по СССР в 1950 г. каждый колхозник получал ежегодно 402 кг зерна и 156,8 кг картофеля, а также 399,32 р. в год [22], что в принципе совпадает с данными по начислению трудодней немцам рассматриваемого колхоза. Однако архивные данные подтверждают тот факт, что в эти годы колхоз Кызыл-Когам входил в число наиболее отстающих колхозов района, а доходы колхоза в денежном выражении ухудшались с каждым годом: 1946 г. – 67 186 р., 1947 г. – 52 698 р., 1948 г. – 32 812 р., 1948 г. – 32 816 р., 1949 г. – 31 832 р. [23]. Колхозы пытались выправить ситуацию и даже выплачивали премии передовым колхозникам из числа немцев наравне с колхозниками-казахами: 6 октября 1947 г. премию получили Филипп Лиценбергер – 3 кг шерсти, Эмма Паленгер и Эмма Кох по 2,5 кг, Сандр Пац и Эльвира Отт – по 2 кг, а также денежные премии – Андрей Керт, Фрида Отт и Сусанна Кинс – по 100 р. Однако в целом, в отличие от коренного населения, которое жило за счет собственного натурального хозяйства и имело приусадебные участки, спецпоселенцы владели жалкое существование. Лишь постановлением ЦК

КПСС и Совета Министров СССР от 18 мая 1966 г. «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства» вместо трудодней вводилась гарантированная оплата труда.

Экономическое состояние колхоза и благосостояние колхозников долгие годы оставалось без изменений. Протоколы колхозных собраний свидетельствуют, что в 1949 г. колхоз понес значительные убытки, большую часть скота спасти не удалось из-за нехватки сена, колхозники не выполняли план сдачи молока государству, а для собственных нужд могли использовать лишь обрат – продукт, получаемый в результате отделения сливок из цельного молока в процессе сепарирования.

На одном из общих собраний в марте 1949 г. на повестку дня был поставлен вопрос о хозяйственно-экономическом состоянии колхоза Кызыл-Когам с 1940 по 1949 гг. Отчетный доклад председателя колхоза указал на существенные недостатки в организации колхозной деятельности. Так, ежегодно не выполнялся план по сбору урожая пшеницы, по животноводству и сдаче государству молока, не соблюдались сроки весеннего посева, не производилось снегозадержание; скот погибал из-за нехватки сена и отсутствия приспособленных для содержания скота помещений; в колхозе не было детских ясель, и женщины не имели возможности участвовать в работе колхоза; колхоз не имел самой необходимой сельхозхозяйственной техники и оборудования, а колхозники в малом объеме получали трудодни [20]. По состоянию на 1949 г. колхозники также не смогли выполнить план развития животноводства. В этом году в колхозе вообще не имелось свиней, птицы и кроликов. Вместо запланированных 328 голов крупного рогатого скота в колхозе насчитывалось лишь 277, состояние 107 из которых оценивалось как «ниже среднего» [24]. Только по состоянию на 1 января 1950 г. в колхозе пало 62 головы крупного рогатого скота и 94 овцы.

В 1950 г. колхоз Кызыл-Когам был обязан сдать по государственным заготовительным ценам: молока – 29 382 л, сыра-брынзы – 294 кг, шерсти – 1 959 кг, шкур мелкого рогатого скота – 147 шт., шкур свиней весом не менее четырех кг, каждая – 18 шт. и 202 центнера сена (не считая сельскохозхозяйственных культур, мяса и шкур крупного рогатого скота). Бригада немца-тракториста Андрея Шнайдера, в которой работали два немца и три казаха не имела необходимых запасных частей для ремонта тракторов и необходимой сельскохозхозяйственной техники [25]. Однако не взирая на все сложности, уполномоченный Министерства Заготовок СССР по Кокчетавскому району Носов в случае несоблюдения плана поставок пригрозил судом членам колхоза [26]. Как такой план могли выпол-

нить за год всего 65 трудоспособных мужчин и женщин (48 казахов и 17 немцев, составлявших 43 семьи) остается только догадываться.

26 сентября 1949 г. в правление колхоза Кызыл-Когам поступило заявление от немца Филиппа Яковлевича Лиценбергера: «Прошу правление о том, чтобы перевести корову, которая находится у меня, на мою собственность – одного теленка я отдаю колхозу в этом году, и так как я не в состоянии в этом году дать колхозу двух телят, то я в этом прошу правление колхоза дать мне отсрочку на одного теленка на будущий год. Прошу правление колхоза мою просьбу удовлетворить» [20, л. 19]. Однако данное заявление так и не было удовлетворено, как и сотни других подобных ходатайств: спецпоселенка Анна Герингер обратилась в колхоз с просьбой об оказании помощи двоим из ее семерых детей, которые не посещали школу из-за отсутствия одежды и обуви, а руководство колхоза не оказывало им никакой помощи; семьи Гроссман и Лионер жаловались, что не имели теплой обуви и одежды, жили в не приспособленных для проживания домах, а причитающееся им за трудодни сено председатель колхоза не выдал [4].

31 октября 1951 г. Совет Министров Казахской ССР принял постановление «О фактах нарушения демократических основ управления делами сельскохозяйственной артели, и формально-бюрократического отношения к жалобам колхозников в некоторых колхозах Казахской ССР». Однако ситуация не менялась годами. И если колхозники-казахи, согласно архивным данным, выходили из состава колхоза и переезжали к родственникам в более зажиточные колхозы, то у немцев такой возможности не было, так как они являлись спецпереселенцами.

Правовое положение спецпоселенцев-немцев формировалось поэтапно и регулировалось специальными секретными нормативно-правовыми актами. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР № 35 «О правовом положении спецпоселенцев» от 8 января 1945 г. предписывало: «Спецпереселенцы не имеют права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого спецкомендатурой. Самовольная отлучка за пределы района расселения, обслуживаемого спецкомендатурой, рассматривается как побег и влечёт за собой ответственность в уголовном порядке» [27]. Немцы колхоза Кызыл-Когам находились на учете в Кусепской спецкомендатуре и не имели права покидать место поселения, даже, например, для поиска работы или выезда в Кокчетав, расстояние до которого не превышало 60 км., что аргументировалось следующим образом: «в целях обеспечения государственной безопасности, охраны общественного порядка и предотвращения побегов спецпереселенцев с мест их поселения, а также контроля за их хозяйственно-трудовым устройством».

В условиях специального административно-правового режима спецпоселения немцы находились под надзором особых органов – спецкомендатур, обладавших административной юрисдикцией и подчинявшихся территориальным органам НКВД. Судьба спецпоселенцев, по сути, зависела от произвола спецкоменданта, который был вправе расценить как побег любые самовольные действия спецпоселенцев – выезд к родственникам в другой населенный пункт или сбор грибов и ягод за пределами села. Полная изолированность от внешнего мира сохранялась на протяжении 15 лет. Спецкоменданты, надзиравшие за спецпереселенцами, должны были осуществлять контроль за хозяйственным и трудовым устройством немцев, принимать от них жалобы, выдавать временные разрешения на выезд за пределы зоны действия комендатуры, налагать штрафы, аресты до 5 суток и разыскивать беглых.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», изданному под грифом «Совершенно секретно», самовольный побег с мест спецпоселения влек за собой наказание в виде 20-лет каторжных работ. В Указе указывалось, что немцы, как и все другие народы, отправленные на спецпоселение в годы войны, переселены туда «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства» [27].

Таким образом, немцы-спецпоселенцы были лишены многих общегражданских прав. Их повседневная жизнь постоянно наталкивалась на различного рода абсурдные ограничения и запреты, что в 1953 г. вынужден был признать даже министр внутренних дел СССР С. Круглов: «На местах зачастую ущемляется правовое положение спецпоселенцев: без надобности создаётся излишне жестокий режим, запрещается свободное передвижение по жизненно необходимой для спецпоселенцев территории, устанавливается частая регистрация в спецкомендатуре, создаются препятствия к выездам в командировки, на лечение и учёбу, что влечёт за собой подачу ими большого количества жалоб» » [28].

Все 15 лет существования спецпоселения, с 1941 по 1955 гг. немцы, в прямом смысле борющиеся за выживание, были полностью лишены возможности поддерживать и сохранять свою национальную идентичность, культуру, религию, язык. Дети, вынужденные изучать в школе казахский язык, не имели возможности сохранять язык своих предков. Спецпоселенцы не имели паспортов, не призывались на военную службу, не могли занимать высокие посты и должности в колхозах, государственных органах и учреждениях. 10 марта 1955 г. Совет министров СССР обязал органы внутренних

дел выдать спецпоселенцам паспорта гражданина СССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. отменил режим спецпоселения, указав при этом, что «что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечёт за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены» [27].

Изучение повседневной жизни депортированных российских немцев-спецпоселенцев на примере казахского колхоза Кызыл-Когам позволяет сделать вывод о том, что особый административно-правовой режим спецпоселения с ограничением свободы передвижения, бытовая неустроенность, последовавшая за депортацией трудармия, материальные и социальные проблемы, сложная морально-психологическая обстановка оказали негативное влияние на демографические процессы среди немецкого населения, отрицательно отразились на национальном самосознании немецкого народа.

Список литературы

1. Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х гг. / науч. ред. И.Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2015.
2. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК). Ф. 1987. Оп. 3. Д. 6.
3. Государственный архив г. Кокчетав (ГАК). Ф. 268. Оп. 1. Д. 176.
4. Государственный архив Акмолинской области (ГАОО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 772.
5. Бургарт Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг.: Депортация и жизнь в условиях режима спецпоселения. – Усть-Каменогорск, 1997.
6. Зюзь В.Г. Немцы Восточного Казахстана: история, культура // Вестн. культуры. – 2006. – № 6.
7. ЦГАРК. Ф. 1987. Оп. 3. Д. 7.
8. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении (1941–1955 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
9. ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 26.
10. ГАОО. Ф. 714. Оп. 2. Д. 29а.
11. Полян П.М. Насильственные миграции в бывшем СССР // Миграционная ситуация в странах СНГ. – М., 1999.
12. ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 158.
13. ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 84.
14. Litzenberger O. Enduring the Soviet Experience: One Family's Story // Return to Berry Meadow and Other Stories of Our People. Richard Scheuerman, Editor. – Lincoln, Nebraska, 1995.
15. Бургарт Л.А. Депортация немцев в Восточно-Казахстанскую область и жизнь на спецпоселении (1941–1956 гг.): источники и состояние проблемы // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: материалы междунар. науч. конф. Анапа, 20–25 сентября, 1995. – М., 1996.
16. Ефремова-Шершукова Н.А. Немцы Казахстана: депортация, спецпоселение, реабилитация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2009.

17. ГААО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 27.
18. ГААО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 95.
19. ГААО. Ф. 3260. Оп. 1. Д. 490.
20. ГАК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 39.
21. ГАК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 17.
22. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 804.
23. ГАК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 30.
24. ГАК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 15.
25. ГАК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 11.
26. ГАК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19.
27. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / сост.: В. А. Ауман, В. Г. Чеботарёва. – М.: МИГУП, 1993.
28. Герман А.А., Иларионова Т.С., Плевне И.Р. История немцев России: учеб. пособие. – М.: Изд-во «МСНК-пресс», 2005.

References

1. *Berdinskih V.A., Berdinskih I.V., Verem'ev V.I. Sistema specposelenij v Sovetskom Soyuze 1930–1950-h gg.* [Special settlement system in the Soviet Union 1930-1950] / *Nauch. red. I.L. Zherebcov.* – Syktyvkar, 2015.
2. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan. (ZGARK)* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F. 1987. Op. 3. D. 6.
3. *Gosudarstvennyj arhiv g. Kokchetav (GAK)* [State archive of Kokchetav]. F. 268. Op. 1. D.176.
4. *Gosudarstvennyj arhiv Akmolinskoj oblasti (GAOO)* [State archive of Akmola region]. F. 32. Op. 1. D. 772.
5. *Burgart L.A. Nemcy v Vostochnom Kazahstane v 1941–1956 gg.: Deportaciya i zhizn' v usloviyah rezhima specposeleniya* [Germans in East Kazakhstan in 1941–1956: Deportation and life in conditions of special settlement regime]. – Ust'-Kamenogorsk, 1997.
6. *Zyuz' V.G. Nemcy Vostochnogo Kazahstana: istoriya, kul'tura* [Germans of Eastern Kazakhstan: history, culture] // *Vestnik kul'tury.* – 2006. – № 6.
7. ZGARK. F. 1987. Op. 3. D. 7.
8. *Belkovec L.P. Administrativno-pravovoe polozhenie rossijskih nemcev na specposelenii (1941–1955 gg.)* [The administrative and legal situation of the Russian Germans in the special settlement (1941–1955)]: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Ekaterinburg, 2004.
9. GAOO. F. 13. Op. 1. D. 26.
10. GAOO. F. 714. Op. 2. D. 29a.
11. *Polyan P.M. Nasil'stvennyye migracii v byvshem SSSR* [Forced migrations in the former USSR] // *Migracionnaya situaciya v stranah SNG.* – M., 1999.
12. GAOO. F. 4. Op. 1. D. 158.
13. GAOO. Fund 13. Inventory 1. File. 84. P. 186.
14. Litzemberger O. Enduring the Soviet Experience: One Family's Story // Return to Berry Meadow and Other Stories of Our People. Richard Scheuerman, Editor. – Lincoln, Nebraska, 1995. – P. 101–109.
15. *Burgart L.A. Deportaciya nemcev v Vostochno-Kazahstanskuyu oblast' i zhizn' na specposelenii (1941–1956 gg.): istochniki i sostoyanie problemy* [Deportation of Germans to East Kazakhstan region and life on special settlement (1941–1956): sources and condition of the problem] // *Rossijskie nemcy. Problemy istorii, yazyka i sovremennogo polozheniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Anapa, 20–25 sentyabrya, 1995.* – M., 1996.

16. *Efremova-Shershukova N.A. Nemcy Kazahstana: deportaciya, specposelenie, rehabilitaciya* [Germans of Kazakhstan: deportation, special settlement, rehabilitation]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Tomsk, 2009.
17. GAOO. F. 730. Op. 1. D. 27.
18. GAOO. F. 730. Op.1. D. 95.
19. GAOO. F. 3260. Op.1. D. 490.
20. GAK. F. 377. Op. 1. D. 39.
21. GAK. F. 377. Op. 1. D. 17.
22. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki* [Russian State Archives of Economics]. F. 1562. Op. 33. D. 804.
23. GAK. F. 377. Op. 1. D. 30.
24. GAK. F. 377. Op. 1. D. 15.
25. GAK. F. 377. Op. 1. D. 11.
26. GAK. Fund 377. Op. 1. File 19. P. 111.
27. *Istoriya rossijskih nemcev v dokumentah (1763–1992 gg.)* [History of Russian Germans in Documents] / sost.: V.A. Auman, V.G. Chebotaryova. – M.: MIGUP, 1993.
28. *German A.A., Ilarionova T.S., Pleva I.R. Istoriya nemcev Rossii* [History of the Germans of Russia]. *Uчебное пособие*. – M.: Izdatel'stvo «MSNK-press», 2005.

Л.Н. Семёнова

**Местная печать о проблеме строительства новых школ
в районных городах на этапе завершения перехода
ко всеобщему среднему образованию
(по материалам газеты «Гатчинская правда» 1974–1976 гг.)**

В начале 1950-х гг. в СССР в системе школьного образования начался переход ко всеобщему политехническому среднему образованию. Особое внимание педагогических коллективов было сосредоточено на трудовом обучении и воспитании учащихся. К середине 1970-х гг. в школах широко осуществлялась практика соединения общеобразовательной подготовки с производительным трудом.

На материалах местной периодической печати Гатчинского района Ленинградской области середины 1970-х гг. в статье рассматривается вопрос об одном из условий осуществления обязательного среднего образования в районе в тот период. Таким условием было наличие необходимого числа общеобразовательных школ, которые в те годы строились в основном на селе, в то время как городских школ не хватало. Учащиеся города Гатчины учились не только в две, но и в три смены. Строительство новой десятилетней школы было насущной социальной задачей города. В статье рассматривается процесс постановки вопроса о строительстве новой школы, отражение динамики его решения на страницах «Гатчинской правды».

Ключевые слова: средняя общеобразовательная школа, политехническое обучение, математические классы, профориентация, общественно-производительный труд, местная периодическая печать.

L.N. Semenova

**Local press about the problem of building new schools
in regional towns at the final stage of transition o the general
secondary education (based on the materials
of the “Gatchinskaya Pravda” newspaper 1974–1976)**

In the early 1950s in the USSR the school system began the transition to general polytechnic secondary education. Special attention of teaching groups was focused on the labor education and upbringing of students. By the mid-1970s schools have widely used the practice of combination general education with productive work.

On the materials of local periodical press of Gatchina district of Leningrad region of the mid-1970s the article discusses the question of one of the conditions for compulsory secondary education in the area at the time. This condition was the

availability of the necessary number of comprehensive schools, which in those years were built mainly in the countryside, while the city schools were not enough. Gatchina students studied not only in two, but even in three turns. The construction of a new ten-year school was an urgent social task for the city. The article examines the process of raising of the question of the new school construction, reflecting the dynamics of its decision on the pages of the "Gatchinskaya Pravda".

Key words: secondary school, polytechnic education, math classes, vocational orientation, social and productive work, local periodic press.

Середина 1970-х гг. в СССР была отмечена успехами страны в развитии системы образования и всеобщего среднего образования, в частности. В эти годы в основном был завершён переход ко всеобщему среднему образованию и школы наряду с задачами идейно-политического воспитания решали задачи трудового воспитания, политехнического обучения и соединения обучения с производительным трудом.

Историография вопроса о заключительном этапе введения всеобщего среднего образования в СССР и внедрения в практику советской школы политехнического обучения представлена основополагающими комплексными исследованиями конца 1980-х гг. по истории школы и педагогической мысли [1]. Во втором десятилетии XXI в. интерес к истории советской школы, осуществлению ею трудового воспитания и политехнического обучения, профориентации учащихся возрос и вновь приобрёл свою актуальность. В своих трудах современные исследователи, анализируя этапы всеобщего обучения в СССР, особо отмечают период 1970-х – первой половины 1980-х гг., связывая его значение с произошедшими в образовании переменами [2, с. 96; 3].

Цель статьи: на основе материалов районной газеты «Гатчинская правда» рассмотреть начальный этап создания одной из самых известных ленинградских областных школ – Гатчинской средней школы № 3 (ныне лицей № 3 им. Героя Советского Союза А.И. Перегудова), начиная со строительства школьного здания и трудностей, которыми оно сопровождалось, особенностей комплектования ученического и педагогического коллективов школы до выбора стратегии и тактики осуществления политехнического обучения и соединения его с производительным трудом, приобретения школой своего неповторимого облика.

За прошедшие 20 лет после XIX съезда КПСС (1952 г.), давшего старт к переходу ко всеобщему политехническому обучению в средней школе, в советской системе образования был накоплен большой опыт, позволивший декларировать завершение перехода ко всеобщему среднему образованию в 1975 г., а начиная с 1976 г. перейти к этапу его развития и совершенствования.

Ряд постановлений ЦК КПСС и Совмин СССР 1972 и 1973 гг. направляли деятельность партийных и советских органов на принятие мер «к более полному охвату молодёжи средним образованием; развивать и совершенствовать общеобразовательную школу как трудовую и политехническую, являющуюся основной формой получения молодёжью общего среднего образования» [4]. В Ленинградской области, как и в других областях и районах страны в соответствии с постановлением 1973 г., основное внимание было сосредоточено на строительстве сельских общеобразовательных школ. В очередном постановлении ЦК КПСС и Совмин СССР указывалось на необходимость «осуществить широкую программу строительства в сельской местности новых школьных зданий, пристроек классных комнат, учебных кабинетов и других необходимых помещений к существующим зданиям школ, а также интернатов для учащихся и жилых домов для учителей» [5]. Для того чтобы реализовать эту программу, Госплану СССР и Советам Министров союзных республик предписывалось также «предусматривать в проектах годовых и пятилетних планов развития народного хозяйства выделение целевым назначением материалов для строительства в сельской местности школ, интернатов для учащихся и жилых домов для учителей, сооружаемых за счет средств колхозов и силами общественных организаций, а также фондов на оборудование этих объектов» [5].

Местная печать неоднократно обращалась к проблемам всеобщего образования на селе. В официальных сообщениях районных партийных и советских органов говорилось об успехах, которых достиг советский народ по выполнению задач, поставленных на IX пятилетку (1971–1975). Так в г. Гатчине и районе за IX пятилетку было построено 9 новых школ на 7 396 мест, 4 профтехучилища. Следует отметить, что все указанные школы были построены в сельской местности [6, с. 2].

На 1975 г. в Гатчинском районе было запланировано введение ещё четырёх школ на 3 736 мест. По сведениям районного отдела образования, в сельских школах училось более 13 тыс. учеников [7, с. 1]. Средняя численность учащихся на одну школу в районе колебалась от 400 до 900–960 чел. Последняя цифра относилась к школам, которые строились в 1970-е гг. В 1975 г. в п. Коммунар за счёт государственных капиталовложений была открыта первая сельская школа-гигант на 1 280 чел. В этой школе с самого начала ученики обучались только в первую смену. Таким образом, главная государственная задача в сфере образования – обеспечение завершения всеобщего образования и перевод учащихся в одну смену, в первую очередь на селе, – не так быстро, но решалась.

На январском 1976 г. собрании партийно-хозяйственного актива города Гатчины и Гатчинского района были приняты социалистические обязательства трудящихся на текущий год. В разделе по народному и профессионально-техническому образованию ставилась задача: «Обеспечить выполнение восьмилетнего и среднего всеобуча. Охватить всеми видами среднего образования не менее 99 % выпускников 8-х классов дневных, вечерних и заочных школ» [8, с. 2]. На первый год десятой пятилетки (1976–1980) развития народного хозяйства в Гатчинском районе было намечено освоить 770 тыс. р. и ввести в строй новую городскую школу в III квартале [6, с. 2]. Впервые о строительстве новой школы в городе Гатчина речь шла в социалистических обязательствах на 1974 г. [9, с. 1].

Строительство городских школ было насущной проблемой для растущего районного центра – города Гатчина. Об этом на очередной сессии Гатчинского городского совета депутатов трудящихся в феврале 1975 г. говорила председатель постоянной комиссии по народному образованию З.П. Любецкая, директор 36-ой железнодорожной школы. Она подчеркивала, что в городе не только не хватает школ, но и недостаточными остаются темпы реконструкции имеющихся. На 1975–1976 гг. в Гатчине было пять городских средних школ (№ 1, 4, 7, 9, 10) и одна железнодорожная школа (№ 36). Только первая и девятая школы находились в относительно новых зданиях (построены в 1966 и 1960 гг. соответственно). З.П. Любецкая предложила ускорить темпы строительства новой школы в Гатчине и завершить его в 1976 г. [10, с. 2].

Население города также было обеспокоено затягиванием сроков строительства школ в Гатчине. В октябре 1975 г. группа жителей города обратилась в редакцию газеты «Гатчинская правда» с просьбой рассказать на страницах газеты о том, как решается вопрос строительства школ в Гатчине. В своём ответе заведующая городским отделом образования (гороно) горисполкома Валентина Алексеевна Барканова (1925–2017) констатировала имеющиеся проблемы в системе городского народного образования: перегруженность школ, большая наполняемость классов, в которых насчитывалось 35–40 и более учащихся, обучение детей в две и три смены (школа №9). Для того чтобы хотя бы первые классы учились в первую смену, заведующая предложила поменять во втором полугодии очередность смен. Но тут же заметила: «... это ... существенно дело не меняет» [11, с. 2]. В.А. Барканова выразила надежду, что со строительством двух новых школ на 1 560 и 1 280 мест в 1976–1980 гг. и введением в строй десятилетки, которое было намечено на 1 сентября 1976 г., «положение в городе резко улучшится. Во всяком случае, основная масса детей будет заниматься в первую смену» [11, с. 2].

Однако прошло больше двух лет с начала строительства новой гатчинской школы, а окончания работ не предвиделось. С конца 1975 г. городской совет неоднократно поднимал вопрос о темпах строительства новой школы [12, с. 2]. На внеочередном заседании горсовета в марте 1976 г. специально был поставлен вопрос о необходимости введения школы к началу 1976–1977 уч. года. Подчёркивалось, что строительство школы в новом районе города – Хохловом поле (застраивался с конца 1960-х гг.) занимает «важное место в плане социального развития города» [13, с. 2].

Исполком Совета депутатов трудящихся г. Гатчины потребовал от главного инженера треста Ю.Д. Фомина «в течение 3-х дней представить в горисполком разработанный график строительства средней школы № 3... с вводом... в эксплуатацию к 15 августа 1976 г.», а директорам двух школ (№7 и №9) было предложено на июнь-август направить на стройки строительные отряды из учащихся 9-х классов [13, с. 2]. В дальнейшем те, кто обращался к данной проблеме на страницах газеты, отмечал, что сроки строительства постоянно нарушались вплоть до тождественной линейки 1 сентября 1976 г.

В апреле комсомольцы и молодёжь треста № 49 взяли шефство над строительством средней школы и обязались сдать её на 20 дней раньше срока [14, с. 2]. Как показало время, и эта инициатива не изменила ситуацию. Несмотря на принимаемые меры и то, что летом на строительстве уже работало около 120 рабочих и 26 чел. из студенческого строительного отряда Ленинградского института точной механики и оптики (ЛИТМО), в середине июля «школа была далека от пускового состояния». Главное отставание наблюдалось на строительстве спортзала, сдача которого была «под угрозой срыва» [15, с. 2].

Для улучшения ситуации комсомольская организация треста №49 в июле провела конкурс профмастерства молодых рабочих в возрасте до 28 лет. Ключевой строительный объект года – школа №3 – был выбран площадкой для конкурса. Об этом в небольшой заметке от 27 июля 1976 г. в местной газете писал секретарь комитета ВЛКСМ треста № 49 А. Королёв [16, с. 1]. Победители этого конкурса (Л. Степченко – маляр, Т. Петрова – штукатур, Г. Астахова – каменщица) спустя месяц оказались в списке лучших строителей «дворца на Хохловом поле». Лучшими были названы также бригада штукатуров Галины Махаевой, маляры бригады Ирины Гуреевой, каменщики бригады Богданова, плотники из бригад Меркурьева и Васильева. «Это их руками, – писал автор статьи «Дворец на Хохловом поле» А. Юрьев, – построен за такой короткий срок настоящий дворец ...». В своём первом интервью газете «Гатчинская правда» директор школы Пётр Васильевич Булкин отмечал: «Ро-

дился поистине Дворец знаний... Что нового в школе? Да, всё новое. И планировка, и оборудование... Даже вся мебель у нас экспериментальная. Она только что изготовлена на предприятиях Белоруссии» [17, с. 1]. Далее со слов директора корреспондент выделил то, чем отличалась эта школа от других: «4 производственные мастерские, кабинеты технических средств, кабинет вычислительной математики... Даже простой перечень оборудования кабинетов и других помещений говорит о том, что наш город, наши ребята получили замечательный подарок – самую современную и благоустроенную не только в районе, но и в области, школу. Школу, где будет всё для учёбы, для всестороннего развития личности» [17, с. 1].

То, что школа построена за короткий срок, конечно, не совсем верно. Всё-таки на её строительство и введение в строй ушло 2 года 4 месяца. Фундамент школы был заложен в день коммунистического субботника 20 апреля 1974 г. [18, с. 1]. А далее были месяцы проста, нехватка материалов, техники и рабочих рук, штурмовщина на заключительном этапе строительства.

Новая школа имела ряд особенностей, в том числе по характеру комплектования, который был не типичен для того времени. Это в свою очередь вызвало недоумение родителей, которое они неоднократно высказывали руководителю городского отдела образования. Дело в том, что директор новой школы добился права самостоятельно формировать педагогический коллектив. Им отбирались наиболее опытные, творческие и результативные учителя. Некоторые из них упоминались в местной газете как учителя, дающие не только стопроцентную успеваемость (на тот момент это были учителя школы №9), но и как учителя, которые «сумели научить детей творчески мыслить, любить труд, привили им высокие идейные и нравственные принципы» [19, с. 1].

Другой важной особенностью было то, что учащиеся поступали в учебное заведение из других школ города классами во главе с классными руководителями. Все старшие классы были только из школ № 9 и № 10. В официальном ответе гороно родителям о специфике комплектования школы сообщалось: «Городской отдел образования исходил из необходимости закрыть малокомплектную школу № 2, ликвидировать 3 смену в школе №9 и вторую смену в школе № 10, сохранив при этом коллективы классов и педагогов» [20, с. 3]. Эта была одна из новаторских идей того времени и принадлежала она первому директору школы № 3 Петру Васильевичу Булкину (1926–2007), отдавшему образованию всю свою жизнь. Практика показала, что это было удачное решение и организационный период нового учебного заведения прошёл практически безболезненно для всех участников образовательного процесса.

В 1970-е гг. политехническое обучение и трудовое воспитание школьников занимали важное место в системе школьного образования. Средняя общеобразовательная школа давала политехнические знания несколькими способами: при изучении основ наук, в процессе трудового обучения и путем привлечения молодежи к научно-техническому творчеству. «По своей природе, – говорится в Педагогическом терминологическом словаре, – политехнические знания представляют собой совокупность взаимосвязанных понятий естественных, технических, общественных наук и математики и становятся собственно политехническими, когда включаются в трудовую деятельность учащихся» [21].

Именно такой подход был положен в основу деятельности новой школы, которая получила наименование «Средняя общеобразовательная политехническая школа с трудовым обучением № 3 г. Гатчины». С самого начала в школе внедрялись смелые и новаторские педагогические идеи её директора и его единомышленников: учителей, учеников и шефов. В новую школу вместе с учителями пришли лучшие традиции средней школы № 9, которую П.В. Булкин возглавлял с 1960 г.

Ещё в первый год своего директорства П.В. Булкин (в 1960 г. ему было 34 года) организовал в школе № 9 г. Гатчины специализированные классы для старшеклассников с углублённым изучением математики и физики («матклассы»). На тот момент такие классы были только в Новосибирском академгородке и в московской школе № 425, об опыте которой когда-то в журнале «Огонёк» прочитал молодой директор.

В начале 1960-х гг. в результате проведения «Колмогоровский реформы» школьного математического образования (1960–1970-е гг.), у истоков которой стояли выдающиеся математики А.Н. Колмогоров, А.И. Маркушевич, А.А. Ляпунов и др., в стране появилось два новых типа школ: Заочная математическая школа при Московском университете и школы-интернаты для иногородних учащихся при Московском и Новосибирском университетах [22, с. 37].

Безусловно, что директор школы как учитель математики не смог пройти мимо новаторских идей учёных по совершенствованию математического образования. Ему была близка идея воспитания интеллектуальной молодёжи, способной в будущем овладеть инженерными специальностями. Из 27 человек первого математического класса 16 окончили школу с медалью: 4 золотых и 12 серебряных [23].

Спустя годы на большом совете городского актива работников школ и ПТУ (сентябрь 1975 г.) отмечалась плодотворная работа школы №9 по программе углублённого изучения основ математики и

вычислительной техники, в которой «за последние десять лет школу закончили 2 322 человека. Из них около 1 000 стали инженерами, более ста учёными, 700 учащихся приобрели другие профессии» [24, с. 2].

В специализированных математических классах преподавали научные сотрудники Физико-технического института имени А.Ф. Иоффе (ФТИ АН СССР, с 1971 г. – ЛИЯФ АН СССР им. Б.П. Константинова), который был производственной базой подготовки вычислителей-программистов. Это, по мнению директора школы, позволило создать в школе творческую атмосферу, «с повышенной заинтересованностью учеников к изучаемым предметам» [25, с. 10]. Традиционно девятая школа демонстрировала высокую успеваемость и высокое качество знаний.

На совете актива 1975 г. также отмечалось, что «важным средством воспитания и профориентации в школах стала практическая подготовка старшеклассников к производительному труду в промышленности и сфере обслуживания» [24, с. 2]. Этот вопрос был решён в школе № 9 созданием учебно-производственных мастерских для учащихся общеобразовательных классов, где они делали школьную мебель. «Это нововведение, – по мнению П.В. Булкина, высказанное им в дни 80-летнего юбилея, – помогло достичь гармонии в школе: на выпускном вечере одним вручали золотые медали за отличную учёбу, а другим – именные часы за хорошую работу и первую в своей жизни заработную плату» [25, с. 10].

Став директором новой школы, П.В. Булкин перевёл в неё и матклассы, и производственные мастерские. В статье, посвящённой памяти первого директора школы № 3, от имени коллектива Гатчинского лицея № 3 (с 1991 г.), говорилось: «Нам Пётр Василевич памятен, близок и дорог как первый директор нашей школы. В 1976 году он следил за ходом строительства, принимал из рук строителей символический ключ, а потом бился за то, чтобы «довести до ума» огромное здание» [26, с. 3]. Накануне торжественного открытия 1 сентября 1976 г. школы № 3 более 25 учебных кабинетов не были готовы к эксплуатации. За последние три дня августа это число резко уменьшилось, но стопроцентной готовности школы к учебному процессу не было. До ноября месяца в актовом зале одновременно занимались по четыре класса. В холодные дни дети сидели в пальто и шапках.

Несмотря на имеющиеся трудности, школа начала свою жизнь. В 1977 г. в учебном заведении отметили 15-летие математических классов. Именно 3-я школа г. Гатчины одной из первых в стране установила прямое сотрудничество с вузом – Ленинградским институтом авиаприборостроения (ЛИАП), в лабораториях которого ученики проходили практику. По-прежнему, как и в 9-ой школе, на

занятия к школьникам приглашались преподаватели вузов, в том числе шефов – научных сотрудников ЛИЯФа АН СССР (ПИЯФ РАН). Ученикам первых математических классов была под силу программа классического курса высшей математики объёмом 360 часов. Недаром до сих пор школу в народе называют «математической» (так в интервью 31 августа 1976 г. её назвал и первый директор школы).

Одними из первых учащиеся математических классов гатчинской средней школы учились программированию. Сдав экзамены, выпускники математических классов получали квалификационное удостоверение оператора-программиста 2-го разряда. В современном кабинете информатики в четыре окна лицея № 3 в 1970-е гг. стояла огромная электронно-вычислительная машина (ЭВМ) «Минск-6». Однако тогда Министерство просвещения не увидело в этом перспективного направления обучения школьников. И скоро машина была демонтирована.

Учащиеся общеобразовательных классов работали в учебно-производственных мастерских. Здесь ребята изготавливали школьную мебель, архивные полки и другую продукцию, которая расходилась по всей стране. Мастерские работали на коммерческой основе – дети зарабатывали «на путёвки и прочие радости» [27, с. 2]. Заканчивая школу и сдав экзамены, мальчики этих классов получали квалификацию слесаря механосборочных работ второго, а некоторые и третьего разряда. Девочки-старшеклассницы вязали на приобретённых школой вязальных машинах. Сборная команда школы выступала на различных спортивных соревнованиях в шапочках и шарфах, выполненных их руками.

Как и все средние общеобразовательные школы страны, школа №3 г. Гатчины Ленинградской области в середине 1970-х гг. решала поставленные перед ней задачи овладения учащимися основ наук, политехнического обучения и трудового воспитания, тесно связанных с жизнью и направленных на овладение определенной профессией [28]. Школой был выбран свой уникальный путь развития, общественная значимость которого заключалась в словах первого директора школы: «России нужны самостоятельно мыслящие люди» [27]. Содержание деятельности школы, а потом и многопрофильного лицея и в дальнейшем наиболее полно будет отвечать интересам учащихся, развитию их творческого потенциала, общественной активности, широты их профессионального кругозора.

Список литературы

1. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1961-1986 гг.) / под ред. Ф.Г. Паначин, М.Н. Колмакова, З.И. Равкин. – М.: Педагогика, 1987. – 415 с.

2. Кудряшов И.М. Исторические примеры развития технологического образования в России и пути решения данной проблемы на современном этапе // Наука и школа. – 2014. – № 3. – С. 93–98.

3. Сидерякова Н.Н. Трудовое обучение и воспитание, профессиональная ориентация учащихся в СССР в 1970–1990-х гг. // Науч. альманах. – 2015. – № 11-2 (13). – С. 380–383.

4. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 июня 1972 г «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодёжи и дальнейшему развитию общеобразовательной школы». – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7833.htm (дата обращения: 27.11.2019).

5. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 июля 1973 г. «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы». – URL: <http://www.alppp.ru/law/hozjajstvennaja-dejatelnost/stroitelstvo/38/postanovlenie-ck-kpss-sovmina-sssr-ot-02-07-1973--471.html> (дата обращения: 27.11.2019).

6. Материкиов Ф. Вклад строителей должен быть весомей // Гатчинск. правда. – 1976. – 11 февр.

7. Здравствуй, школа // Гатчин. правда. – 1975. – 30 авг.

8. Социалистические обязательства трудящихся города Гатчины и Гатчинского района на 1976 год // Гатчин. правда. – 1976. – 16 янв.

9. Гатчинцы выходят на рубежи 1974 г. Социалистические обязательства трудящихся города и района // Гатчин. правда. – 1974. – 11 янв.

10. Обсуждение вопроса о работе исполкома в 1974 г. // Гатчин. правда. – 1975. – 26 февр.

11. Школы города в десятой пятилетке // Гатчин. правда. – 1975. – 24 окт.

12. Репортаж. 4-я сессия городского совета // Гатчин. правда. – 1975. – 30 дек.

13. Школы – главные объекты // Гатчин. правда. – 1976. – 30 марта.

14. Требовательно, принципиально // Гатчин. правда. – 1976. – 28 апр.

15. Рашевский П. А. Время торопит // Гатчин. правда. – 1976. – 14 июля.

16. Королев А. Конкурс молодых рабочих // Гатчин. правда. – 1976. – 27 июля.

17. Юрьев А. Дворец на Хохловом поле // Гатчин. правда. – 1976. – 31 авг.

18. Грачевский А. «Быть школе-гиганту» // Гатчин. правда. – 1974. – 1 мая.

19. Линчевский Е. Учащимся – прочные и глубокие знания // Гатчин. правда. – 1975. – 28 марта.

20. Обучая, воспитывать. Интервью В.А. Баркановой // Гатчин. правда. – 1976. – 25 авг.

21. Педагогический терминологический словарь. – URL: https://pedagogical_dictionary.academic.ru/2493/Политехническое_образование (дата обращения: 27.11.2019).

22. Атанасян С.Л., Сафуанов И.С. К истории школьного математического образования: роль социально-экономических перемен и обыденного сознания // Наука и школа. – 2018. – № 5. – С. 35–40.

23. Школа № 9 г. Гатчина. История школы. – URL: http://gtnschool.ucoz.ru/index/istorija_shkoly/0-37 (дата обращения: 29.11.2019).

24. Начался новый учебный год в школах и ПТУ // Гатчин. правда. – 1975. – 2 сент.

25. Буш. Н. Ум, честь и педагогический талант Петра Булкина // Гатчина-ИНФО. – 2006. – 12 янв.

26. Памяти учителя // Гатчин. правда. – 2007. – 29 нояб.

27. Жукова Г. России нужны самостоятельно мыслящие люди // Гатчин. правда. – 2007. – 6 марта.

28. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 декабря 1977 г. «О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовки их к труду». – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9515.htm (дата обращения: 9.12. 2019).

References

1. *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR (1961-1986 gg.)*. [Essays on the history of school and pedagogical thought of the peoples of the USSR (1961-1986)] / *pod red. F.G. Panachin, M.N. Kolmakova, Z.I. Ravkin*. – М.: Pedagogika, 1987. – 415 s.

2. *Kudryashov I.M. Istoricheskie primery razvitiya tekhnologicheskogo obrazovaniya v Rossii i puti resheniya dannoy problemy na sovremennom etape* [Historical examples of the development of technological education in Russia and ways to solve this problem at the present stage] // *Nauka i shkola* [Science and school]. – 2014. – №3. – S. 93–98.

3. *Sideryakova N.N. Trudovoe obuchenie i vospitanie, professional'naya orientatsiya uchashchihsya v SSSR v 1970–1990-h gg.* [Labor training and education, professional orientation of students in the USSR in the 1970s and 1990s] // *Nauchnyj al'manah* [Scientific almanac]. – 2015. – № 11-2 (13). – S. 380–383.

4. *Postanovlenie TsK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 20 iyunya 1972 g «O zavershenii perekhoda ko vseobshchemu srednemu obrazovaniyu molodezhi i dal'neishem razvitii obshcheobrazovatel'noi shkoly»* [Decree of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of June 20, 1972 "On the completion of the transition to universal secondary education of youth and further development of comprehensive school"]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7833.htm (accessed: 27.11.2019).

5. *Postanovlenie TsK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 2 iyulya 1973 g. «O merakh po dal'neishemu uluchsheniyu uslovii raboty sel'skoi obshcheobrazovatel'noi shkoly»* [Decree of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of July 2, 1973 "On the measures of further improvement of the working conditions of rural comprehensive schools"]. – URL: <http://www.alppp.ru/law/hozjajstvennaja-deyatelnost/stroitelstvo/38/postanovlenie-ck-kpss-sovmina-sssr-ot-02-07-1973--471.html> (accessed: 27.11.2019).

6. *Materikov F. Vklad stroitelei dolzhen byt' vesomei* [The contribution of the builders should be more significant] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. – 1976. February, 11.

7. *Zdravstvui, shkola* [Hello, school] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. – 1975. August, 30.

8. *Sotsialisticheskie obyazatel'stva trudyashchikhsya goroda Gatchiny i Gatchinskogo raiona na 1976 god* [Socialist obligations of the working people of Gatchina and Gatchina district for 1976] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. – 1976. – January, 16.

9. *Gatchintsy vykhodyat na rubezhi 1974 g. Sotsialisticheskie obyazatel'stva trudyashchikhsya goroda i raiona* [Gatchins go to the frontiers of 1974. Socialist obligations of the working people of the city and district] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. – 1974. – January, 11.

10. *Obsuzhdenie voprosa o rabote ispolkoma v 1974 g.* [Discussion of the question of the executive committee work in 1974] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. 1975. – February, 26.

11. *Shkoly goroda v desyatoi pyatiletke* [Schools of the city in the 10th five-year plan] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. – 1975. – October, 24.
12. *Reportazh. 4-ya sessiya gorodskogo soveta* [Reporting. 4th session of the city council] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. – 1975. – December, 30.
13. *Shkoly – glavnye ob"ekty* [Schools are the main facilities] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. – 1976. – March, 30.
14. *Trebovatel'no, printsipial'no* [Demanding, in principle] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. – 1976. – April, 28.
15. *Rashevskii P. A. Vremya toropit* [Time in a hurry] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. – 1976. – July, 14.
16. *Korolev A. Konkurs molodykh rabochikh* [Competition of young workers] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. – 1976. – July, 27.
17. *Yur'ev A. Dvorets na Khokhlovom pole* [Palace on the Khokhlov Field] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. – 1976. – August, 31.
18. *Grachevskii A. «Byt' shkole-gigantu»* ["To be a giant school"] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. – 1974. – May, 1.
19. *Linchevskii E. Uchashchimsya – prochnye i glubokie znaniya* [Strong and deep knowledge – to the students] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. – 1975. – March, 28.
20. *Obuchaya, vospityvat'. Interv'yu V.A. Barkanovoi* [Teaching, to educate. V.A. Barkanova Interview] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. – 1976. – August, 25.
21. *Pedagogicheskii terminologicheskii slovar'* [Pedagogical terminological dictionary]. URL: https://pedagogical_dictionary.academic.ru/2493/Politekhnikeskoe_obrazovanie (accessed: 27.11.2019).
22. *Atanasyan S.L., I.S. Safuanov K istorii shkol'nogo matematicheskogo obrazovaniya: rol' social'no-ekonomicheskikh peremen i obyden'nogo soznaniya* [On the history of school mathematics education: the role of socio-economic changes and everyday consciousness] // *Nauka i shkola* [Science and school]. – 2018. – №5. – S. 35–40.
23. *Shkola №9 g. Gatchina. Istoriya shkoly* [School №9 in Gatchina. The history of the school]. URL: http://gtnschool.ucoz.ru/index/istorija_shkoly/0-37 (accessed: 29.11.2019).
24. *Nachalsya novyi uchebnyi god v shkolakh i PTU* [The new school year in schools and vocational schools began] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. – 1975. – September, 2.
25. *Bush. N. Um, chest' i pedagogicheskii talant Petra Bulkina* [The mind, honor and pedagogical talent of Peter Bulkin] // *Gatchina-INFO*. – 2006. – January, 12.
26. *Pamyati uchitelya* [In the memory of the teacher] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. – 2007. – November, 29.
27. *Zhukova G. «Rossii nuzhny samostoyatel'no myslyashchie lyudi»* ["Russia needs independent-minded people"] // *Gatchinskaya pravda* [Gatchina Truth]. – 2007. – March, 6.
28. *Postanovlenie TsK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 22 dekabrya 1977 g. «O dal'neishem sovershenstvovanii obucheniya, vospitaniya uchashchikhsya obshcheobrazovatel'nykh shkol i podgotovki ikh k trudu»* [Decree of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of December 22, 1977 "On the further improvement of training, education of students of secondary schools and their preparation for work"]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9515.htm (accessed: 9.12. 2019).

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

УДК 659.131(470.23-25)«1898/1905»:34
ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

Е.Н. Крылова

Некоторые аспекты правового регулирования рекламной деятельности на примере столичной печатной рекламы начала XX в.

В статье рассматривается правовое регулирование рекламной деятельности на примере частных объявлений, помещаемых в периодических изданиях Санкт-Петербурга на рубеже XIX–XX вв. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1898 по 1905 гг. Распоряжение Санкт-Петербургского градоначальника о переносе цензуры мелких объявлений из канцелярии градоначальника в местные полицейские участковые управления изменило систему цензуры рекламы в Санкт-Петербурге. Непонимание законодательной основы цензуры рекламы создавало предпосылки для злоупотребления и превышения должностных полномочий на местах. Наглядным примером, хорошо характеризующим ситуацию в описываемый период, является рассмотренный в статье эпизод с частными объявлениями газеты «Новое время». Автор приходит к выводу, что законодательство о рекламе в начале XX в. было весьма размытым, что создавало предпосылки для довольно свободного трактования статей отдельных нормативных актов и, в свою очередь, вызывало необходимость дополнять действующее законодательство о рекламе распоряжениями, пояснениями и циркулярами.

Ключевые слова: пресса, печатная реклама в начале XX в., реклама в прессе, реклама в газетах Санкт-Петербурга в начале XX в., газета «Новое время», частные объявления в столичной прессе, объявления о прислуге, цензура рекламы в начале XX в., регулирование рекламной деятельности 1898–1905 гг., Главное управление по делам печати и реклама.

E.N. Krylova

Some aspects of legal regulation of advertising on the example of metropolitan print advertising in the early XX century

The article deals with the legal regulation of advertising activities on the example of private advertisements in periodicals of St. Petersburg at the turn of the XIX–XX centuries. The chronological framework of the study covers the period from 1898 to 1905. The Order of the St. Petersburg Mayor on the transfer of censorship of small advertisements from the office of the Mayor to local police offices changed the system of censorship of advertising in St. Petersburg. The lack of understanding of

the legal basis for advertising censorship created prerequisites for abuse of official authority in the field. An illustrative example that well shows the situation in the described period is the episode considered in the article with private advertisements of the newspaper "The New Time". The author concludes that the legislation on advertising in the early XX century was very vague, which created the prerequisites for a fairly free interpretation of articles of some regulations, and, in turn, caused the need to supplement the current legislation on advertising with orders, explanations and circulars.

Key words: the press, print advertising in the early XX century, press advertising, advertising in St. Petersburg newspapers in the early XX century, the newspaper "The New Time", private advertisements in the capital press, servants advertisements, the censorship of advertising in the early XX century, the regulation of advertising 1898-1905, the General Administration of Press in the Ministry of the Interior and advertising.

Современная реклама – многогранное явление, включающее в себя не только творческий процесс, но и различные виды рекламных носителей. Современные формы рекламы, коммуникативные механизмы и эффекты могут быть поняты только в контексте изучения истории развития этих форм. Истории отечественной дореволюционной рекламы посвящены отдельные научные труды [1–4], диссертационные исследования [5–8] и статьи [9–12]. Однако вопрос правового регулирования рекламы начала XX в. пока не стал объектом специального исследования. Целью данной работы является изучение правовых механизмов регулирования рекламной деятельности в Санкт-Петербурге на рубеже веков. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1898 по 1905 гг.

Федеральный закон РФ № 38-ФЗ «О рекламе» дает следующее определение: «реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [13].

В настоящее время государственный надзор в сфере рекламы и ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о рекламе осуществляется в соответствии с главой пятой федерального закона и возлагается на антимонопольный орган (ст. 33–38) [13]. Нарушение законодательства Российской Федерации о рекламе влечет за собой ответственность в соответствии с гражданским законодательством. Сейчас рекламная деятельность находится под контролем государства и строго регулируется различными нормативными и законодательными актами.

Однако в начале XX в. ситуация была несколько иной. Регулирование рекламы осуществлялось на основании различных уставов и локальных нормативных актов, отдельного законодательства в

сфере рекламы не существовало. Функции контроля за рекламой осуществляли местные полицейские власти, которые должны были следить за тем, чтобы реклама составлялась в соответствии с Уставом о цензуре и печати [14], Уложением о наказаниях [15], Уставом о предупреждении и пресечении преступлений [16]. Относительно Санкт-Петербурга, как столичного города, цензура «мелких объявлений, подаваемых частными лицами», должна была учитывать распоряжения Санкт-Петербургского градоначальника, публикуемые в «Ведомостях С.-Петербургского Градоначальника».

Таким образом, контроль за рекламой осуществлялся на основании общих правил «Устава о цензуре и печати»: ст. 4 [14, с. 2], 31–35 [14, с. 13–15], 37–42 [14, с. 16–45], 93 [14, с. 49], 95 [14, с. 49], 96 [14, с. 49], 101 [14, с. 50], 106 [14, с. 50] и 111 [14, с. 51]; «Устава о пресечении и предупреждении преступлений»: ст. 1, 285 («запрещен обман словом, письмом или действием, распространение лжи и клеветы») и 286 («полиция осуществляет контроль») [16, с. 50–51]; «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных наказаниях»: статья 34 [15, с. 12] («за объявление чего-либо во всеобщее известие, без надлежащего разрешения, когда таковое требуется законом, виновные, не имеющие при том другой противозаконной цели, подвергаются аресту не свыше одного месяца или денежному взысканию не свыше ста рублей» [17, л. 95]), а также различных циркуляров [17, л. 7].

В начале XX в. под рекламой понималось «вообще публичное толкование о чем-нибудь, преимущественно посредством печати, усердное пропагандирование какого-либо предприятия, дела, производства, изобретения, открытия, усовершенствования, необыкновенных способностей каких-либо лиц и т. п.» [18, с. 1]. Основными видами рекламы на начало XX в. в столице и в провинции являлись: реклама в средствах массовой информации (реклама в прессе), наружная реклама (афишные, фонарные столбы и заборы) и транзитная реклама (реклама в вагонах трамвая и конок).

Одним из самых «целесообразных» и дорогостоящих видов рекламы Н. Верховой, редактор-издатель газеты «Ярославский посредник», называет рекламу в прессе [19, с. 4]. К более доступным для провинции видам рекламы он относит «афишные в городах столбы, столбы фонарные и обывательские заборы, украшаемые разноцветными афишами, и плакаты в вагонах трамвая и др. местах» [19, с. 4]. Существование этих форм рекламы он объясняет, с одной стороны, необходимостью, с другой, «подражанием столицам, где афишные столбы и плакаты в вагонах конок еще не совсем вышли из употребления» [19, с. 4–5].

Таким образом, несмотря на наличие в России в начале XX в. различных видов рекламы, основой рекламы все равно являлся ре-

кламный текст (будь то объявление в прессе, на афишном столбе или в вагоне трамвая), а значит, текст объявления необходимо было согласовать с местным полицейским начальством.

В 1898 г. вышло распоряжение Санкт-Петербургского градоначальника, по которому участковые полицейские управления были обязаны просматривать рекламу до публикации в прессе, в том участке, где находилась типография газеты «единственно» для того, чтобы «предоставить населению столицы возможно большие удобства в смысле приближения цензуры к самому населению» [17, л. 63 об.].

До 1898 г. цензура объявлений была сосредоточена в канцелярии градоначальства. Нововведение вызвало многочисленные вопросы, как со стороны рекламодателей, так и со стороны рекламораспространителей, поскольку один пристав запрещал то, что другой пропускал. Некоторые объявления направлялись для цензуры по месту жительства рекламодателя, однако, местные приставы отказывались рассматривать объявления, «говоря, что это не их дело» [17, л. 8]. Подобные действия участковых приставов свидетельствовали о неправильном и произвольном понимании своих новых обязанностей по цензуре объявлений и о недостаточном понимании пределов власти, предоставленной полиции распоряжениями Санкт-Петербургского градоначальника.

В результате в Главном управлении по делам печати министерства внутренних дел был поднят вопрос о порядке цензирования на основании ст. 41 Устава о цензуре и печати мелких объявлений, предназначенных к напечатанию в периодических изданиях [17]. Напомним, что по ст. 41 Устава о цензуре и печати «печатание всякого рода афиш и мелких объявлений дозволяется не иначе как с разрешения местного начальства, которое, будучи обязано, в этом случае, разрешать печатание только объявлений, не содержащих в себе ничего противного существующему порядку, и заменяя, таким образом, для объявлений этих цензуру, установленную для других произведений... обязано... руководствоваться общими правилами о цензуре. На основании этих правил, цензуре подлежит исключительно содержание печатаемого произведения и дозволение... печатания и издания его» [14, с. 21].

Стремление к устранению ложной информации из объявлений получило у столичных участковых приставов широкое распространение. В частности, А.С. Суворин, издатель газеты «Новое время», неоднократно обращался в Главное управление по делам печати, в ведении которого находилась цензура, с просьбой выяснить причину, по которой приставы запрещают к публикации отдельные объявления без объяснения причины.

Здесь отметим, что наряду с получением прибыли от реализации периодических изданий по подписке, еще одним важным источником дохода была публикация как государственных, так и частных объявлений. Так, А.С. Суворин, издатель частной газеты, вспоминал, что за неделю можно было заработать «800 руб. в день на розничной продаже, да 2000 руб. на объявлениях, а может, и больше» [20, с. 414].

Нежелание терять крупную часть прибыли вынуждало издателей газет обращаться в Главное управление по делам печати с надеждой прояснить механизмы исполнения циркуляров и распоряжений.

Например, на необъективность при просмотре объявлений указывал А.С. Суворин в своей жалобе на имя начальника Главного управления по делам печати Н.В. Шаховского: «объявления, не пропущенные в «Новом времени», являлись без всяких затруднений в других петербургских газетах, даже объявления о прислуге с рекомендацией не только господ, но и дворников. На это у меня есть доказательства. Всегда преследуются слова: молодой и молодая: «Молодой солидный купец холостой, ищет должности»... «Молодая особа желает быть компаньонкой»... – все это или требует рассмотрения местного участка, где проживают эти молодые, или просто воспрещаются... Запрещается даже объявление «о передаче квартиры по случаю отъезда, сухая, теплая, 4 большие комнаты, большая ванная, дрова, парадный ход». Это объявление последних дней, неизвестно почему запрещенное. Объявление о продаже велосипедов Peugeot носит такое замечание: Как могущее вызвать возражения и полемику – не пропущено» [17, л. 8]. Объявления о прислуге [подробнее см: например, 21] чаще всего имели резолюцию: «самому себя рекламировать со стороны нравственной неудобно, потому объявление было зачеркнуто» [17, л. 8 об.].

Даже объявления о продаже имений, присылаемые в столичные газеты из разных местностей Российской империи, признавались некоторыми приставами подлежащими цензуре местного полицейского начальства, (по месту жительства объявителей или нахождения имений), что создавало проволочку в помещении объявлений [17, л. 64] и причиняло огромные неудобства и убытки не только населению столицы, но и собственникам имений.

Для разъяснения возникших вопросов по поводу цензуры мелких объявлений Я.А. Плющевский-Плющик, исполняющий юрисконсультские обязанности по министерству внутренних дел, в августе 1900 г. пояснил, что для того, чтобы вызвать воздействие полиции, «объявление – реклама должна сама по себе иметь надлежащие признаки преступного, уголовно-наказуемого обмана, лживые же обещания, какими являются недобросовестные торговые объявле-

ния не составляют такого обмана. При отсутствии в самой рекламе, в ее тексте, преступного обмана, полицейское начальство должно ее разрешить без замедления», и полиция не должна «препятствовать совершению различных сделок и причинять не только стеснения, но и создавать возможность убытков. Проверка ... может быть произведена совершенно независимо от напечатания объявления. Иначе стремление охранить интересы населения выразится в прямом нарушении прав и выгод громадного большинства добросовестных объявителей» [17, л. 65 об. – 66].

Таким образом, обязанность полиции предупреждать обман и злоупотребления не должна была сводиться к задаче «проверять правильность сведений, помещаемых частными лицами в подаваемых ими объявлениях, раз эти объявления в самом своем содержании не противоречат ни в чем закону, государственному порядку или общественной нравственности» [17, л. 66].

Некоторые участковые приставы запрещали объявление к публикации по причине «предупреждения самовосхваления», «предупреждения полемики» или по причине «излишней оригинальности объявлений». По этому поводу было дано разъяснение, что «нигде в законе нет указания, чтобы в круг ведомства полиции входило попечение об устранении самовосхваления или излишней оригинальности или, чтобы подобный характер объявлений являлся недозволенным» [17, л. 66 об.].

Таким образом, было разъяснено, что «пределы власти полиции, в отношении цензуры объявлений, имеют достаточно точные границы: с одной стороны цензура должна касаться лишь самого содержания объявлений, с точки зрения их соответствия требованиям благочиния и внешнего приличия, а с другой – запрещению могут подлежать лишь такие объявления, которые преследуют цели явно преступные, т. е. имеют уголовно-наказуемый характер» [17, л. 67].

Помимо рассмотрения пределов власти полиции в деле проверки публикуемой рекламы было затронуто распоряжение Санкт-Петербургского градоначальника [22], по которому все объявления, напечатанные в «Ведомостях С.-Петербургского Градоначальника», могут затем без цензуры перепечатываться, но со ссылкой на газету. Данная мера была осуждена как несоответствующая «достоинству власти, коей вверена законом цензура и подтверждает нецелесообразность порядка, установленного в 1898 году» [17, л. 70].

Несмотря на обсуждение, длившееся почти 5 месяцев, в Главном управлении по делам печати министерства внутренних дел вопроса о порядке цензирования мелких объявлений, предназначенных к напечатанию в периодических изданиях [17], ситуация не изменилась. Разъяснения, данные специалистом, так и остались нереализован-

ными. В октябре 1900 г., когда в Главное управление по делам печати вновь поступила жалоба на действия участкового пристава по поводу проверки объявлений, П.Н. Дурново, товарищ министра внутренних дел, четко указал «предписать подлежащему приставу немедленно разрешить к печати объявление» [17, л. 85а об.].

Таким образом, законодательство о рекламе в начале XX в. было весьма размытым, что оставляло простор для довольно свободного трактования статей отдельных нормативных актов, что, в свою очередь, вызывало необходимость дополнять действующее законодательство о рекламе распоряжениями, пояснениями и циркулярами.

Регулирование рекламной деятельности осуществлялось подобным образом до издания Манифеста 17 октября 1905 г., после опубликования которого периодические издания и типографии перестали предоставлять объявления для цензуры и руководствоваться Уставом о цензуре и печати. В июне 1906 г. начальником Главного управления по делам печати было дано специальное разъяснение, что непредставление мелких объявлений является нарушением статьи 41 Устава о цензуре и печати, которое должно быть преследуемо судебным порядком [17, л. 98].

Итак, в начале XX в. все более весомой становится реклама в средствах массовой информации, достигающая одновременно численно большую аудиторию по сравнению с традиционными рекламными каналами (наружная и транзитная реклама). Широкий охват аудитории делал рекламу в прессе эффективным способом передачи коммуникационного сообщения с целью продажи, стимулирования сбыта и информирования о товарах и услугах не только для торгово-промышленных предприятий, но и для частных лиц, что нашло отражение в увеличении числа подаваемых объявлений в периодические издания. Увеличение делопроизводства по цензуре частных объявлений привело к передаче контроля за цензурой мелких объявлений из канцелярии градоначальника в местные участковые полицейские управления, что вызвало злоупотребление и превышение должностных полномочий на местах. Попытка упростить цензуру частных объявлений путем разрешения перепечаток из «Ведомостей С.-Петербургского Градоначальника» также не увенчалась успехом.

Таким образом, в начале XX в. в системе рекламораспространитель – потребитель назревает противоречие, связанное с неэффективностью действующего законодательства и отсутствием самостоятельного нормативно-правового акта и контролирующего органа в области регулирования рекламы. Местная полиция кроме своих основных функций по охране правопорядка должна была выполнять несвойственные ей обязанности контроля за рекламной деятельностью, добросовестностью и достоверностью публикуемых печатных объявлений.

Список литературы

1. Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. – М.: Наука, 1984. – 148 с.
2. Степанов А. А. История объявлений: газетная реклама в России XVIII–XX вв. – СПб.: РИАЛ – Пронто-Петербург, 2007. – 143 с.
3. Ученова В.В., Старых Н.В. История рекламы. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 447 с.
4. Семенова М.М., Семенов М.А. История рекламы. ATL и BTL – два образа одной модели. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2013. – 152 с.
5. Галанин С.Ф. Газетная реклама как исторический источник (по материалам казанских газет второй половины XIX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1999. – 23 с.
6. Николаева Д.В. Газетная реклама в России на рубеже веков (1894–1905): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 21 с.
7. Хавторина Ю.В. Развитие печатной рекламы в России в 1861–1914 годах (по материалам периодических изданий): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2011. – 23 с.
8. Лешуков А.Г. Социокультурная детерминация развития рекламы в России 1861–1900 гг.: автореф. дис. ... канд. культурологи. – Челябинск, 2015. – 24 с.
9. Крылова Е.Н. Российская реклама в конце XIX – начале XX в. // Современное информационное пространство: коммуникация в рекламе и PR: материалы междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2012. – С. 30–33.
10. Галанин С.Ф. Реклама как социокультурный институт в жизни российского общества во второй половине XIX века // Концепт. – 2014. – № 20. – С. 1981–1985.
11. Галанин С.Ф. Реклама в коммерциализации российского коммуникационного пространства во второй половине XIX века // Социальные коммуникации и эволюция обществ: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Новосиб. гос. техн. ун-т. – 2016. – С. 100–106.
12. Федотова Д.Ю. Развитие газетной рекламы в Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Тобольск научный – 2017: материалы XVI Всерос. науч.-практ. конф. – 2017. – С. 226–229.
13. Федеральный закон «О рекламе» от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ. Принят Государственной Думой 22 февраля 2006 г., одобрен Советом Федерации 3 марта 2006 г., в последней ред. с изм., внесенными Федеральными законами от 27.12.2018 № 514-ФЗ, от 02.08.2019 № 259-ФЗ), вступившими в силу с 01 января 2020 г. (ред. 61). [Электронный ресурс]. – URL: <http://logos-pravo.ru/zakon-o-reklame-po-38-fz> (дата обращения: 20.03.2020).
14. Устав о цензуре и печати: (Св. зак. т. 14). – СПб.: Н.К. Мартынов, 1900. – 302 с.
15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Гос. тип., 1890. – 526 с.
16. Устав о предупреждении и пресечении преступлений: Изд. 1890 г. – СПб., 1890. – 96 с.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 8. Д. 1370.
18. Плиский Н.Н. Реклама: ее значение, происхождение и история. Примеры рекламирования. – СПб.: Ф.В. Щепанский, 1894. – 175 с.

19. Верховой Н. Реклама в XX веке как необходимость и единственная верная гарантия успеха в каждом торгово-промышленном деле. – Ярославль: Тип. Губ. правл., 1902. – 12 с.

20. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. – М.: Независимая газета, 2000. – 666 с.

21. Веремеенко В.А. Организация найма прислуги в городах России во второй половине XIX – начале XX вв. // Модернизация в России: история, политика, образование: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, 5 апр. 2014 г. Вып. 6. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 85–94.

22. Ведомости С.-Петербургского Градоначальника. – 1900. – № 99. – 6 мая.

References

1. Bohanov A.N. *Burzhuaznaya pressa Rossii i krupnyj kapital. Konec XIX v. – 1914 g.* [The Russian bourgeois press and large capital in the XIX century – 1914]. – М.: Nauka, 1984. – 148 p.

2. Stepanov A.A. *Istoriya ob"yavlenij: gazetnaya reklama v Rossii XVIII–XX vv.* [History of advertising: newspaper advertisement in Russia of the XVIII–XX centuries]. – SPb.: RIAL – Pronto-Peterburg, 2007. – 143 p.

3. Uchenova V.V., Staryh N.V. *Istoriya reklamy* [History of advertising]. – М.: YUNITI-DANA, 2008. – 447 p.

4. Semenova M.M., Semenov M.A. *Istoriya reklamy. ATL i BTL – dva obraza odnoj modeli* [History of advertising. ATL and BTL – two images of the same model]. – Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2013. – 152 p.

5. Galanin S. F. *Gazetnaya reklama kak istoricheskij istochnik (po materialam kazanskih gazet vtoroj poloviny XIX veka)* [Newspaper advertising as a historical source (based on materials of Kazan Newspapers of the second half of the XIX century)]: avtoref. dis. kand. ist. nauk. – Kazan', 1999. – 23 p.

6. Nikolaeva D.V. *Gazetnaya reklama v Rossii na rubezhe vekov (1894–1905).* [Newspaper advertising in Russia at the turn of the century (1894–1905)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – М., 2002. – 21 p.

7. Havtorina Yu. V. *Razvitie pechatnoj reklamy v Rossii v 1861–1914 godah (po materialam periodicheskikh izdanij)* [Development of print advertising in Russia in 1861–1914 (based on the materials of periodicals)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – М., 2011. – 23 p.

8. Leshukov A.G. *Sociokul'turnaya determinaciya razvitiya reklamy v Rossii 1861–1900 gg.* [Socio-cultural determination of development of advertising in Russia, 1861–1900]: avtoref. dis. ... kand. kul'turologi. – Chelyabinsk, 2015. – 24 p.

9. Krylova E.N. *Rossijskaya reklama v konce XIX – nachale XX v.* [Russian advertising in the late XIX – early XX century] // *Sovremennoe informacionnoe prostranstvo: kommunikaciya v reklame i PR* [Modern information space: communication in advertising and PR]: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – SPb., 2012. – P. 30–33.

10. Galanin S.F. *Reklama kak sociokul'turnyj institut v zhizni rossijskogo obshchestva vo vtoroj polovine XIX veka* [Advertising as a socio-cultural institution in the life of Russian society in the second half of the XIX century] // *Koncept* [Concept]. – 2014. – № 20. – P. 1981–1985.

11. Galanin S.F. *Reklama v kommercializacii rossijskogo kommunikacionnogo prostranstva vo vtoroj polovine XIX veka* [Advertising in the commercialization of the Russian communication space in the second half of the XIX century] // *Social'nye kommunikacii i evolyuciya obshchestv* [Social communications and the evo-

lution of societies]: mater. V Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Novosibirskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet. – 2016. – P. 100–106.

12. *Fedotova D. Yu. Razvitie gazetnoj reklamy v Tobol'skoj gubernii na rubezhe XIX–XX vv.* [Development of newspaper advertising in the Tobolsk province at the turn of the XIX–XX centuries] // *Tobol'sk nauchnyj – 2017* [Tobolsk scientific-2017]. Mater. XVI Vseros. nauchno-prakt. konf. – 2017. – P. 226–229.

13. *Federal'nyj zakon "O reklame"* [Federal law "About advertising"]: [13 marta 2006 goda № 38-FZ: prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 22 fevralya 2006 goda : odobren Sovetom Federacii 3 marta 2006 goda: v poslednej redakcii s izmeneniyami (vnesennymi Federal'nymi zakonami ot 27.12.2018 N 514-FZ, ot 02.08.2019 N 259-FZ), vstupivshimi v silu s 01 yanvarya 2020 goda (red. 61). [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://logos-pravo.ru/zakon-o-reklame-no-38-fz> (data obrashcheniya: 20.03.2020)

14. *Ustav o cenzure i pečati: (Sv. zak. t. 14)* [Statute of censorship and press]. – SPb.: N.K. Martynov, 1900. – 302 p.

15. *Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh* [Code of criminal and correctional punishments]. – SPb.: Gos. tip., 1890. – 526 p.

16. *Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestuplenij* [Statute on the prevention and suppression of crimes]: Izd. 1890 g. – SPb, 1890. – 96 p.

17. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA)* [Russian state historical archive]. F. 776. Op. 8. D. 1370.

18. *Pliskij N.N. Reklama: ee znachenie, proiskhozhdenie i istoriya. Primery reklamirovaniya* [Advertising: its meaning, origin and history. Examples of advertising]. – SPb.: F.V. Shchepanskij, 1894. – 175 p.

19. *Verhovej N. Reklama v XX veke kak neobhodimost' i edinstvennaya vernaya garantiya uspekha v kazhdom torgovo-promyshlennom dele* [Advertising in the XX century as a necessity and the only sure guarantee of success in every commercial and industrial business]. – Yaroslavl': tip. Gub. pravl., 1902. – 12 p.

20. *Dnevnik Alekseya Sergeevicha Suvorina* [The diary of Alexey Suvorin]. – M.: Nezavisimaya gazeta, 2000. – 666 p.

21. *Veremenko V.A. Organizaciya najma prislugi v gorodah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Organization of hiring servants in Russian cities in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Modernizaciya v Rossii: istoriya, politika, obrazovanie* [Modernization in Russia: history, politics, education]: Mater. Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, 5 apr. 2014 g. Vyp. 6. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2014. – P. 85–94.

22. *Vedomosti S.-Peterburgskogo Gradonachal'nika* [Vedomosti of the St. Petersburg Mayor]. – 1900. – № 99. – 6 maya.

V. Дённингхаус

Аграрная революция «сверху» и немцы Поволжья (1906–1914 гг.)

Кульминация социальных и политических конфликтов в деревне вынудили Николая II пересмотреть политику «консервации» патриархального уклада крестьянской жизни. Инициатором ее стал Председатель Совета министров, бывший саратовский губернатор П.А. Столыпин. В его первой правительственной декларации была изложена программа широких государственных реформ, самой важной из которых стала земельная реформа, основной целью которой являлась смена формы собственности: общинное землевладение в деревне должна была сменить личная земельная собственность крестьян. В предлагаемом исследовании проанализированы социально-экономические условия жизни немцев Поволжья во время столыпинских аграрных преобразований. В статье делается основной вывод, что переход немецких колонистов к наследственному землевладению не привел к коренному изменению их экономического положения. Одним из подтверждений слабой эффективности аграрных реформ в немецких селениях Поволжья явился регулярный отток желающих эмигрировать в Америку.

В исследовании использовались два методологических инструментария – метод традиционной политической истории и истории повседневности. Под историей повседневности автор понимает не только историю быта, а историю поведенческих стратегий, моделей и механизмов поведения, которые вырабатываются отдельными индивидами, общественными группами и институтами в целях адаптации/деадаптации к государственным/политическим системам и режимам. Основным источником для написания статьи послужили документы из Государственного архива Саратовской области (ГАСО), где отложились документы по истории развития немецких колоний в Саратовской губернии.

Ключевые слова: Российская империя; национальная политика; экономическая деятельность; столыпинская аграрная реформа; этнодисперсные группы; нацменьшинства; поволжские немцы.

V. Dönninghaus

Agrarian revolution “from above” and the Volga Germans (1906–1914)

Culmination of social and political conflicts in the country forced Nicholas II to revise the policy of "conservation" of the patriarchal peasant's way of life. Chairman of the Council of Ministers, former Saratov Governor P.A. Stolypin was its initiator. His first government declaration outlined a program of broad state reforms, the most important of which was the agrarian reform, centrally aimed to change the form of

property: communal land ownership in the country had to be changed by the personal land ownership of the peasants. The proposed study analyzes socio-economic conditions of the Volga Germans during the Stolypin agrarian transformations. The article concludes that the transfer of German colonists to hereditary tenure did not lead to a radical change in their economic situation. One of the confirmations of weak effectiveness of agrarian reforms in the German villages of Volga region was the regular outflow of people willing to emigrate to America.

Two methodological tools are used in the study – the method of traditional political history and history of everyday life. By everyday life history the author understands not only the history of daily routine, but the history of behavioral strategies, models and mechanisms of behavior that are developed by individuals, social groups and institutions in order to adapt/disaccustom to state/political systems and regimes. The article is mainly based on the sources of the State Archive of the Saratov Region (GASO), where documents on the history of development of German colonies in the Saratov province were deposited.

Key words: Russian Empire; Nationalities policy; economic and household activities; Stolypin agrarian reform; Diaspora minorities; Volga Germans.

«Немецкий колонист Поволжья не являет собою тип германской нации, потомков древних тевтонов. Это новый народ, даже новая раса, создавшаяся в особых жизненных условиях ...» [1, с. 377]

Введение

К 1917 г. по обоим берегам Волги располагалось более двухсот немецких колоний, население которых превышало 400 тыс. чел. За время существования немецких поселений колонисты упорным трудом способствовали подъему экономики региона, быстрому росту торговых и промышленных центров Юго-Востока России (Саратов, Самара, Царицын, Камышин и др.).

В предлагаемом исследовании сделана попытка не только проанализировать политику российского правительства по отношению к поволжским немцам во время столыпинской аграрной реформы, включая социально-экономические условия их жизни, но и обрисовать повседневную жизнь бывших колонистов [2, с. 10]¹, учитывая их нехарактерную для других групп российских немцев особенность, а именно – общинное землевладение. В статье раскрываются правовые и экономические проблемы жизни немецкого населения в период проведения столыпинской аграрной реформы, даны оценки реакции немцев на ликвидацию общины и создание «фермерских»

¹ Четвертого июня 1871 г. указом императора Александра II была ликвидирована особая колонистская администрация, колонисты перешли под общероссийское управление и получили статус поселян-собственников с теми же правами и обязанностями, что и русские крестьяне.

хозяйств. Показаны характерные черты и особенности эмиграционного движения в Поволжском регионе в исследуемый период. Главные вопросы исследования состоят в том, насколько специфическим был ответ колонистов на вызовы консервативной российской модернизации, в первую очередь в сравнении с окружающим их русским населением, какие основные факторы повлияли на его наполнение, в какой степени выбор, сделанный поволжскими немцами, был вынужденным, а в какой – добровольным.

Активное изучение истории российских немцев в Поволжье давно ведется как западными, так и российскими историками [3–14]. Учитывая то обстоятельство, что до конца 1980-х гг. для зарубежных исследователей были практически недоступны фонды советских архивов, необходимо выделить, в первую очередь, известную работу американского историка Джеймса В. Лонга «От привилегированных до лишенных собственности. Поволжские немцы, 1860–1917 гг.». В своей монографии, написанной на основе опубликованных источников и литературы, Д. Лонг попытался всесторонне рассмотреть проблемы развития немецкого этноса в Поволжье, включая аспекты экономической и культурной жизни поселенцев с периода от начала Великих реформ Александра II до Февральской революции включительно [7]. В тоже время, недоступность материалов российских архивов негативно сказалась на целом ряде сделанных автором выводов и обобщений в его фундаментальном исследовании.

Основная масса работ по истории поволжских немцев в исследуемый нами период затрагивает, как правило, лишь отдельные аспекты их жизни, к примеру, организацию и роль земского самоуправления (Томас Феллоус, Джеймс Лонг) [15; 16, с. 336–361; 17, с. 139–159]. Не остались вне поля зрения как российских, так и зарубежных историков проблемы эмиграции среди поволжских немцев конца XIX – начала XX столетий, включая основные этапы и мотивы этого движения [18, с. 133–143; 19, с. 87–101; 20; 21; 22, с. 97–108]. Среди авторов, затрагивавших эту тематику, необходимо выделить работу Тимоти Клоберданца, в которой он проанализировал влияние эмиграции на идентичность и самосознание поволжских немцев [23, с. 54–72; 24, с. 172–189]. Образ поволжских немцев в германской публицистике и политике стал объектом внимания Дитмара Нойтатца [25, с. 115–133].

В целом же необходимо отметить, что история немецких колоний в Поволжье в период между двумя революциями (1905–1917 гг.) изучена пока еще недостаточно полно. Фактически нет отдельных монографий или обобщающих трудов, исследующих в настоящем ракурсе этот важнейший для истории России отрезок времени [1;

26]¹. Исключение составляет научный сборник «Между реформой и революцией: немцы на Волге в 1870–1917 гг.», изданный в Германии, под редакцией Дитмара Дальманна и Ральфа Тухтенхагена [27], а также монография Виктора Деннингхауса «Революция, реформа и война. Немцы Поволжья в период заката Российской империи» [28–29]. Серьезный вклад в исследование проблематики поволжских немцев в межреволюционный период внес А.В. Воронежцев, проанализировавший в своих публикациях как этапы проведения столыпинской аграрной реформы в немецких селениях Саратовской губернии, так и состояние немецкой деревни Поволжья в период Первой мировой войны [30, с. 220–231; 31, с. 71–95]. Исследования С.Г. Нелиповича [32, с. 262–283; 33, с. 42–51; 34, с. 32–42; 35, с. 365–380; 36, с. 106–117], В.П. Тотфалушина [37, с. 181–183], Д.Г. Решетова [38; 39, с. 184–195; 40, с. 52–62; 41] и А.В. Посадского [42] посвящены изучению политики борьбы с «немецким засильем» во время войны, социально-экономическому положению немецких селений Саратовской и Самарской губерний в военное время.

Основным источником для написания статьи послужили документы из Государственного архива Саратовской области (ГАСО), где отложились документы не только по истории развития немецких колоний в Саратовской, но и в соседней, Самарской губерниях. Особую ценность для исследования социально-экономического и политического развития немецкого этноса в Поволжье, политики властей и ее проведения в жизнь местными органами представляют материалы Канцелярии Саратовского губернатора (Ф. 1) и материалы Саратовского губернского жандармского управления (Ф. 53). Среди отдельных архивных собраний, касающихся процессов проведения столыпинской реформы в немецких и русских селениях, необходимо выделить фонд Саратовского губернского присутствия (Ф. 23) и фонд Саратовской губернской землеустроительной комиссии (Ф. 400). Использованная автором документальная база была дополнена и уточнена материалами газеты «Камышинские вести» (1910), содержащей корреспонденцию непосредственно самих немецких поселян-собственников.

В исследовании использовались два методологических инструментария – метод традиционной политической истории и истории

¹ Необходимо отметить, что большой интерес до сих пор представляет работа Якова Дитца, депутата I-ой Государственной Думы от Саратовской губернии, привлечшего в процессе написания своей книги документы, не сохранившиеся до наших дней. Несмотря на догматический классовый подход в методологии исследования и ее крайнюю идеологизацию, актуальной до сих пор остается и монография Д. Шмидта, в которой имеется много фактического материала, не представленного в ряде других исследований.

повседневности. Такой выбор диктовался не столько личным предпочтением автора, сколько особенностями использованных ими комплексов исторических источников, задававших правила и границы своего прочтения. Под историей повседневности автор, опираясь на труды А. Людтке (Alf Lüdtke) и Ш. Фицпатрик (Sheila Fitzpatrick), понимает не только историю быта, а историю поведенческих стратегий, моделей и механизмов поведения, которые вырабатываются отдельными индивидами, общественными группами и институтами в целях адаптации/дезадаптации к политическим системам и режимам.

1. Немцы и «русский мир»

На основании закона о единонаследии (Указ императрицы Екатерины II о распорядке в колониях от 1764 г.), хозяйство после смерти колониста, со всеми правами и обязанностями наследовал только младший сын. Старшие сыновья должны были заниматься ремеслом или торговлей, т.е. деятельностью, не связанной с земледелием. Данный порядок наследования имел место в Голландии, в ряде местностей Северной Германии и Франции (Бретань), где привел к хозяйственному расцвету этих регионов на основе тесного взаимодействия фермерского сельского хозяйства и мануфактурной промышленности. Яркий пример влияния данного закона на жизнь немецких колонистов дают меннонитские колонии Юга Украины, где система единонаследия была полностью сохранена. Данному процессу в южных колониях сопутствовало прежде всего то, что меннониты, являясь выходцами из Голландии и северо-западной Германии, издавна придерживались этой формы наследования земли. Для меннонитских колоний Новороссии было привычным явлением, когда только один из сыновей получал все 65-десятинное хозяйство, хотя при этом в колониях скапливалась большая группа безземельной молодежи [43, с. 139–140].

В колониях Поволжья положение в вопросе наследования земли отличалось от положения колонистов Юга. Хотя закон о единонаследии первоначально распространялся и на поволжских колонистов, у них система единонаследия не прижилась. Для интенсивного сельского хозяйства здесь не было необходимых географических и социально-экономических предпосылок. Засушливая степь была непригодна для интенсивного развития молочно-сырного производства, города были слабо развиты и малочисленны. Немецкие ремесленники не могли конкурировать с более дешевыми товарами русских мастеров. Подраставшие сыновья колонистов оказывались, согласно предписанной системе наследования, и без земли, и без работы. Запасы земли в колониях быстро закончились, молодежь не могла найти применения своему труду. Кроме того, колонисты Поволжья, выходцы из юго-западной Германии, не знали «голландских» правил наследования и не признавали их. Закон о

единонаследии не нашел поддержки и среди самой колониальной администрации [43, с. 141].

Директор экономии Огарев, управлявший поволжскими колониями в 1783–96 гг., предложил колонистам принять русскую передельную общину вместе с присущей ей круговой порукой. Это предложение было принято колонистами. Таким образом, в Поволжье возникла настоящая русская община или «мир», как ее называли сами немцы. Старшие сыновья колонистов при этом также получали земельные участки, все были обеспечены землей поровну, росло число новых семей. Но земли становились все меньше, и со временем колонисты были вынуждены все чаще арендовать землю. Большинство обедневших поволжских немцев владели небольшими и достаточно удаленными от села наделами. Существование в Поволжье передельной общины не допускало накопления земли и капитала в руках богатого колониста и тормозило развитие свободного фермерского хозяйства. Следует отметить, что системы земледелия, сложившиеся в «материнских» колониях Поволжья и Причерноморья, были полностью перенесены и в «дочерние» колонии [43, с. 141].

Если к середине XIX в. на правом берегу Волги проживало около 95 тыс. колонистов, то по переписи 1897 г. их численность достигла более 160 тыс. чел. [44, с. 210; 7, с. 12]¹. Одновременно выросло и количество немецких семейств, что объяснялось не столько общим приростом населения, сколько раздроблением старых, «многолюдных» семей. Следствием этого разделения явилось не только обнищание отдельной части колонистов, за счет уменьшения в каждой отдельной семье рабочих рук, скота и инвентаря, но и немецких колоний в целом [45, л. 3 (а) об.; 46, с. 66–67]. Оценивая положение немцев в Камышинском уезде в январе 1900 г., земский начальник Лавров констатировал: «... Я, со своей стороны, никаких особенных отличий у них от русского населения указать не могу; ... тоже общинное владение землей, также отжившая свой век трехпольная система, также не удобряются поля и, наконец, те же хлеба возделываются ...» [45, л. 31 об.].

Вследствие недостатка пахотных площадей для нормального существования и содержания семей, колонисты, как и русские крестьяне, были вынуждены прибегать к регулярной аренде помещичьих земель, несколько смягчавшей остроту земельной проблемы, но не решавшей ее [7, с. 119]. Так, например, только благодаря аренде существовали, точнее говоря выживали, немецкие поселен-

¹ После отделения Заволжья в 1850 г., на территории Саратовской губернии остались лишь правобережные немецкие колонии. Немецкие поселения на левом берегу Волги отошли к Самарской губернии, где по переписи 1897 г. проживало уже более 215 тыс. немецких поселян.

цы Ягодно-Полянской волости, где к началу XX столетия на число «наличных по разверстке душ» приходилось менее одной десятины¹ пахотной земли. Причем эта незначительная площадь совершенно не засеивалась пшеницей², а лишь картофелем, подсолнухом и рожью [7, с. 83–84, 88; 47, л. 20]. Резкий рост цен за долгосрочную аренду земли и часто повторяющиеся неурожаи привели к большим задолженностям среди населения Саратовской губернии, включая и немецких поселенцев. Многие из колонистов были уже не в состоянии оплачивать землю на условиях арендаторов, что вынуждало их сеять – «исполу», т. е., отдавая половину урожая владельцу земельного участка.

Проблема малоземелья вынудила, к примеру, колонистов Сосновской волости прибегнуть к дополнительным, побочным заработкам – сарпиночному производству [47, л. 120 об. – 121; 1, с. 276–277]. Причем, поселяне, всецело посвятившие себя ткачеству сарпинки (45% всех семей), сдавали свои душевые земельные наделы в аренду своим же нуждающимся землякам – земледельцам, на весьма невыгодных для последних условиях «испольщины» [7, с. 123, 157]. Таким образом, наряду с обогащением одной части колонистского населения, постепенно скатывалась к нищете другая ее часть. В то же время, исключить использование надельной землей колонистов – ремесленников, остававшихся членами общин, не представлялось реальным [45, л. 9 об.].

Рост малоземелья и необходимость поиска заработков на стороне вели к оттоку беднейшей части колонистов, как и их русских соседей, в большие города. Это нарушало сложившиеся патриархальные порядки, приводя к определенной «нравственной деморализации» данных членов общины [45, л. 9 об.].

Одним из последствий разорения поволжской деревни явилось появление большого количества нищих в городских и сельских центрах региона. Причем среди нищих все чаще стали попадаться и немцы, традиционно считавшиеся крепкими хозяевами [48, с. 27; 49, с. 22]. Один из корреспондентов, описывая ситуацию в Камышинском уезде весной 1910 г., с удивлением отмечал: «Верхняя Добринка, волею судеб посаженная чуть ли не в центре немецких колоний, круглый год, а в особенности в великие праздники, осаждается немцами-нищими, [которые] ... во множестве шатаются по дворам и выпрашивают милостыню или же наполняют церковную ограду и здесь собирают подаяния ...» [50, с. 3].

¹ В ряде документов встречается цифра еще меньше – 28,5 кв. сажень на одну душу мужского пола (одна сажень составляет 2,13 м).

² Именно пшеница являлась основным объектом сельскохозяйственной деятельности поволжских колонистов в предвоенные годы, занимая обычно около 45 % посевных площадей.

Постоянный недостаток необходимых материальных средств неизменно отражался и на состоянии здоровья колонистов. Характерным примером тому может служить массовое распространение в начале XX в. в немецких селениях трахомы – глазной болезни, неизменного спутника антисанитарных условий проживания и нищеты [51, с. 3].

2. Столыпинская аграрная реформа в немецкой деревне

Кульминация социальных и политических конфликтов в деревне вынудили Николая II пересмотреть политику «консервации» патриархального уклада крестьянской жизни. Инициатором ее стал Председатель Совета министров, бывший саратовский губернатор П.А. Столыпин. В его первой правительственной декларации была изложена программа широких государственных реформ, самой важной из которых стала земельная реформа, основной целью которой являлась смена формы собственности: общинное землевладение в деревне должна была сменить личная земельная собственность крестьян.

Столыпинскую аграрную реформу немцы встретили настороженно, без особого энтузиазма. Процесс покупки-продажи земли в немецких колониях нес в себе угрозу существования не только общины, но и самой этнической целостности немецких поселений. Одно представление, что в результате этого процесса в колонию могли вторгнуться «чужие» лица, деформируя социально-этнические устои сложившегося общества, вынуждали часть немцев не только занять выжидательную позицию, но и выступить против подобного вторжения [7, с. 133–134].

Вместе с тем, в немецких колониях Поволжья не наблюдалось особого водораздела, рассекавшего немцев – «хуторян» с одной стороны и общинников с другой, как это происходило в русских селениях на фоне настоящей перманентной войны и раскола деревни на два враждебных лагеря [52, с. 24]. В отличие от русских крестьян, активно бойкотировавших избрание своих кандидатов для работы в землеустроительных комиссиях и не являвшихся на сельские сходы, немецкие поселяне продемонстрировали свою полную лояльность властям: среди 30 % бойкотировавших выборы волостных сходов не оказалось ни одной немецкой волости [53, л. 5, 12–13; 30, с. 221].

В целом по России наиболее значительный выход крестьян из общины наблюдался именно в первые годы проведения аграрной реформы. Эта же тенденция была характерна и для русских селений Саратовской губернии, где в 1906–1909 гг. было отмечено более 50% всех выделов из общины [53, л. 5, 12–13]. Но уже в 1909 г. стали фиксироваться случаи повторного возвращения выделенцев к общинному землепользованию, а к началу 1910 г. численность же-

лающих покинуть общину резко снизилась. На вопрос о том, что же заставило их принять такое решение, крестьяне, как правило отвечали: «Жить тяжело. ‚Мир‘ злобится на нас, за то, что выделились...» [52, с. 21]. К 1912 г. период более или менее интенсивного выхода крестьян Саратовской губернии из общины практически закончился. Если в течение 1906–1912 гг. укрепили землю в частную собственность и покинули общину более 87 тыс. домохозяев (90 % от всех выходов), то за все остальные годы проведения реформы, число выделенцев едва достигло 10 тыс. В общей сложности, в Саратовской губернии за 1906–1912 гг. укрепили землю в частную собственность около 25 % всех крестьянских дворов (по России, для сравнения, только 17 %) [48, с. 94; 52, с. 21; 54, с. 591–592].

В немецких селениях, напротив, на начальном этапе аграрных преобразований имело место весьма инертное отношение поселян к выходу из общины. Большинство сельских обществ противились переменам, предпочитая новому аграрному порядку традиционные переделы земли, а численность немцев – выделенцев была минимальной. С момента введения Указа от 9 ноября 1906 г. и вплоть до 1910 г. лишь несколько немецких селений рискнули полностью перейти к частному владению землей. Причем, укрепив ее в личную собственность за всеми домохозяевами, решения выйти на отруба принято не было, что естественно сохраняло традиционную чересполосицу. К 1910 г. только в шести из 57 немецких колоний на общинных сходах удалось набрать две трети голосов, необходимых для перехода на частную земельную собственность [30, с. 221–222; 7, с. 134–136; 26, с. 352–353].

Перелом в психологии поселян-собственников наступил лишь в 1910 г., после официально утвержденного Госдумой Закона от 14 июня, проявившись в массовом оттоке немецкого населения на отруба¹, нередко целыми селениями [54, с. 591–592; 26, с. 352–355]. Процесс разрушения немецкой общины Саратовского Поволжья был весьма показателен. Так, за время реформы только в Камышинском уезде общину покинули около 15,5 тысяч немецких домохозяев, что составило 71 % от их общей численности. При этом, около 11 тыс. из них (69,4 %) вышли на отрубное и хуторское хозяйство². В общей сложности, община полностью прекратила свое существование в 32 из 51 колонии Камышинского уезда [55, л. 242 об.–243; 56, л. 1 об.–2; 57, с. 90; 58, с. 443].

¹ Закон предписывал землеустроительным комиссиям отдавать предпочтение разверстанью целых селений, а одиночными выделами заниматься в последнюю очередь.

² Необходимо учитывать, что остающиеся члены общины увеличивали свои наделы в основном за счет тех поселенцев, которые переселялись на купленные отруба.

Наряду с обеспеченными хозяевами, наблюдался и массовый выход деревенской бедноты, воспользовавшейся своим правом избавиться от наделных земель, чтобы уехать в город, переселиться в Сибирь или податься в эмиграцию. Причем, выгнанная или вышедшая на хутора и отруба беднота, оставалась беднотой и там. По различным подсчетам, около 24 % выделенцев Саратовской губернии сразу продали свои участки [48, с. 95; 54, с. 592–593]. Не составили особого исключения и немецкие колонисты.

3. Противодействие немцев аграрным преобразованиям в деревне

Главная трудность, с которой столкнулась новая аграрная политика в Поволжье, как и в целом по России, была связана с недовольством большей части крестьян навязанным сверху земельным переустройством и их активным противодействием столыпинским преобразованиям. Нередко общинники допускали антиправительственные выкрики на сходах, оскорбляли членов землеустроительных комиссий, отказывались выделять денежные средства, людей, лошадей и материалы, необходимые для размежевания земли и т. д. [59, л. 122–122 об., 124–124 об., 128]. В ряде русскоязычных селений Поволжья между выделенцами и общинниками развернулась настоящая борьба на почве аграрного переустройства. Закрепление наделов в личную собственность нередко лишало крестьян лучших земель, осложняло им доступ к водоемам, пастбищам и выгонам. Общинники и выделенцы жили бок о бок, что давало первым возможность регулярного воздействия на вторых без улик и свидетелей. Диапазон такого воздействия крестьян-общинников на выделенцев был невероятно широк: от косога взгляда и насмешки до поджогов и убийств [52, с. 17; 60, с. 157–158; 61, с. 214–215]. Были зафиксированы случаи, когда детей выделенцев не принимали в школу, а молодоженов не пускали венчаться в церковь. Нередко вышедшим из общины запрещали пользоваться дорогами, колодцами, реками, озерами и прудами. В соседней Уфимской губернии наблюдались даже случаи, когда сходы запрещали хоронить членов семей отрубщиков и хуторян на сельском кладбище [52, с. 17]. Саратовский губернатор А.А. Ширинский-Шихматов (1913–1915) отмечал в своем письме к П.А. Столыпину, что «отношение крестьян-общинников к крестьянам, перешедшим к новым формам землепользования, действительно, во многих местах Саратовской губернии враждебно» [52, с. 18].

Как уже указывалось выше, ситуация в немецких селениях была кардинально иной. «Наши колонисты спокойны ..., – констатировал, к примеру, старшина из немецкого селения Лесной Карамыш в январе 1906 г., – несмотря на малоземелье и полную несостоятельность системы управления колониями, здесь нет ни аграрных

беспорядков, ни политических движений ...» [53, с. 2]. Причину подобной политической апатичности немцев староста из соседнего немецкого селения Таловка объяснял следующим образом: «У нас нет земли, нет порядка, а явись мы со своими требованиями, нас забьют, скажут: ,И вы с жидами за одно бунтовать вздумали, хотите заводить у нас свои немецкие порядки'. И признают нас изменниками и казачьими полчищами сотрут с лица земли ...» [53, с. 3]. Подобное высказывание как нельзя точно отражает настроения, доминировавшие в немецких селениях в первое десятилетие XX в., включая период активных революционных выступлений 1905–1907 гг. Немецкие поселенцы просто не могли позволить себе роскоши открыто выступить против режима, даже несмотря на их скрытое недовольство. Ведь это, несомненно, дало бы дополнительный импульс российским национал-патриотам при обвинении немцев в неоялльности и предательстве приютившей их «*матушке*» России.

Несмотря на то, что в немецких волостях серьезной агитации и массовых выступлений в период аграрной реформы не отмечалось, отдельные случаи «неповиновения»¹ все-таки имели место и здесь [7, с. 134]. В июне 1907 г. Камышинская уездная земская управа предприняла попытку обсуждения на сельских сходах проблемы перехода земледельцев к хуторскому хозяйству. При этом, по заключению Саратовского жандармского управления, управа весьма «тенденциозно» описала суть хуторского хозяйства, выделив лишь негативные стороны частного землевладения. Причем инициаторами обращения выступили председатель управы Т.К. Зиньковский (позже отданный властями под суд) и ее член – немецкий поселянин Е.Т. Брандт [48, с. 168; 30, с. 222; 63, л. 2 об.].

Следует отметить, что в ряде сельских обществ в немецкоязычных селениях долгое время шла незримая борьба между лицами, стремившимися выйти из общины и общинниками. Причем даже единичные укрепления наделов в личную собственность вносили в общину раскол, так как укрепивший свой чересполосный надел поселянин автоматически получал право на выделение ему земли в отдельном месте. Чтобы подобное желание выделенцев не попадало в зависимость от соглашения с «миром», Министерство внутренних дел даже предписало проводить подобные выделы не только во время очередных переделов, как это было зафиксированно в Указе от 9 ноября 1906 г., но и в промежутках между ними. На практике это означило, что даже один единственный выделенец мог раз в год потребовать передела всех общинных земель.

¹ По мнению Дж. Лонга, сопротивление столыпинской реформе прежде всего проявлялось в тех колониях, где община была крепкой, существовала продолжительное время, а также там, где остро ощущалась нехватка земли.

Что касается административного давления на поволжских немцев с целью ускорения их выхода из общины, то выявленные источники, как правило, его не отражают. В частности, нам удалось выявить только несколько единичных случаев, имевших место в Камышинском уезде в исследуемый период [30, с. 224]. Так, например, Сосновское сельское общество в сентябре 1908 г. вынесло решение о переделе всей пахотной земли с ее последующим укреплением в личную собственность. Камышинский уездный суд и Саратовское губернское присутствие не утвердили данный приговор немецких поселенцев, посчитав, что такое решение «противоречит целям землеустройства, так как избранный обществом порядок землепользования не устраняет чересполосицы и парализует навсегда стремление отдельных крестьян к выделу земли в одном месте» [64, л. 7–8 об.; 65, л. 2, 5 об. – 6]. Несмотря на позицию губернских властей, Правительствующий Сенат поддержал своим решением от 8 февраля 1913 г. приговор Сосновского общества, разрешив разбивать им наделенную землю на подворные участки по их собственному желанию [64, л. 7–8 об.; 31–32].

Аналогичная попытка имела место и в селении Голый Карамыш (Balzer), где сельское общество для окончательного передела и укрепления земли в противовес установкам местных властей вновь приняло в свой состав единоличников [65, л. 2–3 об., 5–6].

В целом, анализ выявленных документов позволяет нам сделать вывод о весьма слабом противодействии немецких поселян проведению аграрных преобразований, особенно на фоне настоящей перманентной войны и раскола деревни на два враждебных лагеря в соседних, русскоязычных селениях [66, л. 102–103 об.; 48, с. 97–99; 7, с. 135]. Особого водораздела, размежевавшего отрубщиков (хуторян), с одной стороны, и общинников, с другой, в большинстве немецких поселений Поволжского региона не наблюдалось.

4. Поиск «земли обетованной»

Для многих немецких земледельцев «слабого достатка» реформа Столыпина и связанное с ней выделение государственных земель на востоке страны представлялось единственным средством спасения от бедности. Удешевленный проезд по железной дороге, возможность продажи своего наделенного участка без согласия на то общины, надежда разбогатеть – вот основные мотивы, побуждавшие немецкую бедноту на переселение за Урал.

Анализируя процесс организации немецких селений в Кулундинской степи, Л.В. Малиновский заметил, что почти все они возникли именно в начальный период столыпинской реформы. Так, из 51 колонии 45 возникли в 1907–1910 гг. В 1910–1914 гг. здесь было создано всего лишь 5 немецких поселений. При этом основное

население их составили переселенцы с юга Украины; немцев из Поволжья среди них было относительно мало [58, с. 94]. В то же время поток миграционного движения поволжских немцев был отмечен в Казахстане и Средней Азии. Среди 30 немецких поселений, возникших в 1901–1910 гг. в северных уездах Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей, именно мигранты из немецких колоний Поволжья составили основное большинство [67, с. 166].

Однако поиск «земли обетованной» за Уралом нередко заканчивался для немецкой бедноты настоящими трагедиями. Описывая одно из таких переселений в Сибирь, житель колонии Ключи Сосновской волости сообщал: «... Желание [переселиться] приняло эпидемический характер – до 250 семей ... зимой 1908 г., явилось в местное сельское управление для получения выписок из посемейного списка ...» [50, с. 3]. Многие из поселян, поверив сказочным мифам проживавших в Сибири земляков об их материальном благополучии, распродав свои дома, скот, скарб и не успев даже получить специальных свидетельств для проезда по льготному (переселенческому) тарифу, отправились зимой туда, «где их встретило полное разочарование» [58, с. 92–94]. Большая часть переселившихся семей была вынуждена сразу же вернуться назад, потеряв при этом последние накопления, с твердым убеждением, что «наши же ключийцы – такие же заурядные бедняки, какими были и дома ...» [50, с. 3]. «Переселенческий дух пропал, – отмечали очевидцы, подводя итоги поездки в Сибирь, – охота к переселению как рукой снята» [50, с. 3].

На факты бедственного положения переселенцев, стоявших на грани нищеты, обратил свое внимание и корреспондент газеты «*Odessaer Zeitung*», посетивший в 1907 г. селение Келлеровка в Северном Казахстане. Он подтвердил случаи «заманивания» новоселами своих же односельчан и родственников, зачастую путем обмана, чтобы просто занять у них денег [58, с. 93]. В итоге для значительной части переселенцев-неудачников, вынужденных вернуться назад в родные селения, оставался только один путь – эмигрировать. В противном случае они могли пополнить и без того многочисленную армию поволжских «босяков».

5. Эмиграция в Америку

Только за период с 1900 по 1909 гг. из одного Саратовского Поволжья эмигрировали около 21 тыс. немцев: свыше 17,5 тыс. из Камышинского и более 3,5 тыс. из Аткарского и Саратовского уездов [68, л. 118–118 об.]. Основная часть эмигрантов направлялась в Северную Америку (США, Канаду, Мексику), и лишь небольшая оседала в Южной Америке (Аргентине, Бразилии, Парагвае) [69, с. 176]¹.

¹ Первый поток немецких эмигрантов из Нижнего Поволжья в Бразилию и Аргентину был отмечен в 1876 г.

По мнению местных властей Усть-Кулалинской волости (декабрь 1900 г.), причины роста ежегодного оттока немецкого населения на постоянное место жительства в страны Нового Света заключались в следующем: «Местное население имеет недостаток в пахотной земле, за последние годы впало в бедность, кругом задолжено и не имеет добросовестно оплачиваемых заработков, а в Америке – труды земледельца оплачиваются хорошо...» [70, л. 18 об.].

Эмиграционное движение, включая кратковременный выезд на заработки, затронуло не только чисто земледельческие колонии, жителей которых на переселение толкал земельный «голод» и низкое качество наделных участков, но и регионы, где немало поселенцев существовали за счет развития кустарно-ремесленного производства [68, л. 11 об.]. В целом, отношение в бывших немецких колониях к эмигрантам было уважительное, так как при общинном владении землей остающиеся односельчане получали существенную выгоду, пользуясь наделными участками уехавших за границу за сравнительно низкую плату [68, л. 11 об.; 7, с. 31, 122–123].

Местные власти однозначно заявляли, что никакого ущерба интересам местного населения эмиграция не приносит, недостатка в наемной рабочей силе не наблюдается и «расстройства» в крестьянское хозяйство не вносятся, а скорее наоборот, «остающиеся на родине, пользуясь земельными наделами отъезжающих за недорогое вознаграждение, поправляют свои хозяйства» [68, л. 6–6 об.]. В свою очередь, эмиграционное движение прямо способствовало разделению больших немецких семейств, ослабляя тем самым катастрофическое влияние роста населения в немецких колониях. Местные представители власти подтверждали, что немецкое население к эмиграционному движению относится с «большой симпатией», особенно, к выселяющимся целыми семьями, не без умысла предполагая, что последние оставят свою землю в пользу общины [68, л. 6б]. По понятным причинам, такая «симпатия» со стороны оставшихся поселян отмечалась лишь до начала столыпинских аграрных преобразований. После издания Указа от 9 ноября 1906 г., у выезжавших за рубеж колонистов появилась возможность продать свои земельные наделы, что нередко приводило к конфронтации с однообщинниками [71, л. 2–3 об.].

После выхода столыпинского Указа, в немецких селениях Поволжья усилилась и тенденция реэмиграции. Так, по наблюдениям волостных органов Саратовской губернии, были отмечены случаи возвращения реэмигрантов на родину, движимых одной целью – «посмотреть на открывающиеся новые условия владения землей в России и решить, что дальше делать» [68, л. 73 об.]. Однако, кроме желания воочию убедиться в перспективах и возможностях правительственной земельной реформы, многие эмигранты были зача-

стую вынуждены вернуться назад, чтобы не потерять свое право на владение надельными землями.

Эмиграционное движение среди немецких поселенцев, включая краткосрочные выезды на заработки, не прекращались весь предвоенный период. Причем, в целом по России, пик этого движения пришелся именно на последние предвоенные годы (1912–1914) [21, с. 331–332, 334]. Впечатляющий рост эмигрантов из немецких поселений с общинной системой землевладения, свидетельствовал о «голосовании ногами» данной части поселян против общины, отсутствии страха разрыва с ней. Однако, наряду с этой тенденцией, по сути закономерной в момент ломки общинной системы, четко проявился и количественный рост эмигрантов из уже разделенных на отруба немецких селений.

Отток беднейших слоев населения немецких волостей за границу, включая движущую силу любой революции – молодежь, как и вообще сама возможность выезда из России, привели к более мягкому социально-классовому «климату» в немецких колониях, по сравнению с русскими деревнями Поволжья. Эмиграция явилась своеобразным клапаном, через который вырывалось недовольство определенной части немецких поселенцев их имущественным и социальным положением, а также патриархальным характером заимствованной от русских соседей общиной.

Эмиграционную волну российских немцев смогла остановить лишь Первая мировая война, а точнее говоря, закрытие государственных границ с момента ее начала. По различным данным, с 1874 по 1914 гг., за океан переселилось около 100 тыс. поволжских колонистов [72, с. 174; 19, с. 87].

Заключение

Аграрное перенаселение, проявлявшее себя в немецких колониях уже с середины XIX в., к началу XX столетия стало важнейшим фактором, влиявшим на социально-экономическое развитие не только мест компактного проживания немцев, но и всего Нижнего Поволжья. Развитие товарно-денежных отношений, возникновение безработицы, рост отходничества и появление новых регионов переселения приводили не только к коренной ломке психологии единичных поселян-собственников, но и всего патриархального жизненного уклада их обществ.

Решение проблемы малоземелья в немецких селениях, несмотря на всю ее остроту, в отличии от соседних русских деревень, не выходило за рамки жарких споров между бедными и богатыми поселянами, в крайнем случае выливаясь лишь в потасовки и драки. Среди основных причин такой низкой политической активности колонистов Поволжья необходимо выделить слабовыраженное соци-

альное расслоение в немецких селениях, отсутствие крупного помещичьего землевладения, массовое незнание русского языка.

Главная трудность, с которой столкнулась новая аграрная политика в Поволжье, как и в целом по России, была связана с недовольством большей части крестьян навязанным земельным переустройством и их активным противодействием столыпинским преобразованиям в деревне. В немецких селениях, напротив, серьезной агитации и массовых выступлений в период аграрной реформы не отмечалось, за исключением отдельных случаев «неповиновения» властям. Тем не менее процесс покупки-продажи земли в немецких колониях нес угрозу существованию не только самой общины, но и этнической целостности немецких поселений. Вместе с тем, особого водораздела, разделявшего немцев-выделенцев, с одной стороны, и общинников, с другой, в немецких колониях Поволжья не наблюдалось. Проблему земельного голода немецкие поселяне решали специфическим, «нереволюционным путем»: эмиграцией за океан, переселением в далекую Сибирь, арендой свободных земель в соседних регионах, путем развития ремесленного производства и т. д.

Список литературы

1. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. – М.: Готика, 1997. – 495 с.
2. Немцы России: Энциклопедия. / Die Deutschen Russlands. Enzyklopädie / Под ред. В. Карева. – М.: ЭРН, 1999. – Т. 1. – 832 с.
3. Koch F.C. The Volga Germans in Russia and the Americas from 1763 to the Present. – London: Penn State University Press, 1977. – 388 p.
4. Scheuerman R.D., Trafzer C.E. The Volga Germans. Pioneers of the Northwest. – Moscow: University Press of Idaho, 1985. – 245 p.
5. Bourret J.-F. Les Allemands de la Volga. Histoire culturelle d'une minorité, 1763–1941. – Lyon: Presses Universitaires, 1986. – 530 p.
6. Schippan M., Striegnitz S. Wolgadeutsche. Geschichte und Gegenwart. – Berlin: Dietz-Verlag, 1992. 240 S.
7. Long J.W. From Privileged to Dispossessed. The Volga Germans, 1860–1917. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1988. – 337 p.
8. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге 1918–1941. Ч. 1. Автономная область. 1918–1924. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1992. – 192 с.
9. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге 1918–1941. Ч. 2. Автономная республика. 1924–1941. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1994. – 416 с.
10. Немцы в Саратовском Поволжье (Сообщения Энгельсского краеведческого музея. Вып. 5.). – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. – 148 с.
11. Плеве И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. – М.: Международный союз немецкой культуры, 1998. – 399 с.
12. Brandes D., Busch M., Pavlović K. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Bd. 1: Von der Einwanderung bis 1917. – München: R. Oldenbourg, 1994. – 370 S.
13. Brandes D., Dönninghaus V. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Bd. 2: Von 1917 bis 1998. – München: R. Oldenbourg, 1999. 988 S.

14. Чернова Т.Н. Российские немцы: Отечественная библиография 1991–2000 гг. – М.: Готика, 2001. – 268 с.
15. Long J.W. The Volga Germans and the Zemstvos, 1865–1917 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 1982. – Bd. 30. – S. 336–361.
16. Fallows T. Forging the Zemstvo Movement. Liberalism and Radicalism on the Volga, 1890–1905. Diss. Harvard University 1981.
17. Long J.W. The Volga Germans of Saratov Province between Reform and Revolution, 1861–1905 // *Politics and Society in Provincial Russia: Saratov, 1590–1917* / Ed. by R.A. Wade, S.J. Seregny. – Ohio, 1989. pp. 139–159.
18. Janssen S. Germans from Russia in the United States and Germans in Russia, 1870–1928: a Comparison of Adaption in Democratic and Authoritarian Regimes // *Problems of Democracy in the United States* / Ed. by W.P. Adams u.a. – Berlin: John F. Kennedy-Institut für Nordamerikastudien, 1993. pp. 133–143
19. Janssen S. Vom Zarenreich in den amerikanischen Westen: Rußlanddeutsche Immigranten in North Dakota und Nebraska (1870–1928) // *Deutsche in Rußland* / Hg. v. Hans Rothe. – Köln: Böhlau, 1996. – S. 87–101.
20. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. – М.: Наука, 1998. – 268 с.
21. Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. – СПб.: Блиц, 1996. – 352 с.
22. Воронежцев А.В. Миграционные процессы в Поволжских колониях в XIX в. // *Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект*. – М.: Готика, 1998. – С. 97–108.
23. Klobberdanz T.J. Plainsmen of Three Continents: Volga German Adaptation to Steppe, Prairie, and Pampa // *Ethnicity on the Great Plains* / Hg. v. F.C. Luebke. Lincoln, 1980. – P. 54–72.
24. Klobberdanz T.J. Die Auswanderung nach Amerika und ihre Auswirkung auf Identität und Weltanschauung der Wolgadeutschen in Rußland // *Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga, 1870–1917* / Hg. v. Dittmar Dahlmann – Ralph Tuchtenhagen. – Essen, 1994. – S. 172–189.
25. Neutatz D. Die Wolgadeutschen in der reichsdeutschen Publizistik und Politik bis zum Ende des Ersten Weltkrieges // *Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga, 1870–1917* / Hg. v. Dittmar Dahlmann – Ralph Tuchtenhagen. – Essen, 1994. – S. 115–133.
26. Schmidt D. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. – Teil 1: Seit der Einwanderung bis zum imperialistischen Weltkriege. – Pokrowsk; Moskau: Char-kow, 1930. – 386 s.
27. *Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga, 1870–1917.* / Hg. v. Dittmar Dahlmann – Ralph Tuchtenhagen. – Essen: Klartext, 1994. – 404 s.
28. Dönninghaus, Victor: *Revolution, Reform und Krieg. Die Deutschen an der Wolga im ausgehenden Zarenreich*. – Essen: Klartext, 2002. – 315 s.
29. Деннингхаус, В.: *Революция, реформа и война. Немцы Поволжья в период заката Российской империи*. – М.: Росспэн, 2015. – 327 с.
30. Воронежцев А.В. Поселяне-собственники Саратовской губернии и столыпинская аграрная реформа // *Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения*. – М.: Готика, 1996. – С. 220–231.
31. Воронежцев А.В. Немецкие колонисты в Поволжье в годы первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // *Немцы*

- России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.). – М: Готика, 2002. – С. 71–95.
32. Нелипович С.Г. Роль военного руководства России в «немецком вопросе» в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Проблемы истории, языка и современного положения. – М.: Готика, 1996. – С. 262–283.
33. Нелипович С.Г. Генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить и без нежностей...»: Депортации в России 1914–1918 гг. // Воен.-ист. журн. – 1997. – № 1. – С. 42–51.
34. Нелипович С.Г. Репрессии против подданных «центральных держав». Депортации в России 1914–1918 гг. // Воен. ист. журн. – 1997. – №. 6. – С. 32–42.
35. Нелипович С.Г. Проблема лояльности российских немцев в конфликтах XX века: историография вопроса и круг источников // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. – М.: Готика, 2000. – С. 365–380.
36. Нелипович С.Г. Источники по истории немецких колонистов России в годы Первой мировой войны (обзор документов Российского государственного военно-исторического архива) // Российские немцы: историография и источниковедение. – М.: Готика, 1997. – С. 106–117.
37. Тотфалушин В.П. «Русские» немцы и немецкий вопрос в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // Краеведческие чтения: доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994. – С. 181–182.
38. Решетов Д.Г. Немецкие колонии Нижнего Поволжья в годы Первой мировой войны. Рукопись. – Саратов, 2000.
39. Решетов Д.Г. Немецкие колонисты западных губерний России, депортированные в Поволжье в годы Первой мировой войны // Миграционные процессы среди российских немцев: ист. аспект. – М.: Готика, 1998. – С. 184–195.
40. Решетов Д.Г. Помощь немецких колоний Нижнего Поволжья фронту в годы Первой мировой войны // Немцы России и СССР. 1901–1941: материалы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 2000. – С. 52–62.
41. Решетов Д.Г. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическое развитие немецких колоний Нижнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2006.
42. Посадский А.В. Социально-политические интересы крестьянства и их проявления в 1914–21 гг. (на материалах Саратовского Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1997.
43. Деннингхаус В. Безземельные [колонисты] // Немцы России. Энциклопедия / Die Deutschen Russlands. Enzyklopädie / под ред. В. Карева. – М.: ЭРН, 1999. – Т. 1. – С.139–141.
44. Булычев М.В. Социально-экономическое положение немецких селений Саратовской губернии в конце XIX – начале XX в. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. – М.: Готика, 1996. – С. 210–219.
45. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 23. Оп. 1. Д. 10721.
46. Население России в XX веке: Исторические очерки / под ред. В.Б. Жиромской. – М.: Росспэн, 2000. – Т. 1. – 463 с.
47. ГАСО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1510.
48. Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917) / под ред. И.В. Пороха. – Саратов, 1999. – Т. 2. Ч. 2. – 431 с.

49. Stojentin M. v. Ein deutscher Stamm auf fremder Erde // Landwirtschaftliche Wochenschrift für Pommern. – 1908. – S. 19–31.
50. Камышинские вести. Камышин, 1910. – 4 апр. – № 14. – С. 3.
51. Камышинские вести. Камышин, 1909. – 30 июля. – С. 3.
52. Герасименко Г.А. Противодействие крестьян Саратовской губернии столыпинской аграрной реформе // Поволжский край. Межвузовский научный сборник. – Саратов, 1984. – Вып. 7. – С. 3–28.
53. Дитц. Я. Путевые заметки // Камышин. вестн. – 1906. – № 14. – С. 2–3.
54. ГАСО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 7.
55. Власть и реформы: от самодержавной к Советской России. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 800 с.
56. ГАСО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1506.
57. ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8057.
58. Малиновский Л. Немцы в России и на Алтае. – Барнаул, 1995. – 182 с.
59. Hilfer M. Die deutschen Kolonien in Rußland und die neueste russische Agrarreform // Deutsche Monatsschrift für Rußland. Riga, 1914. – № 56. – S. 439–444.
60. ГАСО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1510.
61. Шестаков А.В. Крестьянские организации в 1917 г. // Аграрная революция. – М., Л., 1928. – Т. 2. – С. 157–158.
62. Кравчук Н.А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября. По материалам Великоорусских губерний Европейской России. – М., 1971. – 278 с.
63. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4519.
64. ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 4431.
65. ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5409.
66. ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 484.
67. Ерофеева И.В. Типы миграции немцев в Казахстан в дореволюционный период // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М.: Готика, 1998. – С. 159–170.
68. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473.
69. Klobberdanz T.J. Die Auswanderung nach Amerika und ihre Auswirkung auf Identität und Weltanschauung der Wolgadeutschen in Rußland // Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga 1870–1917. Hg. v. Dittmar Dahlmann – Ralph Tuchtenhagen. – Essen: Klartext, 1994. – S. 172–189.
70. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6128.
71. ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 4598.
72. Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917) / под ред. И.В. Пороха. – Саратов, 1995. – Т. 2. – Ч. 1. – 318 с.

References

1. Ditts Jakob. *Istoriya povolzhskikh nemtsev-kolonistov* [History of the Volga German colonists]. Moscow: Gotika, 1997. 495 p.
2. Die Deutschen Russlands. Enzyklopädie / Hrsg. V. Karev. – Moscow: ERN, 1999. – Bd. 1. – 832 p.
3. Koch F.C. The Volga Germans in Russia and the Americas from 1763 to the Present. – London: Penn State University Press, 1977. – 388 p.
4. Scheuerman R.D., Trafzer C.E. The Volga Germans. Pioneers of the Northwest. – Moscow: University Press of Idaho, 1985. – 245 p.
5. Bourret J.-F. Les Allemands de la Volga. Histoire culturelle d'une minorité, 1763–1941. – Lyon: Presses Universitaires, 1986. – 530 p.

6. Schippan M., Striegnitz S. Wolgadeutsche. Geschichte und Gegenwart. – Berlin: Dietz-Verlag, 1992. – 240 p.
7. Long J.W. From Privileged to Dispossessed. The Volga Germans, 1860–1917. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1988. – 337 p.
8. German A.A. *Nemetskaya avtonomiya na Volge 1918–1941. Chast' 1. Avtonomnaya oblast'. 1918–1924* [German autonomy on the Volga 1918–1941. – Part 1. Autonomous region. 1918–1924]. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1992. – 192 p.
9. German A.A. *Nemetskaya avtonomiya na Volge 1918–1941. Chast' 2. Avtonomnaya respublika* [German autonomy on the Volga 1918–1941. – Part 2. Autonomous Republic. 1924–1941]. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1994. – 416 p.
10. *Nemtsy v Saratovskom Povolzh'ye. Vypusk 5.* [The Germans in the Volga region. Issue 5]. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1997. – 148 p.
11. Plevé I.R. *Nemetskiye kolonii na Volge vo vtoroy polovine XVIII veka* [German colonies on the Volga in the second half of the 18th century]. – Moscow: Mezhdunarodnyy soyuz nemetskoy kul'tury, 1998. 399 p.
12. Brandes D., Busch M., Pavlović K. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. – Bd. 1: Von der Einwanderung bis 1917. – München: R. Oldenbourg, 1994. 370 p.
13. Brandes D., Dönninghaus V. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. – Bd. 2: Von 1917 bis 1998. – München: R. Oldenbourg, 1999. 988 p.
14. Chernova T.N. *Rossiyskiye nemtsy: Otechestvennaya bibliografiya 1991–2000 gg.* [Russian Germans: National Bibliography 1991–2000]. – Moscow: Gotika, 2001. 268 p.
15. Long J.W. The Volga Germans and the Zemstvos, 1865–1917 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 1982. – Bd. 30. – P. 336–361.
16. Fallows T. *Forging the Zemstvo Movement. Liberalism and Radicalism on the Volga, 1890–1905.* Diss. Harvard University, 1981.
17. Long J.W. The Volga Germans of Saratov Province between Reform and Revolution, 1861–1905 // *Politics and Society in Provincial Russia: Saratov, 1590–1917* / Ed. by R.A. Wade, S.J. Seregny. – Ohio, 1989. – P. 139–159.
18. Janssen S. Germans from Russia in the United States and Germans in Russia, 1870–1928: a Comparison of Adaption in Democratic and Authoritarian Regimes // *Problems of Democracy in the United States* / Ed. by W.P. Adams u.a. – Berlin: John F. Kennedy-Institut für Nordamerikastudien, 1993. – P. 133–143.
19. Janssen S. Vom Zarenreich in den amerikanischen Westen: Rußlanddeutsche Immigranten in North Dakota und Nebraska (1870–1928) // *Deutsche in Rußland* / Hg. v. Hans Rothe. – Köln: Böhlau, 1996. – P. 87–101.
20. Kabuzan V.M. *Emigratsiya i reemigratsiya v Rossii v XVIII – nachale XX veka* [Emigration and re-emigration in Russia in the XVIII – early XX centuries]. – Moscow: Nauka, 1998. – 268 p.
21. Kabuzan V.M. *Russkiye v mire. Dinamika chislennosti i rasseleniya (1719–1989). Formirovaniye etnicheskikh i politicheskikh granits russkogo naroda* [Russians in the world. Dynamics of numbers and distribution (1719–1989). The formation of ethnic and political borders of the Russian people]. – St. Petersburg: Blits, 1996. – 352 p.
22. Voronezhtsev A.V. *Migratsionnyye protsessy v Povolzhskikh koloniyakh v XIX v.* [Migration processes in the Volga colonies in the 19th century] // *Migratsionnyye protsessy sredi rossiyskikh nemtsev: istoricheskiy aspekt*. – Moscow: Gotika, 1998. pp. 97–108.

23. Klobberdanz T.J. Plainsmen of Three Continents: Volga German Adaptation to Steppe, Prairie, and Pampa // Ethnicity on the Great Plains / Hg. v. F.C. Luebke. – Lincoln 1980. – P. 54–72.

24. Klobberdanz T.J. Die Auswanderung nach Amerika und ihre Auswirkung auf Identität und Weltanschauung der Wolgadeutschen in Rußland // Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga, 1870–1917 / Hg. v. Dittmar Dahlmann – Ralph Tuchtenhagen. Essen, 1994. – P. 172–189.

25. Neutatz D. Die Wolgadeutschen in der reichsdeutschen Publizistik und Politik bis zum Ende des Ersten Weltkrieges // Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga, 1870–1917 / Hg. v. Dittmar Dahlmann – Ralph Tuchtenhagen. Essen, 1994. – P. 115–133.

26. Schmidt D. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Teil 1: Seit der Einwanderung bis zum imperialistischen Weltkriege. – Pokrowsk; Moskau: Char-kow, 1930. – 386 p.

27. Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga, 1870–1917 / Hg. v. Dittmar Dahlmann – Ralph Tuchtenhagen. Essen: Klartext, 1994. – 404 p.

28. Dönninghaus, Victor: Revolution, Reform und Krieg. Die Deutschen an der Wolga im ausgehenden Zarenreich. – Essen: Klartext, 2002. – 315 p.

29. Denningkhaus, V.: Revolyutsiya, reforma i voyna. Nemtsy Povolzh'ya v period zakata Rossiyskoy imperii [Revolution, Reform, and War. The Volga Germans during the sunset of the Russian Empire]. – Moscow: Rosspen, 2015. – 327 p.

30. Voronezhtsev A.V. *Poselyane-sobstvenniki Saratovskoy gubernii i stolybinskaya agrarnaya reforma* [The settlers-owners of the Saratov province and the Stolypin agrarian reform] // *Rossiyskiye nemtsy: Problemy istorii, yazyka i sovremennogo polozheniya*. – Moscow: Gotika, 1996. – P. 220–231.

31. Voronezhtsev A.V. *Nemetskiye kolonisty v Povolzh'ye v gody pervoy mirovoy voyny (na materialakh Saratovskoy i Samarskoy guberniy)* [German colonists in the Volga region during the First World War (based on material from the Saratov and Samara provinces)] // *Nemtsy Rossii: sotsial'no-ekonomicheskoye i dukhovnoye razvitiye (1871–1941 gg.)*. – Moscow: Gotika, 2002. – P. 71–95.

32. Nelipovich S.G. *Rol' voyennogo rukovodstva Rossii v «nemetskom voprose» v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917)* [The role of the military leadership of Russia in the "German question" during the First World War] // *Rossiyskiye nemtsy: Problemy istorii, yazyka i sovremennogo polozheniya*. – Moscow: Gotika, 1996. – P. 262–283.

33. Nelipovich S.G. *General ot infanterii N.N. Yanushkevich: «Nemetskuyu pakost' uvolit' i bez nezhnostey...»: Deportatsii v Rossii 1914–1918 gg.* [„The German filth must be dismissed without tenderness...“. Deportations in Russia 1914–1918] // *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*. – 1997. – № 1. – P. 42–51.

34. Nelipovich S.G. *Repressii protiv poddannyykh „tsentral'nykh derzhav“*. *Deportatsii v Rossii 1914–1918 gg.* [Repression against subjects of the "central powers". Deportations in Russia 1914–1918] // *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*. – 1997. – № 6. – P. 32–42.

35. Nelipovich S.G. *Problema loyal'nosti rossiyskikh nemtsev v konfliktakh XX veka: istoriografiya voprosa i krug istochnikov* [The problem of loyalty of Russian Germans in the conflicts of the XX century: historiography of the issue and the range of sources] // *Nemtsy Rossii i SSSR: 1901–1941 gg.* – Moscow: Gotika, 2000. – P. 365–380.

36. Nelipovich S.G. *Istochniki po istorii nemetskikh kolonistov Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (obzor dokumentov Rossiyskogo gosudarstvennogo voyenno-istoricheskogo arkhiva)* [Sources on the history of German colonists of Russia during

the First World War (a review of documents of the Russian State Military Historical Archive)] // *Rossiyskiye nemtsy: istoriografiya i istochnikovedeniye*. – Moscow: Gotika, 1997. – P. 106–117.

37. Totfalushin V.P. «Russkiye» nemtsy i nemetskiy vopros v gody Pervoy mirovoy voyny (na materialakh Saratovskoy i Samarskoy guberniy) ["Russian" Germans and the German question during the First World War (based on the materials of the Saratov and Samara provinces)] // *Krayevedcheskiye chteniya: Doklady i soobshcheniya IV–VI chteniy*. – Saratov, 1994. – P. 181–182.

38. Reshetov D.G. *Nemetskiye kolonii Nizhnego Povolzh'ya v gody Pervoy mirovoy voyny. Rukopis'* [German colonies of the Lower Volga during the First World War. Manuscript]. – Saratov, 2000.

39. Reshetov D.G. *Nemetskiye kolonisty zapadnykh guberniy Rossii, deportirovannyye v Povolzh'ye v gody Pervoy mirovoy voyny* [German colonists of the western provinces of Russia, deported to the Volga region during the First World War] // *Migratsionnyye protsessy sredi rossiyskikh nemtsev: istoricheskiy aspekt*. – Moscow: Gotika, 1998. – P. 184–195.

40. Reshetov D.G. *Pomoshch' nemetskikh koloniy Nizhnego Povolzh'ya frontu v gody Pervoy mirovoy voyny* [Assistance to the German colonies of the Lower Volga front during the First World War] // *Nemtsy Rossii i SSSR. 1901–1941: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. – Moscow: Gotika, 2000. – P. 52–62.

41. Reshetov D.G. *Vliyaniye Pervoy mirovoy voyny na sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye nemetskikh koloniy Nizhnego Povolzh'ya: diss. ... kand. ist. nauk* [The impact of World War I on the socio-economic development of the German colonies of the Lower Volga. Dissertation]. – Saratov, 2006.

42. Posadskiy A.V. *Sotsial'no-politicheskiye interesy krest'yanstva i ikh proyavleniya v 1914–21 gg. (na materialakh Saratovskogo Povolzh'ya): diss. ... kand. ist. nauk* [Socio-political interests of the peasantry and their manifestations in 1914–21 (Based on materials from the Saratov Volga Region). Dissertation]. – Saratov, 1997.

43. Denningkhaus V. *Bezzemel'nyye (kolonisty)* [Landless (colonists)]. // *Die Deutschen Russlands. Enzyklopädie / Hrsg. V. B. Karev*. – Moscow: ERN, 1999. Bd. 1. – P. 139–141.

44. Bulychev M.V. *Sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye nemetskikh seleniy Saratovskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v.* [The socio-economic situation of the German villages of the Saratov province in the late XIX - early XX centuries] // *Rossiyskiye nemtsy. Problemy istorii, yazyka i sovremennogo polozheniya*. – Moscow: Gotika, 1996. – P. 210–219.

45. *Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti (GASO)* [State Archive of the Saratov Region (GASO)]. F. 23. Op. 1. D. 10721.

46. *Naseleniye Rossii v XX veke: Istoricheskiye ocherki / pod red. V.B. Zhiromskoy* [The population of Russia in the XX century: historical essays. Ed. V.B. Zhiromskaya]. – Moscow: Rosspen, 2000. Vol. 1. 463 p.

47. GASO. F. 400. Op. 1. D. 1510.

48. Porocho, I.V. (1999) *Ocherki istorii Saratovskogo Povolzh'ya (1894–1917)* [Essays on the history of the Saratov Volga Region (1894–1917)]. – Saratov. – Vol. 2. – Part 2. – 431 p.

49. Stojentin M. v. *Ein deutscher Stamm auf fremder Erde* // *Landwirtschaftliche Wochenschrift für Pommern*. 1908. pp. 19–31.

50. *Kamyshinskiye vesti. Kamyshin*, 1910. 4 April. № 14. p. 3.

51. *Kamyshinskiye vesti. Kamyshin*, 1909. 30 July. p. 3.

52. Gerasimenko G.A. *Protivodeystviye krest'yan Saratovskoy gubernii stoly-pinskoy agrarnoy reforme* [Counteraction of peasants of the Saratov province against the Stolypin agrarian reform]. // *Povolzhskiy kray. Mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik*. – Saratov, 1984. Issue 7. P. 3–28.
53. Ditts. Yakob. *Putevyye zametki* [Traveling notes] // *Kamyshinskiy vestnik*. – 1906. – № 14. – P. 2–3.
54. GASO. F. 400. Op. 1. D. 7.
55. *Vlast' i reformy: ot samodержavnoy k Sovetskoj Rossii* [Power and reform: from autocratic to Soviet Russia]. – St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 1996. – 800 p.
56. GASO. F. 400. Op. 1. D. 1506.
57. GASO. F. 23. Op. 1. D. 8057.
58. Malinovskiy L. *Nemtzy v Rossii i na Altaye* [Germans in Russia and Altai]. – Barnaul, 1995. – 182 p.
59. Hilfer M. Die deutschen Kolonien in Rußland und die neueste russische Agrarreform // *Deutsche Monatsschrift für Rußland*. – Riga, 1914. – № 56. – P. 439–444.
60. GASO. F. 400. Op. 1. D. 1510.
61. Shestakov A.V. *Krest'yanskiye organizatsii v 1917 g.* [Peasant organizations in 1917]. // *Agrarnaya revolyutsiya*. – Moscow, Leningrad, 1928. – Vol. 2. – P. 157–158.
62. Kravchuk N.A. *Massovoye krest'yanskoye dvizheniye v Rossii nakanune Oktyabrya. Po materialam Velikorusskikh guberniy Yevropeyskoj Rossii* [The mass peasant movement in Russia on the eve of the October Revolution]. – Moscow, 1971. – 278 p.
63. GASO. F. 25. Op. 1. D. 4519.
64. GASO. F. 23. Op. 1. D. 4431.
65. GASO. F. 23. Op. 1. D. 5409.
66. GASO. F. 55. Op. 1. D. 484.
67. Yerofeyeva I.V. *Tipy migratsii nemtsev v Kazakhstan v dorevoljucionnyy period* [Types of migration of Germans to Kazakhstan in the pre-revolutionary period] // *Migratsionnyye protsessy sredi rossijskikh nemtsev: istoricheskiy aspekt*. – Moscow: Gotika, 1998. – P. 159–170.
68. GASO. Fund 1. Inventory 1. File 8473.
69. Klobberdanz T.J. Die Auswanderung nach Amerika und ihre Auswirkung auf Identität und Weltanschauung der Wolgadeutschen in Rußland // *Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga 1870–1917*. Hg. v. Dittmar Dahlmann – Ralph Tuchtenhagen. – Essen: Klartext, 1994. – P. 172–189.
70. GASO. F. 1. Op. 1. D. 6128.
71. GASO. F. 23. Op. 1. D. 4598.
72. Poroch I.V. *Ocherki istorii Saratovskogo Povolzh'ya (1894–1917)* [Essays on the history of the Saratov Volga Region (1894–1917)]. – Saratov, 1995. – Vol. 2. – Part 1. – 318 p.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 82-94(470):327.82:641.568

ГРНТИ 03.23.07: Историография и источниковедение истории России; 03.61: Этнография и историческая антропология

И.В. Синова, К.В. Проскурина

Мемуары как исторический источник о национальных особенностях и роли кухни в дипломатии

В статье представлен анализ мемуаров как исторического источника, в которых отражены сюжеты повседневных практик, связанных с дипломатическими визитами, официальными и неофициальными приемами и встречами, культурой быта, национальными особенностями кухни и употребления напитков. На конкретных примерах из мемуаров показано место приемов в международных отношениях и их роль в коммуникации участников и, как следствие, сближении позиции сторон, в продуктивном сотрудничестве и неформальном разрешении сложных межгосударственных проблем, понимании предпринимаемых действий и поступков. Сюжеты из мемуаров иллюстрируют не только следование общепринятым правилам дипломатического протокола и этикета, но и стремление страны показать лучшие образцы национальной кухни и, в целом, культуры народа в широком смысле этого понятия.

Ключевые слова: мемуары, повседневная жизнь, национальные особенности кухни, дипломатические приемы, дипломатический протокол и этикет.

I.V. Sinova, K.V. Proskurina

Memoirs as a historical source about the national features and the role of cuisine in diplomacy

The article presents an analysis of memoirs as a historical source, which reflect the stories of everyday practices related to diplomatic visits, official and unofficial receptions and meetings, the culture of everyday life, national characteristics of cuisine and drink consumption. Specific examples from the memoirs show the place of receptions in international relations and their role in communication between participants and, as a result, bringing the parties' positions closer, in productive cooperation and informal resolution of complex inter-state problems, understanding the steps and actions taken. The stories from the memoirs illustrate not only the adherence to the generally accepted rules of diplomatic protocol and etiquette, but also the country's desire to show the best examples of national cuisine and, in general, the culture of the people in the broad sense of this concept.

Key words: memoirs, everyday life, peculiarities of national cuisine, diplomatic receptions, diplomatic protocol and etiquette.

В международных отношениях наряду с публичной, видимой, парадной стороной взаимодействия государственных деятелей, связанной с визитами, саммитами, конференциями и переговорами, всегда существовала другая, скрытая от посторонних глаз сфера коммуникации, включающая дипломатические приемы, обеды, ужины, фуршеты. Их проведение – это не только следование общепринятым правилам дипломатического протокола и этикета, но и, стремление страны-организатора показать лучшие образцы национальной кухни и, как следствие, культуры народа в широком смысле этого понятия.

Французский этнолог, социолог, этнограф, философ и культуролог К. Леви-Строс считал, что кухня – это знаковая система, в которой закодированы смыслы, позволяющие обозначить часть того, чем является общество [1, с. 197]. Другой француз А. Гийо написал, что «кухня должна быть настоящей, потому что является выражением этики, исходящей из глубин нашей цивилизации». И одновременно: «Кухня – это искусство жить и правила поведения за хорошим столом, позволяющие сохранить или улучшить человеческие отношения» [2, с. 10]. «Кухня – это художественное воплощение отношения, существующее между мыслью-вдохновительницей и претворением этой мысли: "Именно это, как мне кажется, ставит кухню в один ряд с такими видами искусства, как музыка и живопись"» [2, с. 11]. Поэтому различным формам коммуникации государственных деятелей на международной арене во время визитов и приемов придается большое значение. Практика широкого застолья в честь зарубежных посланников как свидетельство гостеприимства, добрых намерений, залога продуктивного сотрудничества и неформального разрешения сложных межгосударственных проблем складывалась в разных формах и эволюционировала на протяжении веков.

На Руси стол являлся христианским символом единения семьи. Одна из пословиц в сборнике В.И. Даля звучит так: «Стол – божья ладонь». В России еще в XVI в. обед в честь иностранных дипломатов был обязателен для государя. Каждое блюдо обладало своей ценностью. Среди блюд на первом месте стояли жареные лебеди, на втором – журавли. Голова севрюги стояла выше щуки, пироги ниже [3, с. 214]. Слова «честь» и «потчеванье» в посольских книгах иногда употреблялись как равнозначные [3, с. 207]. Отказ в «столе» являлся знаком опасного обострения ситуации.

В современных международных отношениях каждый визит, саммит, встреча предполагает совместные завтраки, обеды, ужины,

фуршеты, которые включают неформальное общение, сближают людей и, как следствие, позиции сторон, способствуют пониманию предпринимаемых действий и поступков. Фактически отказ или уклонение от участия в официальном или неофициальном формате застолья является ни просто нарушением дипломатического протокола и этикета, но свидетельствует либо о непреодоленных проблемах во взаимоотношениях, либо о нежелании к конструктивному диалогу, либо о личной неприязни, что является в любом случае неприемлемым. В дипломатическом корпусе принято не только устраивать официальные приемы по поводу государственных праздников, но и периодически приглашать на ланчи и ужины для согласования мнений и позиций, обсуждения разнообразных вопросов и одновременно для поддержания дружеских отношений. Именно процесс совместного приема пищи выступает своеобразным цементирующим раствором поддержания и развития межгосударственных отношений.

В научных публикациях в сфере истории, социологии, лингвистики исследователи рассматривают разнообразные аспекты, связанные с кухней, едой, напитками в контексте национальной идентичности стран и народов, повседневной жизни, культуры быта, семейных отношений [4–7].

Мемуары широко используются в исторических исследованиях, не только связанных с анализом отдельных личностей и событий, свидетелями которых они были, но в значительной степени они служат для детализации сюжетов, отражающих быт и повседневную жизнь в разные периоды времени и разных людей по своему социальному происхождению, конфессиональной, профессиональной, гендерной принадлежности и другим демографическим характеристикам. Каждый исследователь индивидуально подходит к выбору приемов и методов работы с этим комплексом источников.

На мемуары, с одной стороны, накладывает отпечаток профессиональная принадлежность их автора, а, с другой, они обладают различной целевой направленностью, приоритетами и сюжетами. Но, в любом случае, эго-документы являются сложным, интересным, но в тоже время специфическим источником, который носит субъективный характер. Хотя, вероятно, именно в этом и заключается их ценность. Неформальное мнение и стиль мемуарной литературы расширяют внимание к ним как со стороны специалистов разных сфер науки, так и любителей повседневного чтения.

Нарративы дипломатов, государственных деятелей и авторов, которые в разной форме принимали участие в межгосударственных отношениях, представляют интерес, прежде всего, благодаря широте и разнообразию описываемых фактов, событий и персоналий. Здесь сочетаются сюжеты, связанные с важными международными

вопросами, оценкой личностей и повседневными практиками, поэтому «именно благодаря подобным воспоминаниям мы имеем возможность по-новому взглянуть на многие события внешней политики, узнаем подробности принятия внешнеполитических решений, международных встреч, визитов, закулисных условий и предпосылок заключения договоров, неформальных особенностей коммуникации лидеров государств и сотрудников министерств иностранных дел» [7, с. 1211].

Разнообразные сюжеты, связанные с дипломатическим протоколом и этикетом и их нарушением при организации приемов, национальные особенности кухни нашли отражение в мемуарах Ю.М. Котова [9], В.М. Суходрева [10], Ж. Нормана и П. Донсье [11] и др.

Ю.М. Котов, Ж. Норман и П. Донсье преимущественно отразили в своих мемуарах разнообразные «тайнства» кухни и кулинарные рецепты и предпочтения глав государств и политических деятелей, в ряде воспоминаний [12–14] содержатся рассказы о дипломатических встречах и приемах, в том числе о курьезных ситуациях и произвольных отклонениях от норм протокола и правил этикета.

Воспоминания Чрезвычайного и Полномочного Посла Ю.М. Котова носят личный характер и, в целом, являются не типичными для людей такого ранга. Но именно этим они интересны и ценны, так как в центре повествования находятся вопросы кулинарии и национальные особенности блюд в странах, где он побывал. Автор описывает много деталей, произошедших с ним в разные периоды жизни, встречи с известными людьми, а также множество любопытных и веселых историй, связанных с едой и напитками.

В СССР во время приемов делегаций старались максимально поразить зарубежных гостей русской кухней, которая неизменно включала икру и камчатского краба. Ю.М. Котов в своих мемуарах рассказывает, что в 1960-е гг. которые были периодом «бурного развития связей между СССР и странами Африки. Визиты в Москву лидеров государств черного континента в сопровождении многочисленных делегаций следовали один за другим. В качестве одной из первых закусок официанты выносили круглые подносы, на которых лежали огромные целиковые крабы, а вокруг них было разложено рыбное ассорти» [5, с. 39]. Автор мемуаров не постеснялся признаться, что он «слегка растерялся: как же к этому крабу подступить? Да ведь переводить надо будет, а не с этим чудищем бороться. В итоге ограничился несколькими кусочками рыбного ассорти» [5, с. 40]. И этим вызвал вопрос и непонимание первого заместителя председателя правительства К.Т. Мазурова: «А вы что, крабов не любите? Зря я вам скажу. Отличная штука...» [5, с. 40].

Правда мнение о русских деликатесах членов делегаций африканских стран автор не приводит.

Национальную кухню стремятся продемонстрировать и во время визитов лидеров страны в зарубежных поездках. Во время визита Л.И. Брежнева во Францию советская сторона давала прием, на котором должно было присутствовать все высшее французское руководство во главе с президентом Ж. Помпиду. Пожелание Леонида Ильича было следующее: «Обед должен вписываться в принятые во Франции нормы проведения подобного рода мероприятий, т.е. без этого нашего «купеческого» размаха. При этом надо будет постараться в рамках допустимого хотя бы немного отразить многонациональный характер нашего государства» [9, с. 92]. Подготовка меню приема была поручена Ю.М. Котову, который «с закуской определился быстро – это будет рыбное ассорти: черная белужья икра, красная икра, дальневосточная лососина, севрюга горячего копчения, балык нельмы» [9, с. 93]. Если это были «рамки допустимого», то как же должен был выглядеть «купеческий» размах? Впоследствии Брежнев высказал пожелание поощрить сотрудников посольства, активно участвовавших в подготовке и проведении его визита во Францию. Среди них был и Ю. Котов.

Франция считается самой гастрономической страной в мире. Среди мемуаров, которые приоткрывают завесу над причудами и привычками президентов в еде – книга Н. Нормана, который проработал в качестве повара в Елисейском дворце в течение 40 лет: «На мою долю выпала редкая честь готовить для всех пяти президентов послевоенной Франции. Я имел счастье сопровождать их в заграничные турне и в частные поездки, которыми особенно дорожил. Мне случалось готовить официальные приемы в Елисейском дворце и за рубежом, а также приватные трапезы во время каникул или в выходные дни» [11, с. 2]. Автор считает, что «...французская кухня была и остается самым скромным, но самым верным и почитаемым послом своей страны для миллионов людей» [11, с. 97].

В мемуарах Ж. Норман рассказывает, что Президент Франции Жискард д'Эстен обладал феноменальной памятью. Когда ему передавали на рассмотрение меню, составленные для официальных приемов, он, случалось, делал следующие пометки на полях напротив предложений шеф-повара: «Ни в коем случае. Блюдо уже подавалось этому гостю в прошлый его визит два года назад» [11, с. 118]. Таким образом, его мемуары можно считать уникальными не только для поваров, но также для историков и политиков.

Главы государств тоже имеют свои кулинарные предпочтения и об этом написал не только Ж. Норман, а также советские и российские дипломаты. Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Турции А.А. Родионов вспоминая визит Председателя Совета

Министров А.Н. Косыгина в Анкару упомянул, что «Алексею Николаевичу нравилась турецкая кухня, изобилующая овощами и фруктами, он отдавал предпочтение кабачкам, баклажанам, маслинам» [12, с. 71–72].

Кухня каждой страны имеет особенности, связанные с продуктами, с технологией приготовления блюд, со специями, соусами, напитками. Эти практики формировались на протяжении истории каждого народа, зависят от климатических условий, географического положения страны, традиций, религиозных верований. Пожалуй, в условиях глобализации именно еда и напитки, по-прежнему, сохраняют свою национальную идентичность.

Всем известно, что народы Кавказа отличаются гостеприимством и хлебосольством и очень любят застолья. В.М. Суходрев в мемуарах рассказал о посещении американским писателем и журналистом У. Липпманом Абхазии с целью взять интервью у отдыхавшего в Пицунде Н.С. Хрущева. В аэропорту Адлера его встречал первый секретарь обкома партии Абхазии М. Бгажба. «Первая остановка – в Гагре в ресторане «Гагрипш»... И пошло-покатилось кавказское застолье. Липпман был смущен. Как он ни отказывался, хозяева не сбавляли напора, произносили такие слова, что проигнорировать очередной тост не было никакой возможности. Пили за Хрущева, пили за Липпмана, за его жену, родителей, за весь американский народ, за солнце, за море... отказаться не смог бы и менее вежливый гость» [10, с. 10]. Возражения Липпмана о том, что впереди у него серьезная работа никто не слушал. По дороге в Сухуми остановились в ресторане «Эшера», где «прямо на углях готовится мамалыга, к потолку подвешено копченое мясо молодого барашка, а из больших глиняных кувшинов наливают ароматное вино «Изабелла» в глиняные конусообразные бокалы, которые не поставишь на стол до тех пор, пока содержимое не будет выпито. Бедный Липпман. Мне было его искренно жаль. Но он держался молодцом» [10, с. 11]. Перед встречей с Хрущевым Липпман довольно быстро оправился от безудержного гостеприимства, встреча состоялась и прошла успешно. Позднее он с юмором вспоминал о гастрономических излишествах прошедших суток. Хрущев же «весело реагировал на рассказ Липпмана о его злключениях на гостеприимной кавказской земле и, улыбаясь, разводил руками: что поделаешь, такие люди, такие здесь обычаи!» [10, с. 11].

Национальные и религиозные традиции связаны не только с едой, но и с напитками. Как известно, мусульмане не употребляют алкоголь и этот факт нельзя не учитывать при организации приемов представителей мусульманских стран. В воспоминаниях В.И. Чуркина рассказывается о первом визите в Советский Союз лидера Ливии Муаммара Каддафи, который «потребовал, чтобы на

обеде в его честь в кремле на столах не было спиртного. Наши протокольщики даже не знали, как доложить о такой неслыханной дерзости Подгорному, от имени которого давался торжественный обед» [13, с. 17]. В СССР, стране, где официально не было места религии и господствовал научный атеизм такие требования, были не понятны.

В.М. Суходрев рассказал случай, свидетелем которого был в Вене во время переговоров между Л.И. Брежневым и президентом США Дж. Картером во время обеда в американской резиденции. «Как это бывает в американских домах, перед тем как сесть за стол, присутствующие выпивают коктейль или аперитив. Брежневу никогда не нравился этот обычай... Я посоветовал ему выпить виски с содовой и со льдом, коль скоро мы в гостях у американцев... Брежнев, вместо того чтобы понемногу отпивать виски из бокала, вдруг, поднеся его ко рту, машинально сделал характерный рывок головой назад, сугубо по-русски, за которым последовал привычный большой глоток. И в горло Брежнева вместе с виски ненароком попал кубик льда. Леонид Ильич начал давиться – лицо побагровело, он стал задыхаться... Скоро он пришел в себя, но все мы пережили весьма неприятные мгновения» [10, с. 101]. Этот факт естественно не отражен ни в одном официальном документе, ни в средствах массовой информации, но мемуары как исторический источник, не ограничены изложением даже подобных фактов.

Франция традиционно славится своими винами, которые являются предметом ее гордости и восхищения зарубежных гостей. Не исключением был и министр иностранных дел СССР А.А. Громыко. Будучи в Париже он и его американский коллега Уильям Роджерс участвуя в международной конференции ужинали в знаменитом старейшем парижском ресторане «Серебряная башня». К горячему подали вино, которое очень понравилось Громыко, и он шепнул Суходреву, чтобы я запомнил его название. «Я попросил официанта показать мне этикетку и сказал, что министру Громыко это вино очень понравилось. Я и раньше замечал, что он, крайне редко употреблявший крепкие напитки, всегда с интересом пробовал вина, особенно красные, в том числе и на обедах в Кремле, на которых в те годы, как правило, подавали мукузани» [10, с. 111]. В конце обеда Громыко принесли разглаженную этикетку. Он насторожился, выясняя на сколько это удобно, но Суходрев успокоил его: «Не только удобно, но и принято во всех хороших ресторанах. Помимо всего прочего, такая просьба характеризует вас как человека, разбирающегося в винах. Так что ваши акции в этом ресторане только повысились» [10, с. 111]. Не всегда даже министр иностранных дел знает все особенности национальных традиций и ментальности.

Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР во Франции Ю.В. Дубинин рассказывает о своем посещении французских городов, где его с семьей принимали в мэрии. «На каждом приеме многочисленные приглашенные. Конечно, речи и, конечно вино, вино, вино: "Бокал в честь почетного гостя", – как говорят французы» [14, с. 135]. Свидетелями этих приемов были дочери-двойняшки посла, которые, когда они подросли на вопрос знакомых, кем вы будете работать, когда вырастаете, ответили: «Мы будем как папа, дипломатом – пить вино на приемах» [14, с. 136]. Вот такое упрощенное мнение, порой, складывалось даже у близких людей о многотрудной работе дипломата.

В 2006 г. известные шеф-повара начали борьбу за включение французской кухни в список нематериального наследия ЮНЕСКО. Но усилий одних только кулинаров оказалось недостаточно. Президент Н. Саркози в 2008 г., оказал им поддержку, в результате которой в 2010 г. французская кухня вошла в этот список наряду с мексиканской кухней и средиземноморской диетой.

Кухня как часть повседневной жизни представляет собой широкий и разнообразный спектр сословных, ментальных, национальных особенностей и традиций. А мемуары, порой, позволяют узнать малоизвестные сюжеты и предпочтения, которые касаются еды и напитков, как некоего фактора, способствующего коммуникации государственных деятелей и межгосударственному взаимодействию.

Список литературы

1. Леви-Строс К. Мифологии: в 4 т. Т. 3: Происхождение застольных обычаев. – М.: Универ. кн., 2000. – 464 с.
2. Guillot A. Préface // Bisson M.-Cl. La bonne cuisine française. – P., 2001. – 199 p.
3. Юзефович Л.А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. – М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. – 344 с.
4. Загрякина Т.Ю. Коды французской кухни в контексте нарративных текстов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 2. – С. 51–76.
5. Капкан М.В. Национальная кухня как элемент национальной культуры России: динамика исторических изменений в XIX–XX вв. // Человек в мире культуры. – 2013. – № 3. – С. 15–26.
6. Яковлева Е.Л. Фронтирность гастрономических повседневных практик // Журнал фронтирных исследований. – 2018. – № 1. – С. 7–16.
7. Андреева Л.А., Хопияйнен О.А., Филимонова Н.В. Национальная кухня как фрагмент этнической идентичности. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 6/1. – С. 121–126.
8. Синова И.В. Мемуары дипломатов: соотношение субъективизма и объективности в интерпретации событий // *Histopia Provinciae*. Журнал провинциальной истории. – 2019. – Т. 3. – № 4. – С. 1210–1244.

9. Котов Ю.М. Петух в вине или гастрономические воспоминания дипломата. – М.: Изд-во «Человек», 2008. – 368 с.
10. Суходрев В.М. Язык мой – друг мой. От Хрущева до Горбачева... – М.: ИД «Тончу», 2008. – 536 с.
11. Норман Ж., Донсье П. Французская кухня пяти президентов: Воспоминания повара Елисейского дворца. – М.: Независимая газ., 2002. – 330 с.
12. Родионов А.А. Турция – перекресток судеб. Воспоминания посла. – М.: изд-во «Международные отношения», 2006. – 280 с.
13. Чуркин В.И. Трудности перевода. – М.: Абрис, 2020. – 440 с.
14. Дубинин Ю.В. Дипломатическая быль (Записки посла во Франции). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 1997. – 328 с.

References

1. *Levi-Stros K. Mifologiki: V 4 t. T. 3: Proiskhozhdenie zastol'nykh obychaev* [Mythologies: In 4 vol. Vol. 3: The origin of table customs]. – М.: Universitetskaya kniga, 2000. – 464 p.
2. Guillot A. Préface // Bisson M.-Cl. *La bonne cuisine française*. – P., 2001. – 199 p.
3. *Yuzefovich L.A. Put' posla. Russkii posol'skii obychai. Obikhod. Etiket. Tseremonial* [The ambassador's path. Russian embassy custom. Everyday life. Etiquette. Ceremonial]. – М.: Izd-vo Ivana Limbakha, 2007. – 344 p.
4. *Zagryazkina T.Yu. Kody frantsuzskoi kukhni v kontekste narrativnykh tekstov* [French cuisine codes in the context of narrative texts] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication]. – 2015. – № 2. – P. 51–76.
5. *Kapkan M.V. Natsional'naya kukhnya kak element natsional'noi kul'tury Rossii: dinamika istoricheskikh izmenenii v XIX–XX vv.* [National cuisine as an element of national culture of Russia: the dynamics of historical changes in the XIX–XX centuries] // *Chelovek v mire kul'tury* [Man in the world of culture]. – 2013. – № 3. – P. 15–26.
6. *Yakovleva E.L. Frontirnost' gastronomicheskikh povsednevnykh praktik* [Gastronomic frontier of everyday practices] // *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies]. – 2018. – № 1. – P. 7–16.
7. *Andreeva L.A., Khopiyainen O.A., Filimonova N.V. Natsional'naya kukhnya kak fragment etnicheskoi identichnosti* [National cuisine as a fragment of ethnic identity] // *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought]. – 2017. – Vol. 9. – № 6/1. – P. 121–126.
8. *Sinova I.V. Memuary diplomatov: sootnoshenie sub'ektivizma i ob'ektivnosti v interpretatsii sobytii* [Memoirs of diplomats: the ratio of subjectivity and objectivity in the interpretation of events] // *Histopia Provinciae. Zhurnal provintsial'noi istorii* [Histopia Provinciae. Provincial History Journal]. – 2019. – Vol. 3. – № 4. – P. 1210–1244.
9. *Kotov Yu.M. Petukh v vine ili gastronomicheskie vospominaniya diplomata* [Rooster in wine or gastronomic memories of a diplomat]. – М.: izdatel'stvo «Человек», 2008. – 368 p.
10. *Sukhodrev V.M. Yazyk moi – drug moi. Ot Khrushcheva do Gorbacheva...* [My tongue is my friend. From Khrushchev to Gorbachev...]. – М.: ИД «Тончу», 2008. – 536 p.

11. Norman Zh., Dons'e P. *Frantsuzskaya kukhnya pyati prezidentov: Vospominaniya povara Eliseiskogo dvortsa* [French cuisine of the five presidents: Memoirs of the cook of the Champs Elysees]. – M.: Nezavisimaya gaz., 2002. – 330 p.
12. Rodionov A.A. *Turtsiya – perekrestok sudeb. Vospominaniya posla* [Turkey – the crossroads of fate. Memoirs of the Ambassador]. – M.: Izd-vo «Mezhdunarodnye otnosheniya», 2006. – 280 p.
13. Churkin V.I. *Trudnosti perevoda* [Translation difficulties]. – M.: Abris, 2020. – 440 p.
14. Dubinin Yu.V. *Diplomaticheskaya byl' (Zapiski posla vo Frantsii)* [Diplomatic truth (Notes of the Ambassador in France)]. – M.: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN). 1997. – 328 p.

СОЦИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 070.1

ГРНТИ 19.01.09: История изучения проблем массовой коммуникации, журналистики, средств массовой информации

Е.А. Цуканов

Метаморфозы властных полномочий медиа: история вопроса

В статье анализируются причины статусных метаморфоз журналистики как социально-политического института в условиях мира и войны. Автор приходит к выводу, что в мирное время журналистика и медиа временно утрачивают свои властные полномочия по причине стабилизации и даже рутинизации жизненного контекста, заглушающих изначально яростную их природу. В эпохи войн, наоборот, медиа вновь обретают властный голос, направляющий энергию масс в конструктивное русло. С учетом этого, можно осторожно утверждать, что журналистика всегда будет являться агентом пацифизма в хронотопе войны, и, наоборот, – ферментом и делегатом войны в хронотопе мира.

Ключевые слова: война, мир, журналистика, медиа, четвертая власть, политика, управление, пропаганда, агитация.

Е.А. Tsukanov

Media power metamorphosis: history of the problem

The article analyses the causes of status metamorphosis of journalism as a socio-political institution in conditions of peace and war. The author concludes that, in peacetime, journalism and the media temporarily lose their authority because of the stabilization and even routinization of the life context, which shut down their initially violent nature. In the era of wars, on the contrary, the media re-acquire a power voice that directs the energy of the masses into a constructive path. With this in mind, it can be carefully argued that journalism will always be an agent of pacifism in the chronotope of war, and, back, an enzyme and a delegate to war in the chronotope of the world.

Key words: war, peace, journalism, media, fourth power, politics, governance, propaganda, agitation.

В сущности своей достаточно поэтическое утверждение, что журналистика и, шире, СМИ в целом представляют собой властный институт и даже четвертую ветвь [1] (после законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти) в системе координат,

сформулированной в эпоху Просвещения Шарлем Монтескье [2], как представляется, не должно смущать исследователя. В журналистском же сообществе, к сожалению, эта тема очень часто становится источником неуместной иронизации и ультраскептической рефлексии: будто бы концепт «масс-медиа как четвертая власть» есть лишь профаническая декларация, ничего общего с истинным положением вещей не имеющая. Распространено мнение, что дело журналистов, – как выразился бывший сотрудник телеканала НТВ Виктор Шендерович, – просто реагировать на происходящее. Наподобие лягушки, которая отдергивает лапку, когда ее колют [3]. Это, очевидно, не так, и у журналистов в руках действительно огромная власть, другое дело, что подчас ею не умеют (или не хотят) грамотно распорядиться, в силу определенных обстоятельств. К ним, на наш взгляд, можно отнести, во-первых, примитивный культурно-интеллектуальный уровень современных медиарботников, не позволяющий тонко разбираться в нюансах профессии, во-вторых, доминирующие в данную эпоху (сегодня это модные антиэтатистские) идейные тенденции, в-третьих, невыработанность и нечеткость персональной общественно-политической позиции. Думается, что с устранением данных обстоятельств, весь журналистский цех будет обречен на более релевантную самоидентификацию с властной машиной и осознание необходимости защиты государственного порядка. В идеале в этом и должны заключаться подлинные интересы работников информационной сферы.

Отступление № 1. Причастность к власти не в состоянии дискредитировать никакого субъекта, если власть понимается в пику макиавеллиевской концепции в духе повышенной социальной ответственности. Необходимо согласиться с мыслью, что социальная ответственность является своеобразным, специфическим механизмом, инструментом, орудием в руках власти, с помощью которого она (власть) способна подчинять [4, с. 164]. Иными словами, нет этого орудия, и подчинить никого не удастся. Из этого логически вытекает, что безответственная власть – своего рода концептуальный оксюморон, недоразумение в форме самозванства и имитации. Не власть, а как бы власть. И главная ее опасность именно в подрыве доверия к власти на самом деле. Именно подобный эрзац, так сказать, властный симулякр, думается, и вызывает антипатию у честных и совестливых журналистов, которые в связи с этим властвовать потом не стремятся. Мы бы назвали такую проблему синдромом подмены, вследствие которой потенциально влиятельные лидеры общественного мнения утрачивают вкус к жизни как таковой на фоне нелепой и простодушной диспауэризации (от англ. power – сила, мощь, власть). Этот момент, как мы помним, зафиксирован в ярком и убедительном ницшеанском афоризме «воля к вла-

сти есть воля к жизни», и наоборот. Управлять – это, прежде всего, заботиться о ком-то на основании переизбытка жизненной энергии, по праву более сильного ради предотвращения возможного проявления самоубийственной анархии в социальном пространстве. Данная интерпретация власти уходит корнями в позитивную гуманистическую традицию, на почве которой расцвела теория общественного договора [5].

Отступление № 2. Чтобы стала еще более наглядной досадная тенденция добровольного обкрадывания себя журналистами в плане игнорирования ими властных полномочий и ухода, в лучшем случае, в развлечения и гламур, попытаемся классифицировать власть на основании этимологии этого слова. В английском языке есть, как минимум, два значения понятия власти: власть как грубая brutальная сила, бьющая из хтонических источников (это и есть power) и власть как авторитет (authority) со смысловыми коннотациями самоумаления, служения, жертвы, любви. С нашей точки зрения, журналист, благородно отвергающий бремя власти в значении грубой силы и способности нагло навязывать свою волю другим, все же обязан не забывать о служении и подвиге. Стоит констатировать, что в мирной жизни места для подвига естественным образом становится меньше, поэтому наиболее возвышенные натуры могут испытывать дискомфорт от необходимости освещения будничных тем, между прочим, растрчивая тем самым квалификацию. В подобных условиях умение объяснить себе важность и ценность регулярной работы в рамках рутинного дискурса в разрезе жертвенности становится кратчайшим путем к успеху и состоятельности в профессии, от которых зависит счастье журналиста.

Отступление № 3. Высшей формой власти является государственная власть, исторически складывающаяся особая реальность, сопряженная с контролем и господством со стороны элиты общества в отношении широких слоев населения. Версия государства как высшей ценности и результата метасоциального консенсуса веками разрабатывалась в лоне платонической философской традиции, стартующей с утопии Сократа (IV в. до н.э.). С одной стороны, она представляет собой труднодостижимый идеал, имеющий лишь отдаленное отношение к реальному миру, с другой же, – реальный мир, хотя бы отчасти следующий идеалу, постоянно совершенствуется через революционные скачки или спокойные порционные преобразования. К примеру, сократовский концепт элиты (стражей, аристократии духа, благородных мужей) стоит рассматривать как обетование и трансцендентальный ноумен, а не факт, данный в ощущениях. Здесь и сейчас идет борьба за максимальное соответствие живых управленцев их идеальным аналогам. Поэтому процесс идеализации управленческой функции со стороны журналистов

не может нести даже малейшего намека на предательство базовых журналистских принципов – свободы, объективности, демократизма и т. п. [6, с. 114]. Тем более, что журналисты по всем своим характеристикам, все-таки значительно ближе к стражам, чем к широким народным массам. И в этом своем амплуа они, конечно же, призваны к охране общественного благополучия, а не дестабилизации обстановки. Тот же журналист, который видит своим долгом дестабилизацию, автоматически разрушает свой статус агента четвертой власти и банально маргинализируется. Журналистам в этом контексте, несомненно, в большей мере подобает роль рачительных пастырей в отношении граждан, чем смутьянов и трикстеров.

Отечественная история неопровержимо свидетельствует, что журналистика на генетическом уровне имеет все признаки прямого родства с государственной властью. Первая газета в России появляется по инициативе именно императора Петра в 1703 г. в целях продвижения идеи форсированного госстроительства, но никак не как альтернативный орган критики ведущихся коренных преобразований. Всем сомневающимся стоит учесть, что Петр через свои «Ведомости» развертывал перед элитой и косвенно перед народом программу реформ [7, с. 16]. Вариант же, что, наоборот, народ за счет газеты как бы поддавливает зарпортованного царя, не выдерживает никакой критики. То, что в дальнейшем в стране появляется т. н. оппозиционная власти пресса говорит лишь о том, что власть научилась использовать в целях утверждения порядка борьбу в усложнившемся инфополе плюралистических точек зрения, удерживая их в состоянии относительной гармонии и учета.

С дальнейшим ростом типологического и содержательного разнообразия средств массовой информации властный компонент СМИ не ликвидируется, а серьезно модифицируется, приспособившись к изощренным запросам общества. Сегодня даже внешне аполитичные развлекательные медиа глянцевого формата позволяют власти контролировать деструктивные процессы в зародыше, так сказать, превентивно и в режиме light. Это удается делать через пережигание саккомулированной протестной энергии масс не на баррикадах, а у экранов телевизоров, в процессе интернет-серфинга и прочих медиа-практик. Координация управленческих действий по линии переплетения всех ветвей власти хорошо репрезентируется на примере той этатистской позиции, которую неожиданно заняла перманентно недовольная государством РФ «Медуза» в деликатном вопросе защиты/критики признанной по суду террористической организации «Сеть» в феврале 2020 г. [8]. К досаде и удивлению многих отечественных внесистемных активистов «Медуза» резонно предпочла критику и разоблачение терроризма как социального зла невразумительной апологии.

Лучше всего функция СМИ как подлинной власти, на наш взгляд, проявилась в условиях Великой Отечественной войны, когда материалы фронтовых журналистов становились дополнительным фактором победы над фашизмом, поднимая боевой дух солдат Красной Армии и заставляя их с удвоенной силой бить врага. Пафос всё испепеляющих памфлетов А.Н. Толстого («Родина»), А.А. Фадеева («Бессмертие»), И.Г. Эренбурга («Бешеные волки»), М.А. Шолохова («Наука ненависти») [9, с. 338–379], их непримиримая мобилизационная риторика рождали особое ощущение величественности подвига народа СССР, сражающегося за справедливость и мир во всем мире.

Можно в этой связи особо вспомнить цикл очерков «Таня» и «Кто была Таня?» военного корреспондента Петра Лидова, опубликованных в газете «Правда» от 27 января и 18 февраля 1942 г., посвященных подвигу Зои Космодемьянской. По горячим следам было проведено журналистское расследование, выявившее несгибаемое поведение девушки-разведчицы, назвавшейся Татьяной, во время казни в подмосковной деревне Петрищево в ноябре 1941 г. Гитлеровцы вплотную подступили тогда к столице и ситуация была критической. Обороняться приходилось при помощи тактики «выжженной земли» для оккупантов. Зоя работала в составе диверсионного отряда, в задачу которого входило уничтожение живой силы и техники фашистов, разместившихся в советских населенных пунктах. Как писал П. Лидов, Зоя была одним из тех добровольцев-смельчаков, которые «выкуривали немцев из теплых изб на мороз» [10, с. 127]. Попав в плен, 18-летняя комсомолка стойко выдержала бесчеловечные истязания, а во время казни выкрикнула в лицо палачам слова, разошедшиеся потом на цитаты: «Вы меня сейчас повесите, но я не одна, нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня!». И далее, обращаясь к населению: «Мне не страшно умирать, товарищи. Это – счастье умереть за свой народ!», «Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь!» [10, с. 131–132]. С легкой руки журналиста П. Лидова эти фразы превратились в одну из базовых мотиваций сражавшихся советских войск. Сокрушительный призыв «За Зою!», ставший своего рода коммуникативным «мемом», всю войну изображался на корпусах танков и самолетов, кораблей и реактивных снарядов. Священное имя Зои Космодемьянской воевало как самостоятельная самодвижущаяся сила, как отдельное воинское подразделение. Технически информация о Зое-Татьяне доводилась до массового сознания через небольших размеров книжечки. Размноженная в тысячах экземплярах брошюра со статьей П. Лидова о представленной посмертно к званию Героя Советского Союза [11, с. 569] отечественной Жанне д-Арк бережно хранилась в карманах гимнастеров советских воинов.

Как верно отметил современный российский публицист Армен Гаспарян, «Очень яркий образ Зои, безусловно, повлиял на моральное состояние рабоче-крестьянской красной армии в битве под Москвой» [12]. И через 79 лет после тех событий до глубины души проникают строки из лидовского очерка: «Целясь в фашиста, вспомни Таню. Пусть пуля твоя полетит без промаха и отомстит за нее. Идя в атаку, вспомни Таню и не оглядывайся назад... И бойцы поклянутся над могилой страшной клятвой. Они пойдут в бой, и с каждым из них пойдет в бой Таня» [10, с. 128].

Общественный резонанс, поднятый автором статьи, был таким мощным, что руководство страны приняло беспрецедентное решение – солдат 197-й немецкой пехотной дивизии, участвовавших в изуверском коллективном глумлении над молодой девушкой-партизанкой, в плен не брать [13].

Как известно, имелись случаи объявления советских медийщиков личными врагами фюрера по причине особой их значимости в деле поддержания отваги и негибаемости духа в наших войсках и дискредитации преступлений нацизма. Это относится, в частности, к диктору Всесоюзного радио Юрию Левитану. Левитан зачитывал в годы войны сводки боевых действий от имени Совинформбюро, главного информационно-пропагандистского ведомства СССР в 1941–1961 гг. Его удивительный голос превратился в еще один символ и оружие Великой Победы. Он властно заставлял преобразаться сердца миллионов граждан СССР в тылу и на фронтах. Колоритные голосовые модуляции Ю. Левитана, льющиеся из динамиков, становились своего рода усилителем сопротивления коричневой чуме, вызывая психические и физические судороги у захватчиков. Как впоследствии вспоминал один из друзей Левитана, слушателям казалось, что голос Юрия Борисовича сметает на своем пути вражеские танки, а фронтовые тучи расходятся, открывая ясное небо [14]. И если Гитлер действительно обещал за умолкание голоса Левитана астрономические суммы, то, именно это и является главным индикатором власти медиа в тот период. С ними приходилось считаться, как считаются с численностью регулярных армий противника или его технической оснащенностью. Кстати, сегодняшние наши западные «партнеры», разумеется, отдают себе отчет в степени влиятельности таких фигур российского медиаолимпа, как Дмитрий Киселев или Владимир Соловьев, иначе бы их имена не были внесены в санкционные списки тех, кому запрещен въезд в США и ЕС [15]. Таланты обоих телеведущих способствовали тому, что Россия научилась успешно выдерживать усилившееся международное давление. Они – профессиональные бойцы новой информационной войны, воспитанные, в том числе, и магией голоса Ю. Левитана.

По сути медийную роль во время Великой Отечественной войны выполняли известные художники-карикатуристы из группы «КУКРЫНИКСЫ». Их хлесткие недружественные шаржи на Гитлера и его некрофильское окружение властно заставляли задуматься рядовых исполнителей нацистского режима, какие на самом деле чудовища ими правят. У красноармейцев творческие работы Михаила Куприянова, Порфирия Крылова и Николая Соколова пробуждали дополнительные источники оптимизма на тему того, что враг вскоре будет разбит, а победа обязательно будет за нами. Так силой средств массовой информации развенчивался миф о непобедимости вермахта и его сателлитов. Показательно, что всю войну художники не теряли контакта с передовой: они часто бывали в действующих частях, приближая своим присутствием окончательный разгром морока гитлеризма [16]. Задействованный в полной мере «Кукрыниксами» публицистический ресурс смеха в созданной ими серии агитационных плакатов с призывами к защите Родины «Окна ТАСС» пробуждал в советских людях чувство собственного достоинства на фоне милитаристских беснований обезумевшего врага. Фундаментальным фактором особой убедительности и, как следствие, популярности художественных работ «Кукрыниксов», как отмечают исследователи, становится уникальный – коллективный – метод их творчества [17, с. 3]. По аналогии с рублевской «Троицей», ставшей призывным символом объединения раздробленной Руси на излете Средневековья, «Кукрыниксы» составили сплоченную в идейном антифашистском единстве троицу художников [18], от которой исходили все те же импульсы объединения народа перед лицом физического уничтожения.

Подводя итоги, необходимо еще раз отметить, что одна и та же властная функция медиа, традиционно обозначаемая формулой «медиа как четвертая власть» по-разному проявляется в условиях мира и войны. Ее роль заметно возрастает и становится отчетливо созерцаемой, когда общество и государство переживают ситуацию экзистенциальной угрозы разрушения и ликвидации, и, наоборот, серьезно нивелируется, когда обстановка стабилизируется и возвращается социально-политический порядок. Получается, что мир – не самое лучшее время для проявления властных качеств и управленческих полномочий журналистики и средств массовой информации. В условиях мирной жизни они как бы пребывают в состоянии потенциальной возможности, которое скрыто за размеренной будничностью событий, хозяйственной рутинной, прозой экономического роста. В этот период журналистика, к сожалению, временно утрачивает собственную провластную идентичность, стремясь занять оппозиционную нишу и таким первертным способом доказать профпригодность в качестве четвертой ветви. Чтобы такого не происходило, ради единства всех ветвей власти и поступательного развития общества, необходимо, видимо, культивировать в журналистской среде четкие

представления об истинных антагонистах, а значит и объектах критических выступлений. Как парадоксально это не прозвучит, но мишени те же, что и на войне – трусость, лень, человеконенавистничество, жадность и хамство, подлость и вероломство.

Список литературы

1. Науменко Т.В. «Четвертая власть» как социологическая категория [Электронный ресурс]. – URL: http://www.intelros.ru/2007/07/06/print:page,1,tv_naumenko_chetvertaja_vlast_kak_sociologicheskaja_kategorija.html (дата обращения: 28.02.2020).
2. Монтескье Ш.Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
3. Шендерович Виктор. «Никакого «народа» нет» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.shender.ru/about/text/?file=15> (дата обращения: 28.02.2020).
4. Панов А.Т. Власть и ответственность // Вестн. Саратов. гос. социально-экон. ун-та. – 2010. – № 3 (32). – С. 163–167.
5. Гоббс Т. Левиафан. – М.: РИПО классик, 2017. – 608 с.
6. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов. – 8-е изд. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 351 с.
7. Ковалева М.М. Лекции по истории отечественной журналистики. Ч. I. XVIII в. – 40-е гг. XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1996. – 176 с.
8. Редакция «Медузы» о новых обстоятельствах в деле «Сети» [Электронный ресурс]. – URL: <https://meduza.io/feature/2020/02/21/redaktsiya-meduzy-o-novyh-obstoyatelstvah-v-dele-seti> (дата обращения: 28.02.2020).
9. Кузнецов И.В. История отечественной журналистики (1917–2000). – 5-е изд. – М.: Флинта, 2018. – 640 с.
10. Лидов П. Таня // От Советского информбюро. 1941–1945. Публицистика и очерки военных лет: в 2 т. – Т. 1. – М.: Издательство АПН, 1984. – 320 с.
11. Москва прифронтовая. 1941–1942. Архивные документы и материалы. – М.: Изд-во объединения «Мосгосархив», 2001. – 664 с.
12. Авдеева Юлия. История Зои Космодемьянской без идеологии и мифов [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/3976271> (дата обращения: 28.02.2020).
13. Рощупкин Владимир. Особое распоряжение Сталина // Независимое военное обозрение [Электронный ресурс]. – URL: http://nvo.ng.ru/nvo/2013-12-27/9_bege.html (дата обращения: 28.02.2020).
14. Левитан – главный враг Гитлера: Почему известного диктора отстранили от эфиров после завершения войны [Электронный ресурс]. – URL: <https://kulturologia.ru/blogs/130619/43366/> (дата обращения: 28.02.2020).
15. По примеру США ЕС внес еще 12 российских чиновников в черный список по России // Взгляд. Деловая газета [Электронный ресурс]. – URL: <https://vz.ru/politics/2014/3/21/678406.html> (дата обращения: 28.02.2020).
16. Павлов В. Кукрыниксы – художники Победы // История.РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/kukryniksy-khudozhniki-robiedu> (дата обращения: 28.02.2020).
17. Демосфенова Г.Л. Кукрыниксы иллюстраторы. – М.: Гос. изд-во «Искусство», 1956. – 219 с.
18. Пистунова А.М. Единосущная троица. – М.: Сов. Россия, 1978. – 272 с.

References

1. *Naumenko T.V. «Chetvertaya vlast'» kak sociologicheskaya kategoriya* [«Fourth Power» as a sociological category]. – URL: http://www.intelros.ru/2007/07/06/print:page,1,tv_naumenko_chetvertaja_vlast_kak_sociologicheskaja_kategorija.html (data obrashcheniya: 28.02.2020).

2. *Montesk'e Sh.L. O duhe zakonov* [About spirit of laws]. – M.: Mysl', 1999. – 672 p.
3. *Shenderovich Viktor. «Nikakogo «naroda» net»* [«The «nation» is absent»]. – URL: <http://www.shender.ru/about/text/?file=15> (data obrashcheniya: 28.02.2020)
4. *Panov A.T. Vlast' i otvetstvennost'* [Power and society] // *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta* [Journal of Saratov State Socio-Economic University]. – 2010. – № 3 (32). – P. 163–167.
5. *Gobbs Tomas. Leviafan* [Leviathan]. – M.: RIPO klassik, 2017. – 608 p.
6. *Prohorov E.P. Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki: Uchebnik dlya studentov vuzov* [Introduction to journalism theory: A textbook for university students]. – 8-e izd. – M.: Aspekt Press, 2011. – 351 p.
7. *Kovaleva M.M. Lekcii po istorii otechestvennoj zhurnalistiki. Chast' I. XVIII v. – 40-e gg. XIX veka* [Lectures on the history of domestic journalism. Part I. 18th century – 40th century]. – Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo un-ta, 1996. – 176 p.
8. *Redakciya «Meduzy» o novyh obstoyatel'stvah v dele «Seti»* [«Medusa» edition about new circumstances in the Network case]. – URL: <https://meduza.io/feature/2020/02/21/redaktsiya-meduzy-o-novyh-obstoyatelstvah-v-dele-seti> (data obrashcheniya: 28.02.2020).
9. *Kuznecov I.V. Istoriya otechestvennoj zhurnalistiki (1917–2000)* [History of domestic journalism (1917–2000)]. – 5-e izd. – M.: Flinta, 2018. – 640 p.
10. *Lidov Petr. Tanya* [Tanya] // *Ot Sovetskogo informbyuro. 1941–1945. Publistika i ocherki voennyh let* [From the Soviet information bureau. 1941–1945. Publishing and essays of war years]. V dvuh tomah [In two volumes]. – Vol. 1. – M.: Izdatel'stvo APN, 1984. – 320 p.
11. *Moskva prifrontovaya. 1941–1942. Arhivnye dokumenty i materialy* [Frontline Moscow. 1941–1942. Archival documents and materials]. – M.: Izdatel'stvo ob"edineniya «Mosgosarhiv», 2001. – 664 p.
12. *Avdeeva Yuliya. Istoriya Zoi Kosmodem'yanskoj bez ideologii i mifov* [The story of Zoe Kosmemyanskaya without ideology and myths]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/3976271> (data obrashcheniya: 28.02.2020).
13. *Roshchupkin Vladimir. Osoboe rasporyazhenie Stalina* [Special order by Stalin] // *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. – URL: http://nvo.ng.ru/nvo/2013-12-27/9_bege.html (data obrashcheniya: 28.02.2020).
14. *Levitan – glavnyj vrag Gitlera: Pochemu izvestnogo diktora odstranili ot efirov posle zaversheniya vojny* [Levitan is Hitler 's main enemy: Why the famous speaker was removed from the ethers after the end of the war]. – URL: <https://kulturologia.ru/blogs/130619/43366/> (data obrashcheniya: 28.02.2020).
15. *Po primeru SSHA ES vnes eshche 12 rossijskih chinovnikov v chernyj spisok po Rossii* [Following the example of the United States, the EU blacklisted 12 more Russian officials for Russia] // *Vzglyad. Delovaya gazeta* [Business newspaper «View»]. – URL: <https://vz.ru/politics/2014/3/21/678406.html> (data obrashcheniya: 28.02.2020).
16. *Pavlov Vladimir. Kukryniksy – hudozhniki Pobedy* [Kukryniksy – painters of the Victory] // *Istoriya.RF*. – URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/kukryniksy-khudozhniki-pobedy> (data obrashcheniya: 28.02.2020).
17. *Demosfenova G.L. Kukryniksy illyustratory* [Kukryniksy illustrators]. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Iskusstvo», 1956. – 219 p.
18. *Pistunova A.M. Edinosushchnaya troica* [Consubstantial Trinity]. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1978. – 272 p.

Социальное согласие: интерпретация в исследованиях повседневности

В работе рассматриваются проблемы применения когнитивного подхода в исследованиях повседневности. Методологическая установка состоит в восприятии социальных групп в качестве исходной единицы в изучении повседневности. Это предполагает определенное развертывание повседневности как коллективного жизненного порядка – от солидарности к принятию идеи согласия, проявляющейся по мере развития форм группового взаимодействия, связей с социальными институтами. Соответственно, культуры, ориентированные на согласованные действия социальных групп, будут предполагать здесь иные способы развертывания повседневности. Подчеркивается не только важность синтеза структурно-функционального и генетического изучения повседневности, но и специфика каждого из этих подходов.

Ключевые слова: повседневность, культурные предпосылки, социальные группы, гендерные группы, согласие, согласованные действия, структурно-функциональный подход, генетический подход.

N.V. Dosina

Social Consent: Interpretation in the Study of Everyday Life

The article deals with the problems of applying a cognitive approach in the study of everyday life. The methodological setting introduces perception of social groups as the original unit in the study of everyday life. It assumes a certain deployment of everyday life as a collective life order – from solidarity to acceptance of the idea of consent that appears, as forms of group interaction and connections with social institutions grow. Respectively, cultures oriented on coordinated actions of social groups, here assume other ways of everyday life deployment. The work emphasizes both the importance of synthesis of the structural and functional and genetic study of everyday life, and the peculiarity of each approach.

Key words: everyday life, cultural prerequisites, social groups, gender groups, consent, coordinated actions, structural and functional approach, genetic approach.

Вопрос о культурных предпосылках повседневности рассматривается в современной литературе как в теоретических, так и в исторических исследованиях. Как правило, ставится этот вопрос в общей форме. Задача данной статьи состоит в том, чтобы макси-

мально конкретизировать постановку вопроса путем сопоставления состояния, опыта согласованных действий социальных групп в сфере повседневности с идеей согласия в познавательном процессе, где оно характеризуется как идеал, организующая и направляющая сила развития повседневности.

Обратим внимание на высказывание Ж. Подьоло, которое четко фиксирует проблему. Коллективные действия, пишет Подьоло, предполагают согласие партнеров по поводу правил принятия решений. Однако с когнитивной точки зрения консенсус не сводится к простому соглашению сторон. Он возникает при согласовании взаимных восприятий социальных деятелей по отношению к конкретному предмету. Выбор стратегий коллективного действия определяется стилем мышления его участников, который интерпретируется как сочетание когнитивной (усвоенный способ толковать и определять ситуации) и коммуникативной (способ справляться с неопределенностью в повседневной жизни, оперируя теми или иными ценностями и нормами) компетенций [1].

Это высказывание примечательно. Во-первых, признается влияние согласия не на долю, а на характер вклада каждой социальной группы в коллективные действия. Идет процесс становления и функционирования вариативных моделей повседневности через процедуры их интерпретации участниками. Во-вторых, имеется в виду направленность коллективных действий не на соответствие действительности, а на самосогласованность множества на первый взгляд совершенно различных явлений повседневной жизни, вытекающих как следствие из единственного общего принципа. Согласие, выступая предпосылкой повседневности, содействует ее кардинальным изменениям, а не производит в ней отдельные улучшения. Если иметь в виду, что адекватное проявление коллективного интеллекта непременно связано с деятельностью социальных институтов, направленной на качество социальных связей, изучение согласия не только как коренного свойства малой группы людей, но и как необходимого, существенного, неотъемлемого свойства, объективного атрибута повседневности, существующего наряду с несогласием/ конфликтом/ противостоянием/ столкновением, становится одним из основных требований истории повседневности.

Методологическая установка, состоящая в восприятии социальных групп в качестве исходной единицы в изучении повседневности, предполагает определенное развертывание картины повседневности как коллективного жизненного порядка – от солидарности к принятию идеи согласия, проявляющейся по мере развития форм группового взаимодействия, связей с социальными институтами. Соответственно, культуры, ориентированные на согласованные действия социальных групп, будут предполагать здесь иные способы развертывания повседневности.

Вопрос о доминировании согласованных действий как выражении нового качества повседневности поддерживается интерпретацией специфики повседневности в гендерных исследованиях: при восприятии категориального характера (полном, многоуровневом) повседневность воспринимается не как примитивное существование, а как обладающее развитой и внутренне дифференцированной культурой. Определяя согласие как состояние, признак или процесс взаимодействия между гендерными субъектами, стремящимися иметь сходные ценности, потребности, интересы и цели, авторы материала «Дискретный обзор: гендерные отношения – 2» в первой главе «Социальные гендерные отношения: путь к согласию» подчеркивают, что гендерные группы принадлежат к определенным культурным системам – массовым субкультурам, каждая из которых представляет собой совокупность устойчивых представлений, ценностей, норм, характерных для части населения и закрепляемых специфическими механизмами социально-политической организации. Идея согласия играет при этом позитивную роль в познавательном процессе, если замечена как идеал, организующая и направляющая сила [2].

Обнаружив признание влияния согласия на понимание истории повседневности, на постепенное выражение ее качества, выделим три аспекта, наиболее важные для выявления ценностного содержания согласия. *Первый аспект* состоит в рассмотрении согласия как показателя, резюмирующего характер изменения когнитивного подхода к повседневности в его соотношении с когнитивным подходом, применяемым в настоящее время в исследованиях повседневности. *Второй аспект* определяется таким пониманием повседневности, которое воспринимает ее как ответ на исторические потрясения, риски, специфически воздействующие на все содержание согласия и, естественно, на характер изучения повседневной жизни. *Третий аспект* связан с характеристикой процессов развития социальных взаимодействий, под влиянием которых с годами изменился когнитивный стиль действий каждой социальной группы – определенный тип ее поведения. Зафиксирована тенденция постепенной эволюции согласия в сторону более дискурсивного в истинном смысле этого слова. Изучаются факторы, повлиявшие на такое состояние, причинно-следственные связи между факторами, частота циклов положительной и отрицательной связи в когнитивных картах.

Остановимся на первом аспекте. Сопоставим типы понимания согласия: согласие – исследовательский метод изучения социальных явлений, определенная структура ценностей, которой субъект руководствуется в этом мире; и согласие как онтологический процесс постижения самим субъектом той сферы реальности, в которой

ему приходится действовать или в которую он погружен, в том числе посредством истолкования ее отдельных фактов. Общее в двух типах понимания заключается в том, что и аналитик, и субъект деятельности имеют дело с тенденциями эволюции согласия. Различия – в стремлениях и в смысловом содержании [3]. По нашему мнению, никак не должен быть упущен момент их сущностного единства. Речь идет о том, что социальное согласие может характеризоваться как особое перетолкование повседневного опыта социальных групп, выступать в качестве основания моделей поведения социальных групп в сфере повседневности.

Оставаясь в рамках первого уровня, предложим в качестве предварительной объяснительной гипотезы воздействия согласия социальных групп на осмысление повседневности следующую схему распределения его ценностно-значимых характеристик, служащих кодами в пространстве согласованного взаимодействия. Выделим по несколько значимых характеристик каждого типа понимания согласия, при которых резюмируется позитивный опыт осмысления повседневности, работающий на перспективу.

При структурно-функциональном подходе чаще всего характеризуется поведение социальных групп, основанное на сходстве взглядов или ориентаций относительно значимых ценностей, целей и норм/правил, ролей, отношений власти и т. д. Оно рассматривается как важный фактор функционирования и поддержания стабильности общества. Безусловно, отмечается также соглашение по спорным вопросам, достигнутое участниками переговоров как средство разрешения конфликтов. Структура согласия при этом представляется процессами взаимодействия, настроениями.

И всё же представленный уровень анализа недостаточен при отсутствии следующего аналитического пласта. На следующем уровне рассмотрение согласия исходит из идеи его конструктивности, моделирования конкретной практики действий социальных групп, плодотворности на этой основе. Для реализации генетического подхода к согласию социальных групп может быть предложена следующая парадигма: – каузальные, т. е. причинные **условия** (держать в центре внимания определенный процесс как условие выхода из трудностей практического порядка) – феномен (**событие**, например, в связи с которым и для управления которым предпринимается ряд взаимодействий) – **контекст** (ряд условий, в рамках которых социальными группами предпринимаются стратегии действия / взаимодействия для управления явлением) – **промежуточные условия** (более широкий структурный контекст: история культура, технологии, т. е. всё то, что поддерживает или ограничивает действие / взаимодействие. И это не только хронология, но и ритмика, т.е. размеренность, последовательность повышения и понижения

тонов, равномерность функционирования и развития события) – **стратегии действия / взаимодействия** (цель, процесс, неудавшееся действие по какой-то причине, которое может сопровождаться конфликтом) – **следствия – результаты** (факт или потенциал). Этот способ рассмотрения проблем согласованных действий предполагает объяснение способностей социальных сил держать формирующуюся ситуацию под контролем, и зависит от качества диагностики «болевых точек» реализации их потенциала. Как представляется, обозначенные признаки, достаточно часто используемые в объяснительных моделях социального взаимодействия, уже включаются в объяснения существенных событий повседневной жизни. Новые практики и нормы поведения трактуются как опирающиеся на самоорганизацию социальных групп.

Подчеркнем, что степень реальности картины будет зависеть от того, насколько глубоко выяснена связь новых практик и стратегий социальных групп с наследием предыдущей эпохи, а также с государственной политикой. Может оказаться так, что динамическая социальная система взаимодействий групп, состояние которой описывается некоторой переменной $x = (x^1, \dots, x^n) \in \mathbb{R}$, находится в «силовом» социальном поле, зависит от управляющих параметров и имеет врожденные критические точки. Такое поле содержит катастрофы, т.е. скачкообразные изменения равновесных состояний системы при малых изменениях управляющих параметров, когда происходит пересечение границ так называемых бифуркационных множеств. Обращаясь к примеру уровня согласия групп, можно сказать, что происходит крушение одной из групп, временное единовластие оставшейся и рождение новой группы, подавляющей постепенно оставшуюся от прежних времен «победившую» группу. Р. Том называет это «петлей опоры» [4]. Принцип согласия и означает, что повседневность узнается лишь в ходе диалога, доброжелательного взаимодействия социальных групп.

Остановимся на втором аспекте. Важной характеристикой согласия является то, как социальные группы взвешивают риски, сопряженные с различными предложенными средствами. По нашим наблюдениям, во всех современных научных работах так или иначе выстраивается единая перспектива сферы повседневности, т. е. то, что Н.Н. Зарубина обозначила как маркирование с трудом формируемого сегодня в России единства граждан принадлежностью к системе безопасности: важным обозначается не только то, как развивается какая-либо система, но и то, за счет чего она развивается [5]. Сложное взаимодействие осуществляется через серии интерактивных ритуалов разного уровня. По-другому – с помощью информационного и ценностного обмена, ведущего к формированию общего чувства реальности, общих интересов, единства, готов-

ности к совместным действиям. Главное здесь, подчеркивает М. Манн, поддержание связей [6].

Вместе с тем необходимо принять во внимание, что взгляд на повседневность только через риски, как правило, искажает картину повседневности. Социальные группы почти всегда находят в себе силы для преодоления многих рисков. Для иллюстрации классифицируем тип отношений и выясним, как это сказывается на структуре и организации взаимодействия гендерных групп. Преимущества женской гендерной группы от взаимодействия с мужской гендерной группой проявляются, на наш взгляд, в следующем: – содействие инициативе, оформление ряда социально-значимых программ; – получение новых моделей, методик, наработок, тренинговых модулей, созданных и апробированных женскими организациями для использования в работе с другой гендерной группой; – доступ к публикациям, материалам социологических опросов, базам данных, другим демонстрационным материалам, предоставленным «третьим сектором»; – возможность использования общественной экспертизы документов с целью их совершенствования и др. При этом непременно осмысливаются решающие события истории преобразования повседневности, которые стимулировали или блокировали согласие и задавали определенное направление отношениям гендерных групп.

Эта гипотеза может быть подтверждена при сопоставлении особенностей развития гендерных групп. Можно предположить, что акцент, сделанный в стране в 70-е гг. XX в. на государственные меры по облегчению выполнения женщинами их материнских обязанностей, стал стимулом развития повседневности как раз в то время, когда в российской науке формировались основные позиции гендерных исследований, их основной идеи – идеи сотрудничества гендерных групп, основывающимся на нем согласии. Представляется несомненным, что важным фактором развития поля повседневности явилось освоение мужской гендерной группой тенденций развития культуры в стране, поскольку именно в сфере культуры происходит формирование запроса со стороны современного общества на разработку идеи согласия. Оказалось несомненным, что «сгустки» согласительных проблем гендерных групп вместе с осмыслением процессов проблематики повседневности приводят к формулировке новых интересов и новых ценностных ориентиров в обществе.

Остановимся на третьем аспекте. Анализируются трудности и препятствия на пути установления согласия во взаимодействиях социальных групп. Это оттенки мнения, постановка вопросов – их выбор, организация и манера обсуждения, ценностные предпочтения, определение органа, принимающего решение и пр.

Сложным и нерешенным в современной демографической политике России остается вопрос о том, насколько целевой ориентир мер в ней сбалансирован с целевыми ориентирами и приоритетами в социальной сфере, например, в сферах образования, труда и занятости. В этой связи интересны данные проведенного в 2010 г. группой ученых Иркутского государственного университета исследования «Гендерная дифференциация представлений о социальной солидарности в современном российском городе» [7]. С помощью методики транссимволического анализа социальная реальность описывалась и анализировалась в троичной системе: когнитивный символ (существенно то, что происходит в жизни, как воспринимается ситуация, как выражается согласие), аффективный (сферы реализации согласия), деятельностный (оценка реализации). Результаты исследования показали, что в зоне идеологического консенсуса находятся представители гендерных групп, обнаружившие сходство взглядов относительно эффективности проводимых в стране мер экономической политики: «ядро» довольно прочное, хотя в будущем не исключены ценностные и идейные расколы. Частично или полностью за пределами идеологического консенсуса располагаются те группы мужчин и женщин, которые настроены более оппозиционно по отношению к политике властей в области образования: возможностям его получения, его качества, перспектив трудоустройства. Ценностно-культурная атмосфера в стране также по-разному оценивается мужчинами и женщинами: мужчины ориентируются на сложившиеся в стране ценностно-культурные условия, но лишь пятая часть опрошенных женщин признают, что эти условия могут выступать основой согласия в обществе. Разницу в восприятии влияния разнообразных условий автор работы О.А. Полюшкевич объясняет силой осознания группами гендерных стереотипов и противостояния им, характером исполнения социальных ролей, влиянием жизненного опыта. Объединяет всех граждан убеждение в том, что декларируемые официальными лицами меры построения инновационной экономики в России, выбранный стратегический приоритет будут способствовать не только успешности взаимодействий социально-демографических групп, но и их культуры.

Чтобы понять способ возникновения новых идей в сфере повседневности, представим, позиции исследователей согласия во взаимодействиях социальных групп в истории науки.

Обращает на себя внимание тот факт, что термин и понятие согласия появились в науке как реакция мыслителей на сложившуюся и утвердившуюся в обществе глубокую иерархию. Это мысли Аристотеля, Гераклита, Ибн-Сина, Платона, Пифагора, Фараби. Указание на связь между проблематикой коллективной жизни людей и согласия относится к первой половине XIX в.: в классических трудах

О. Конта, Г. Спенсера берет свое начало социологическая рефлексия природы социального взаимодействия. Вслед за ними идут работы Шеллинга, Шопенгауэра, Бердяева, Кропоткина, Чичерина, Гуссерля, Келле, Шмальцгаузена, Свидерского, Бонхеффера и др. Важность идей М. Вебера о согласии можно, видимо, усмотреть в том, что характер согласия (консенсуса в его трактовке) признавался основанным не на солидарности, а на принятии идей определенного типа, образующихся на основе возникновения сложных социальных и классовых структур. К моделям коллективного бессознательного М. Вебера следует, на наш взгляд, отнестись осторожно, в их сдержанной оценке можно согласиться с современным философом В.В. Ильиным: теориями, сцепленными с характером инициатив познающего, нельзя пренебрегать, но использовать в исследованиях социальных взаимоотношений и взаимодействиях необходимо, по его мнению, модель странных, стохастических аттракторов (фундаментальных ценностей, движущих поведением), понятие самооценности свойственно не только индивиду, но и определенной социальной группе, и обществу, когда они поднимаются до определенного культурного уровня. С этим понятием сопоставимо, отмечает автор, понятие инвариантности, служащей основой адекватного отражения сущности объекта [8]. Надо признать, что тема свойств некоторых существенных элементов системы соотношений не меняться при ее определенных преобразованиях привлекательна для современных ученых, трактующих инвариантность как выражение природы и пытающихся содействовать ее сохранению. Здесь понимание следует не логике линейного детерминизма, а логике культуры, отстаивается идея не фонового, а сущностного изучения социальных отношений и взаимодействий. В таких работах говорится о необходимости постижения характера отношений и взаимодействий социальных групп и, в связи с этим, о проблемах организации повседневности [9].

В 60–70-е гг. XX в. проблематика консенсуса разрабатывается, с одной стороны, в рамках неомарксистской социальной философии (Ю. Хабермас), с другой – в русле феноменологически ориентированной социологии, отправляющейся от идей А. Шюца, связавшего веберовскую концепцию консенсуса с концепцией интерсубъективности Э. Гуссерля.

В последующие годы речь идет о том, чтобы при характеристике перехода от одной фазы повседневности к другой охватить изменения в содержании и объеме понятий, с помощью ряда новых категорий изучить генетические, причинные, функциональные связи между согласием, разногласием и несогласием, согласием и противостоянием, отразить вступление нагруженного противоречиями согласия в новое качество своего существования, востребованного условиями развития всеобъемлющих общественных связей.

Особо следует отметить немалую роль процессов развития синергетики в актуализации темы согласия в межгрупповых взаимодействиях. Эти ученые заявляют о необходимости прорыва к объективным законам субъективной реальности через действия, конкретные тесты, а не только мнения объекта исследования обо всем этом. Именно феномен рефлексии становится во множестве социальных явлений главным. Об этом пишут авторы Международного междисциплинарного журнала «Рефлексивные процессы и управление», издающегося с 2001 г., хотя и не пользующегося у современных исследователей должным вниманием. Подчеркнем, что предлагаемые здесь для анализа социальных отношений и межгрупповых взаимодействий математические «мягкие модели» включают основные математические понятия синергетики и нелинейной науки в целом, исходят из предположений и гипотез о сущности описываемых явлений, извлечении следствий из этих гипотез и уточнении самих гипотез.

Допускается в настоящее время обсуждение инвариантно-групповых методов (теория систем отношений с ориентацией на принципы, а не на конкретные модели) [10]. По мнению исследователей, нужна математика, основанная на синтезе, использование нового математического языка, который оперирует не с отдельными элементами, а с конечными множествами. Единственный прообраз (сущность) проявляется и находит свое выражение во множестве образов (явлений). Представляется не соответствие действительности, а самосогласованность множества на первый взгляд совершенно различных явлений, полей, вытекающих как следствие из единственного общего принципа. Изучается программа возникновения явления, состоящая из нескольких пакетов программ. Но этой программе, подчеркивают ученые, надо создать соответствующие условия, удобную среду обитания.

Принципиальная позиция, призывающая к всестороннему изучению согласия в области межгрупповых гендерных отношений, сформулирована, на наш взгляд, в работах С.Г. Айвазовой, которая подчеркивает: «Гендер – это конкретное взаимодействие мужчин и женщин. Только вместе индивиды создают разделяемые культурные схемы или «смыслы», влияющие на тот или иной характер (тип) их взаимодействия» [11]. Весьма интересны в связи с предложенной темой исследования работы Г.Н. Кареловой, Е.В. Кочкиной, С.В. Полениной, З.М. Саралиевой, О.В. Шабуровой, Н.А. Шведовой, О.А. Хасбулатовой и др. В них гендер как категория анализа встраивается в контекст сферы повседневности, затрагивающей не только жизненный уровень, который необходим для нормальной жизни, но и свободу от различных видов зависимости.

В названных публикациях находит отражение спор, который идет в нашем научном сообществе между исследователями, развивающими и использующими когнитивный подход к анализу социальных явлений, и некоторыми его интерпретаторами. Наряду с применяемым в исследованиях повседневности когнитивным подходом требуется, на наш взгляд, и другой когнитивный подход, располагающий к синтезированию эмпирических исследований взаимодействий социальных групп при их теоретическом обобщении: конкурирующие в определенных аспектах противоположные теории могут здесь быть объединены.

Список литературы

1. Подьоло Ж. Социальный порядок: принципы социологического анализа // Современная западная социология: классические традиции и поиски новой парадигмы. – М.: ИНИОН, 1990. – С. 93–110.
2. Дискретный обзор: гендерные отношения – 2 / FoxЖурнал. Факты (дата обращения: 17.11.2019).
3. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры // Вопр. философии. – 1992. – № 6. – С. 91–105.
4. Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. Е. Сурпиной. – М.: Академ. проект, 2019. – 313 с.
5. Зарубина Н.Н. Деньги в социальном конструировании пространства // Полит. исследования. – 2008. – № 5. – С. 169–179.
6. Манн М. Власть в XXI столетии. Беседа с Джоном А. Холлом (книга-интервью). – М.: НИУ ВШЭ. – 208 с.
7. Полюшкевич О.А. Гендерная дифференциация представлений о социальной солидарности в современном российском городе // Женщина в рос. о-ве. – 2010. – № 3. – С. 15–23.
8. Ильин В.В. Теория познания. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
9. Гуц А.К., Фролова Ю.В. Математические методы в социологии. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 216 с.
10. Лефевр В.А. Рефлексия. – М.: Когито-центр, 2003. – 496 с.
11. Айвазова С.Г. Гражданское действие и политика: гендерный профиль // Россия в процессе реформ: социально-политические аспекты / отв. ред. Ю.С. Оганисян. – М.: ИС РАН. Современная экономика и право, 2009.

References

1. Podiolo J. *Social'nyj poryadok: principy sociologicheskogo analiza* [Social Order: principles of sociological analyses] // *Sovremennaya zapadnaya sociologiya: klassicheskie tradicii i poiski novoj paradigm* [Modern western sociology: classical traditions and search of a new paradigm]. – М.: INION, 1990. – S. 93–110.
2. *Discrete Review: gender relations – 2 / Fox Magazine. Facts* (date of the application: 17.11.2019).
3. Scvyrjev V.S. *Racional'nost' kak cennost' kul'tury* [Rationality as a Cultural Value] // *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. – 1992. – № 6. – P. 91–105.
4. Levin K. *Field Theory in Social Sciences* [Teoriya polya v social'nyh naukah] / Transl. of E. Surpina. – М.: Acad. Project, 2019. – 313 p.
5. Zarubina N.N. *Den'gi v social'nom konstruirovanii prostranstva* [Money if the Social Construction of Space] // *Politicheskie issledovaniya* [Political Researches]. – 2008. – № 5. – S. 169–179.

6. Mann M. *Vlast' v XXI stoletii. Beseda s Dzhonom A. Hollom* (kniga-interv'yu). [Poer in XXI century. Conversation with John A. Hall (book-interview)]. – M.: SRU HSE. – 208 p.

7. Polushkevich O.A. *Gendernaya differenciaciya predstavlenij o social'noj solidarnosti v sovremennom rossijskom gorode* [Gender Differentiation of Perceptions about Social Solidarity in a Modern Russian City] // *ZHenshchina. v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. – 2010. – № 3. – S. 15–23.

8. Ilyin V.V. *Teoriya poznaniya* [Theory of Knowledge]. – M.: Book House "LIBROCOM", 2011.

9. Gutz A.K., Frolova Y.V. *Matematicheskie metody v sociologii* [Mathematical Methods in Sociology]. – M.: Publishing house LKI, 2007. – 216 p.

10. Lefevr V.A. *Refleksiya* [Reflexion]. – M.: Cogito-Centre, 2003. – 296 p.

11. Aivazova S.G. *Grazhdanskoe dejstvie i politika: gendernyj profil'* [Civil Action and Policy: Gender Profile] // *Rossiya v processe reform: social'no-politicheskie aspekty* [Russia in the Process of Reforms: Social and Political aspects] / Oganisjan Y.S. (executive editor). – M.: IS RAN. – Modern Economy and Law, 2009.

Сведения об авторах

Веремёнко Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: v.a.veremenko@ya.ru; ORCID: 0000-0002-5217-5609

Дённингхаус Виктор, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора, Нордост-институт Гамбургского университета (г. Люнебург), Германия; e-mail: v.doenninghaus@ikgn.de

Досина Наталья Викентьевна, кандидат исторических наук, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Ярославский филиал; e-mail: nat-dosina@yandtx.ru

Крылова Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры рекламы и общественных коммуникаций, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: hellennak@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2202-6482

Лиценбергер Ольга Андреевна, доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник, Баварский центр культуры немцев из России (BKDR), Германия; e-mail: litzenbergerolga@gmail.com

Мусагалиева Арайлым Сабитовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан; e-mail: arai0410@mail.ru

Мицюк Наталья Александровна, доктор исторических наук, доцент кафедры философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук, Смоленский государственный медицинский университет; e-mail: ochlokratia@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9862-1272

Проскурина Ксения Витальевна, студентка IV курса направления «Международные отношения», Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: ху-pros@mail.ru

Семенова Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: ln.semenova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9048-7200

Семёнова Ольга Александровна, младший научный сотрудник НОЦ исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: ivanova.olga.al@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7130-9038

Синова Ирина Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений, истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: s-irina@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9109-2980

Степченков Леонид Леонидович, ведущий специалист, Государственный архив Смоленской области, Россия, Смоленск; e-mail: collectsm@bk.ru

Цуканов Евгений Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиатехнологий Высшей школы печати и медиатехнологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург; e-mail: tsukanov_1975@inbox.ru

About authors

Victor Dönninghaus, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Nordost Institute of the University of Hamburg (Lüneburg), Germany; e-mail: v.doenninghaus@ikgn.de

Dosina Natal'ya Vikent'evna, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Philosophy, Pushkin Leningrad State University, Yaroslavl branch; e-mail: nat-dosina@yandex.ru

Krylova Elena Nickolaevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Advertising and Public relations, Pushkin Leningrad State University; e-mail: hellennak@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2202-6482

Litsenberger Ol'ga Andreevna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Researcher at the Russian Germans' Culture Bavarian Center (BKDR), Germany; e-mail: e-mail: litsenbergerolga@gmail.com

Musagalieva Arailym Sabitovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Kazakhstan, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan; e-mail: arai0410@mail.ru

Mitsyuk Natalya Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Senior Lecturer, Smolensk State Medical University (Smolensk, Russia), e-mail: ochlokratia@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9862-1272

Proskurina Ksenia Vital'evna, IV-year student of «International relations», St. Petersburg State Economic University; e-mail: xy-pros@mail.ru

Semenova Lyudmila Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: ln.semenova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9048-7200

Semenova Ol'ga Alexandrovna, Junior Researcher, REC of Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University; e-mail: ivanova.olga.al@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7130-9038

Sinova Irina Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of international relations, history and political science, St. Petersburg State Economic University; e-mail: s-irina@yandex.ru; ORCID 0000-0001-9109-2980

Stepchenkov Leonid Leonidovich, Leading Specialist of the State Archive of the Smolensk region. Russia, Smolensk; e-mail: collectsm@bk.ru

Tsukanov Evgeny Aleksandrovich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, the Higher School of the Press and Media Technologies of St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg; e-mail: tsukanov_1975@inbox.ru

Veremenko Valentina Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian history, Pushkin Leningrad State University; e-mail: v.a.veremenko@ya.ru; ORCID: 0000-0002-5217-5609

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА»

приглашает Вас к сотрудничеству в **новом научном журнале**

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Актуальность данного направления определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и филологии. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

К публикации в научном журнале «**История повседневности**» принимаются оригинальные (ранее не публиковавшиеся) научные статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов данного направления исторической науки:

- теория и методология истории повседневности;
- историография и источники по истории повседневности;
- событийная область публичной повседневной жизни отдельных людей и социальных групп;
- производственный быт и повседневность труда;
- экономическая повседневность в условиях мирного и военного времени;
- экстремальная, военная, революционная повседневность;
- аномальная повседневность;
- праздничная повседневность;
- влияние государственной политики на повседневную жизнь людей;
- международные отношения и их влияние на повседневную жизнь населения той или иной страны;
- общественное сознание и повседневная жизнь;
- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- гендерная история, история семьи и детства;
- этно-конфессиональный аспект истории повседневности;
- проблемы макро- и микро- истории.

На страницах научного издания (журнала) найдут свое место также информация о конференциях и других научных мероприятиях, затрагивающих проблемы повседневности и проходящих в разных регионах нашей страны и мира, комментированные публикации источников, рецензии и отзывы. Мы рассчитываем, что данный журнал станет посредником и организатором многочисленных научных дискуссий, объединив тех, кто активно занимается или только приступает к освоению проблем истории повседневности.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи на русском или английском языках **объемом от 0,5 до 1,0** печатного листа (электронная версия обязательна). С текстом статьи необходимо предоставлять один экземпляр внешнего отзыва, заверенного печатью организации, дающей отзыв.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

Правила оформления материалов:

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ в статье должны быть указаны **УДК**, название статьи, аннотация (800–1000 знаков), ключевые слова (10–12 слов), ФИО авторов (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы или учебы, должность или курс (кафедра, институт, университет), страна, город, адрес служебный/домашний, телефон служебный/домашний, адрес электронной почты.

Компьютерный текст должен быть набран 14 кеглем в редакторе WORD; параметры страницы (поля) 2,0 см; абзац – 1,25; интервал – полуторный; шрифт – Times New Roman; сноски оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [2. Л. 3].

Список литературы приводится 14 кеглем в конце статьи **по порядку упоминания в тексте**.

В списке источников и литературы должно быть указано не менее 10 наименований.

В ссылках на книги обязательно указываются издательство и количество страниц, в ссылках на журналы – страницы на которых расположена статья, в ссылках на Интернет ресурсы – дата обращения.

См. образцы:

1. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). – СПб.: В. Березовский, 1911. – 32 с.
2. Мельцин М.О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В.Н. Долгорукова (Владими́рова) // Новейшая история России. – 2013. – № 3(08). – С. 174–186.
3. Лобанов В.В. Роль труда в опытах физического воспитания В.С. Пирусского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9(137). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-truda-v-opytah-fizicheskogo-vozpitaniya-v-s-pirusского> (дата обращения: 01.12.2015).
4. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) и переведенный на английский язык библиографический список. Транслитерация должна осуществляться автоматически (можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>).

Порядок написания: **Авторы** (транслитерация); **название статьи** (транслитерация); [**перевод названия статьи на английский язык** в квадратных скобках]; **название русскоязычного источника** (транслитерация); [**перевод названия источника на английский язык**]; **выходные данные** с обозначениями на английском языке (город, издательство); **цифровые данные** (год, страницы).

Пример:

References

1. *Drake L.L. Kadetskii byt 50-kh godov (otryvochnye vospominaniya)* [Cadet Life 50s (fragmentary memories)]. St. Petersburg: V. Berезovskii, 1911. – 32 p.
2. *Mel'tsin M.O. Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetskogo intelligenta: zhizn' i tvorchestvo V.N. Dolgorukova (Vladimirova)* [Of noble origin to the fate of the Soviet intelligentsia: the life and work of VN Dolgorukov (Vladimirov)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. – 2013. – № 3(08). – P. 174–186.

Полнотекстовые версии журнала размещаются на сайтах Научной электронной библиотеки и Киберленинки, включены в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования).

Статьи, оформленные в соответствии с указанными требованиями, можно отправить по электронной почте – **E-mail: v.a.veremenko@ya.ru**

Для заметок

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 1 (13)

На обложке размещена репродукция картины
Ф. С. Журавлева «Кухарка», 1880 г.

Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 20.03.2020. Формат 60x84 1/16.

Гарнитура Arial. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 9,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1621

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10